

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 4

2019

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2019

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайский государственный педагогический университет
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. (Барнаул, председатель), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К.Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хофман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Е.А. Худенко (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), П.В. Алексеев, М.П. Гребнева, В.Н. Карпухина, И.Ю. Колесов, Г.В. Кукуева, А.И. Куляпин, Е.В. Лукашевич, В.Д. Мансурова, С.А. Осокина, Ю.В. Трубникова, А.Т. Тыбыкова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

С.В. Доронина, Е.И. Клинк, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66;
Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций,
филологии и политологии, оф. 407.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: soveto1@filo.asu.ru

Адрес на сайте АлтГУ: http://www.fmc.asu.ru/philol_journal/

Адрес в системе РИНЦ: http://library.ru/title_about.asp?id=25826

Адрес в Open Journal System: <http://journal.asu.ru/pm/index>

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

И.В. Тресорукова Семантика символьного компонента <i>veró</i> 'вода' в новогреческой фразеологической картине мира	7
С.Г. Буданова, А.Г. Рябинина. Стереотипизация понятия «Новый год» в русской языковой картине мира (на материале вторичных текстов современной рекламы)	22
О.Г. Твердохлеб. Способы наивного толкования концептов «рай» и «ад» в афористических определениях	32
А.В. Уржа. Классификация эгоцентрических средств языка сквозь призму анализа переводного нарратива. Функциональное взаимодействие эгоцентриков	43
Г.Ф. Лутфуллина. Анализ функционирования глагола информирования для выражения категории пересказывательности в русском языке	58
О.Б. Солдатова. Аксиологический потенциал разговорных слов <i>tum, kid, dad</i>	69
Н.А. Грищенко, Е.О. Ершова, М.А. Старшева. Из истории знакомства англоязычной аудитории с поэмой Н.В. Гоголя «Мертвые души»	83
М. Яхьяпур, Т.А. Кошемчук. Диалоги в лирике иранской и русской поэтесс: Парвин Этесами и Анны Ахматовой	96
Н. Мамедов-Тагисой. Отражение суфийско-хуруфитского мировоззрения в творчестве Насими	111
М.С. Дедина. Художественная картина мира в произведениях Александра Ередеева	123

Научные сообщения

Е.Н. Василенко. «Язык вражды» как предмет научного анализа и как социальный феномен (теоретическое обоснование перспектив исследования)	136
Н.В. Кожанова. Этнокультурная специфика немецкоязычных печатных объявлений о вакансии	145

Е.С. Радионцева. Мода на fashion: специфика развития fashion-журналистики в России.....	154
В.В. Чекушин. «Мы все соборно виноваты»: эксплуатация христианского дискурса в эпистолярной и публицистике А.Н. Толстого 1917–1923 гг.....	160

Филология: люди, факты, события

Н.А. Хуббитдинова, Г.В. Юлдыбаева, А.Г. Салихов. Духовное наследие тульвинских башкир: фольклор и археография (по материалам комплексной научной экспедиции).....	169
Н.А. Максимчук, Н.В. Бубнова. Современная ономастика: достижения и перспективы.....	176

Проблемы филологического образования

Ю.А. Здоронюк. Лингвоакустические ресурсы как основной компонент компьютерных обучающих языковых программ: новое в обучении иностранному языку	180
Резюме	183
Содержание журнала за 2019 год	198
Наши авторы	202

CONTENTS

Articles

I.V. Tresorukova. Semantics of a Symbolic Component <i>Water</i> in the Modern Greek Phraseological World View	7
S.G. Budanova, A.G. Ryabinina. Stereotypification of the Notion <i>New Year</i> in the Russian Linguistic View of the World (Based on Secondary Texts of Modern Advertising).....	22
O.G. Tverdokhleb. Ways of Naive Interpretation of Concepts <i>Paradise</i> and <i>Hades</i> in Aphoristic Definitions	32
A.V. Urzha. Classification of Egocentric Language Units Based on the Analysis of Translated Narratives. Functional Interaction of Egocentrics	43
G.F. Lutfullina. The Analysis of Information Verb Functioning: Expression of Reportative Category in Russian	58
O.B. Soldatova. Axiological Potential of the Colloquial Words <i>Mum, Kid, Dad</i>	69
N.A. Grishchenko, E.O. Ershova, M.A. Starsheva. On the History of Acquaintance of English-Speaking Readers with N. Gogol's Poem <i>Dead Souls</i>	83
M. Yahyapour, T.A. Koshemchuk. Dialogues in the Lyrics of Iranian and Russian Poetesses: Parvin E'tesami and Anna Akhmatova	96
N. Mammadov-Talisoy. Reflection of the Sufi-Hurufi Worldview in the Works of Nasimi.....	111
M.S. Dedina. Artistic World View in the Works of Alexander Eredeev	123

Scientific reports

E.N. Vasilenko. Hate Speech as an Object of Research and as a Social Phenomenon (Theoretical Grounding of Research Prospects)	136
--	-----

N.V. Kozhanova. Ethno-cultural Specificity of Printed Job Advertisements in German	145
E.S. Radiontseva. The Vogue of Fashion: Specifics of Development of Fashion-journalism in Russia	154
V.V. Chekushin. «We are all guilty»: the Exploitation of Christian Discourse in the Epistolary and Publicistic Writing of A.N. Tolstoy 1917-1923.....	160

Philology: people, facts, events

N.A. Khubbitdinova, G.V. Yuldybaev, A.G. Salikhov. The Spiritual Heritage of the Tulvin Bashkirs: Folklore and Archeography	169
N.A. Maximchuk, N.V. Bubnova. Modern Onomastics: Achievements and Perspectives.....	176

Problems of philological education

Yu.A. Zdoronok. Linguoacoustic Resources as the Main Component of Computer-based Teaching Language Programs	180
Summary	183
Issues content for 2019	198
Our authors	202

СТАТЬИ

СЕМАНТИКА СИМВОЛЬНОГО КОМПОНЕНТА *NEPO* 'ВОДА' В НОВОГРЕЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

И.В. Тресорукова

Ключевые слова: греческий язык, фразеология, пищевой код, языковая картина мира.

Keywords: Modern Greek language, phraseology, food code, linguistics picture of the world.

DOI 10.14258/filichel(2019)4-01

Введение

Изучение языковых единиц как средств выражения этнокультурного сознания личности представляет собой особый интерес, так как набор кодов культуры конечен и универсален для всего человечества [Пименова, 2007, с. 79]. Антропологический подход к языку предполагает его изучение в неразрывной связи с человеком и культурой, именно поэтому в языках возникает целый ряд различных образных средств, метафор, которые помогают человеку через призму своего восприятия передать картины окружающей действительности. В свете антропоцентрического подхода к изучению языка такие образы и образные системы формируют коды культуры, которые представляют собой национально окрашенные «образные коды» [Юрина, 2008, с. 83], выражаемые при помощи совокупности языковых средств и регулярно воспроизводящиеся в речи.

Основой любого культурного кода является символ как «итог смыслового развития знака в культуре» [Ковшова, 2012, с. 211]. Символ, как пишет М.Л. Ковшова, это знак «для устойчивого и регулярного воплощения ценностного содержания культуры, ее основных категорий и смыслов» [Ковшова, 2012, с. 211].

Фразеологические единицы (ФЕ) в лингвокультурологии играют важную роль, так как создают особую символизацию окружающего мира. «Этот несколькословный языковой знак способен не только образно описывать происходящее, но и воплощать в себе устойчивые смыслы, которые являются частью семантики данного знака и извлекаются из него при употреблении фразеологизма в речи» [Ковшова, 2012, с. 197], другими словами, ФЕ берут на себя функции по отображению и выражению материальной и духовной картины мира человека и нации в целом. В структуре образов ФЕ обычно находят свое отражение национальная психология, этические и моральные установки в оценке качеств, поведения и поступков человека, и подобная структура обычно описывается по принципу лексико-семантической полевой устроенности. В свою очередь лексико-семантические поля (ЛСП) формируют и отражают универсальную оценку мира и места личности в мире, другими словами, являются составными частями языковой картины мира (ЯКМ).

Одним из культурных кодов ЯКМ является пищевой код. Базовые метафоры образов еды и кухни присутствуют в менталитете всех народов мира и регулярно воспроизводятся в речи [Юрина, 2015, с. 8]; одной из таких основных метафор является *вода*: так, уже в народных представлениях вода является одной из первых стихий мироздания, источником жизни и средством магического очищения [Агапкина, Толстая, 1995, с. 386], и потому как в греческой, так и в любой национальной культуре играет особую роль. *Вода* становится одним из весьма распространенных образов и во фразеологической картине мира, так как ее физические параметры, прозрачность, отсутствие вкуса и запаха становятся метафорой многих явлений в жизни человека.

Как отмечают Т.А. Агапкина и С.М. Толстая, в славянской культуре символика воды связана как с ее природными свойствами (свежестью, прозрачностью, быстрым движением и т.д.), так и с мифологическими представлениями о воде как о «чужом» и опасном пространстве [Агапкина, Толстая, 1995, с. 388]. Аналогичную трактовку мы выявляем и в греческой культуре, где символика воды также связана, с одной стороны, с ее физическими свойствами как жидкости, присутствующей как в природе, так и в жизни человека, и, с другой стороны, с мифологическими, фольклорными, религиозными представлениями о воде. Сакральный и магический характер воды как элемента традиционной культуры отражен во многих образных единицах греческого языка: ср., например, *αθάνατο νερό* ‘бессмертная вода’, *νερό της λησιμονιάς* ‘вода забвения’ (ср. др.-гр. *Λήθης ὕδωρ* ‘вода

Леты»). При этом функционирование символьного знака *вода* в составе ФЕ практически не изучено на материале новогреческого языка, поэтому в данной работе представлен анализ материала, собранный при помощи метода сплошной выборки по существующим корпусам текстов при опоре на толковые словари новогреческого языка. В результате были вычленены ФЕ, содержащие лексему *вода*, и выявлено ЛСП значений соответствующих ФЕ.

ФЕ с символьным компонентом *вода* в новогреческом языке

В новогреческом языке вода представлена двумя лексемами: это современная лексема *νερό* и древнегреческая ее форма *ὑδωρ*, которая, в отличие от современного варианта, употребляется только как составная часть имен существительных или, применительно к фразеологии, в устойчивых выражениях. Методом сплошной выборки в корпусах текстов греческого языка ЕΘΕΓ, ΣΕΚ, eITenTen было вычленено 53 ФЕ, из которых большую часть представляют собой конструкции с лексемой *νερό*.

1. ФЕ с символьным компонентом *νερό*

Современная лексема происходит от субстантивированного прилагательного *νηρός* ‘свежий молодой’, встречающегося в словосочетании *νηρόν ὑδωρ* ‘свежая вода’, которое, в свою очередь, является эллинистическим вариантом древнегреческого *νεαρός* ‘молодой, свежий’. Самое раннее упоминание лексемы *νηρός* в сочетании с *ὑδωρ* встречается у Фриниха: *Νηρόν ὑδωρ οὐκ εἶποις, ἀλλὰ πρόσφατον, ἀκραιφνές* (Phrynichus Attic., Eclogae (familia q) 27.1) ‘«свежая» вода ты, наверно, не сказал бы, но недавняя, чистая»¹. В значении ‘вода’ прилагательное *νηρόν* субстантивируется и в таком варианте встречается в текстах византийского периода, ср., напр., у Феодора Студита: *Στρέφου, θεώρει, νηρόν ἄλλο περ νέμων, ἴν' εὖ γένηται καὶ χάρις σοι πλουσία* (Theodorus Studites. Iambi de variis argumentis, 13, 10) ‘Повернись, глянь, **вода** есть не что иное, как то, что распределяется <между всеми>, чтобы стать благом и тебе большой благодатью’.

Как уже было указано выше, любой анализ образной лексики и ФЕ проводится в свете полевой устроенности семантики лексемы или соответствующих устойчивых выражений, где в ядре находится буквальное употребление соответствующей лексемы или понятия (в нашем случае ‘вода’). По мере удаленности от ядра к периферии буквальное значение размывается, заменяясь метафорическим, и на

¹ Здесь и далее перевод наш.

самом краю периферии ЛСП оказываются единицы, семантика которых подверглась полной интерпретации.

1.1. ФЕ, относящиеся к ядру ЛСП

При распределении выявленных в результате анализа ФЕ по секторам ЛСП в ядро с лексемой *νερό* мы включаем 8 ФЕ, в которых данный символичный знак по большей части сохраняет свое прямое значение: ср., например, *αθάνατο νερό* ‘бессмертная вода’ (ср. рус. живая вода), *νερό της λησμονιάς <της άρνας>* ‘вода забвения’ (ср. рус. испить воды из Леты), *πίνω το αμίλητο νερό* ‘пить безмолвную воду’ (ср. рус. как в рот воды набрал), *νερό και ψωμί* ‘вода и хлеб’ (ср. рус. (сидеть) на хлебе и воде) и пр. В последней ФЕ сочетание хлеба и воды символизирует основные потребности человека, а именно потребность в утолении жажды и голода: стоит отметить, что в ФЕ *νερό και ψωμί* вода стоит на первом месте. Как отмечают Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, в Библии говорится, что «Главная потребность для жизни – вода и хлеб, и одежда и дом, прикрывающий наготу», при этом вода стоит на первом месте, поскольку «утоление жажды — более настоятельная потребность, чем утоление голода» [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 902]. Данная ФЕ, таким образом, с одной стороны, обозначает скудную трапезу, а с другой стороны, формирует образ основы человеческого существования, поскольку вода и хлеб представляют собой минимальные средства, способные поддерживать жизнь.

К ядру ЛСП относятся также ФЕ *ρίχνει <πέφτει> νερό με το τουλούκι* ‘льет <падает> вода при помощи бурдюка’ ср. рус. льет как из ведра’, где лексема *νερό* выступает в значении осадков, дождя, и ФЕ *λέω το νερό νεράκι* букв. ‘(говорить) вода водичка’, то есть вспоминать о самом необходимом, о хлебе насущном, где лексема *вода*, редуцируясь в виде диминутива в роли второго компонента, выступает в своем прямом значении, являясь названием необходимого для жизни средства, ср., напр.: *Όμως η κατάσταση είναι δραματική και, αν δεν υπάρξουν άμεσα μέτρα, τα οποία αναμένεται να ληφθούν από ημέρα σε ημέρα, οι Αθηναίοι θα πουν το νερό νεράκι σύντομα, καθώς τα αποθέματα επαρκούν μόνο μέχρι τις 10 Μαρτίου 1993¹. ‘Но ситуация трагична, и, если не принять срочных мер, которые вот-вот должны быть приняты, жители Афин вскоре будут молиться на воду (досл. скажут вода водичка), так как запасов хватит только до 10 марта 1993 года’.*

¹ ΕΘΕΓ εφημερίδα ΒΗΜΑ. [Электронный ресурс]. URL: www.tovima.gr.

Стоит отметить, что аналогичная конструкция встречается и с лексемой *ψωμί* ‘хлеб’ – то *ψωμί ψωμάκι* ‘хлеб хлебушек’ в значении самого необходимого для жизни предмета, ср., напр.: *Η παραγωγή τροφίμων γίνονται κάθε μέρα και ποιο δυσανάλογη στον καλπασμό της αυξήσεως του αριθμού της γεννήσεως. Δύσκολα χρόνια έρχονται, σε λίγο για όλους μας θα πούμε το ψωμί ψωμάκι. Το λένε οι στατιστικές μελέτες, το λένε οι επιστήμονες, το έχει πει πριν από αυτούς η Αγία Γραφή¹. ‘Производство продуктов день ото дня становится все более диспропорциональным по отношению к цифрам рождающихся. Наступают тяжелые времена, скоро все мы будем постоянно думать о хлебушке (досл. скажем хлеб хлебушек). Об этом говорит статистика, говорят ученые, уже задолго до них сказали об этом и в Священном Писании’.* Это, как уже было отмечено, позволяет говорить о тесной связи *воды* и *хлеба* как основных продуктов для поддержания жизни человека.

1.2. ФЕ, относящиеся к околоядерной зоне ЛСП

К околоядерной зоне ЛСП мы относим 15 ФЕ, в некоторых из которых лексема *νερό* используется в составе ФЕ со значением компаративности, ср., напр., *σαν το ψάρι στο νερό* ‘словно рыба в воде’, *σαν το ψάρι έξω απ’ το νερό* ‘словно рыба вне воды’ (ср. рус. *не в своей тарелке*), *όπως στην πάπια το νερό* ‘как утке вода’, *μια τρύπα στο νερό* ‘дыра в воде’, то есть нечто бесполезное. Сюда включаются также локативные ФЕ, которые обозначают нахождение в привычных условиях или вне таковых, ср., например, *είμαι έξω από τα νερά μου* ‘я вне своих вод’, то есть *не в своей тарелке*, *χάνω τα νερά μου* ‘я теряю свои воды’, то есть *испытываю дискомфорт, сложно приспособливаюсь к новым условиям жизни или к новому окружению*. «Свои воды» выступают метафорой некоей «зоны комфорта», условий, к которым человек привык и знает, как в них поступать, поэтому такие ФЕ, как, *φέρνω κάποιον στα νερά μου* <με τα νερά μου> ‘нести кого-то в свои воды’ или, наоборот, *πάω με τα νερά του* ‘идти с его водами’ употребляются для обозначения ситуации, в которой люди приспособляются к обстановке, а *вода* как символичный компонент ФЕ используется метафорически для обозначения курса, направления движения или хода рассуждений или мыслей. Сюда относится также ФЕ *πνίγομαι* <*χάνομαι*> *σε μια κουταλιά νερό*, ‘тонуть <теряться> в чайной ложке воды’, то есть *быть не в состоянии справиться с самой небольшой проблемой*, где размер ложки становится метафорическим обозначением небольшого объема трудностей, а *вода* в силу своих

¹ eITenTen. [Электронный ресурс]. URL: www.greekphone.org/49/61-2012-08-26-01-01-01/77-iniirimifiiis-iiiiiisimi-iiimisiifiim.

физических свойств употребляется для обозначения простоты поставленной задачи.

Значение объема присутствует также в ФЕ *οὐτε ἓνα ποτήρι νερό* ‘ни стакана воды (не допросишься)’, ср. рус. *зимой снега не выпросишь*, где емкость с водой, в данном случае стакан, переосмысливается как нечто малое, незначительное, ср., например, *δεν είδα απ’το χέρι του οὐτε ἓνα ποτήρι νερό* ‘я не увидел из его руки ни стакана воды’.

К околоядерной зоне относится также ФЕ *το αίμα νερό δεν γίνεται* ‘кровь не становится водой’ ср. рус. *кровь – не водица*, обозначающая нерушимость семейных или родственных связей. Такие связи отражены и в ФЕ *μοιάζουν σα δύο σταγόνες νερό* ‘они похожи как две капли воды’, где капли воды становятся эталоном сравнения. Уважение к другому человеку передается при помощи ФЕ *πίνω νερό στο όνομα κάποιου* ‘пить воду в честь кого-то’, что связано с распространенной греческой традицией в первую очередь всегда ставить на стол воду, причем сидящие за столом, перед тем как отпить глоток воды, всегда желают здоровья либо хозяевам, либо собеседникам, произнося фразу *Γεια μας* ‘Здоровья нам’. При этом следует отметить, что эта фраза не произносится ни с какими иными видами жидкостей.

В ФЕ с обозначением времени *ο χρόνος κυλάει σαν νερό* ‘время течет словно вода’ скоротечность времени ассоциируется с текучестью и быстрым движением воды.

1.3. ФЕ ближней и дальней периферии

Переходя к периферийной зоне, следует отметить, что к ближней периферии мы относим ФЕ, где образность лексемы *νερό* достаточно высока, ее буквальное значение стирается практически полностью, уступая место значению метафорическому. Анализируя процесс метафорических употреблений ФЕ с компонентом *νερό* ‘вода’ и, следуя принципу моделирования сфер жизни по образу и подобию явлений предметного мира [Юрина, 2015, с. 37-38], мы распределяем ФЕ на периферии ЛСП по следующим категориям: 1) внешний вид, движения, походка человека, 2) черты характера и нравственные качества человека, 3) социальное поведение человека и отношения в обществе, 4) явления из различных сфер жизнедеятельности, 5) широкий круг явлений.

Так, **внешность** человека описывается при помощи ФЕ *σαν τα κρύα τα νερά* букв. ‘словно холодные воды’, то есть ‘свежий и молодой’, о молодом и красивом, полном жизни человеке, о красивой девушке, ср., например, *Όπως θα δείτε και στο βίντεο η Μολίν είναι μια γυναίκα σαν τα κρύα τα νερά, όμορφη και χαμογελαστή. Όμως από τη μέση του βίντεο και*

μετά το χαμόγελο αρχίζει να ξεθωριάζει από το πρόσωπο της¹. ‘Как вы увидите и на видео, Молин – женщина **во цвете лет** (досл. как холодные воды), красивая и улыбчивая. Но уже во второй половине видео улыбка начинает исчезать с ее лица’. Здесь физические свойства воды, такие, как прозрачность, прохлада и чистота, переосмысляются метафорически и используются для обозначения свежести, молодости и красоты.

К внешности также относятся и физиологические выделения человеческого организма, где вода используется в качестве эвфемизма: *στάζει νερό από πάνω μου* ‘с меня капает вода’, то есть ‘я обливаюсь потом’, *έσπασαν <σπάνε τα νερά>*² ‘прорвались / прорываются воды’, то есть ‘отошли <отходят> воды’ (околоплодные), *η μύτη μου τρέχει νερό* ‘у меня нос течет водой’, то есть ‘у меня из носа течет очень жидкая слизь’, *πηγαίνω προς νερό μου* ‘иду для своей воды’, то есть *иду помочиться*, ср., например, *Είναι συχνά στη διακριτική ευχέρεια των δασκάλων αν θα επιτρέψουν ή όχι σε ένα παιδί να πάει «προς νερό του»*. ‘Часто учителю приходится решать самому, разрешить или не разрешить ученику **выйти в туалет** (букв. ‘пойти к своей воде’)’.

При описании **характера** человека выделены 7 ФЕ с символическим компонентом *νερό*, причем только одна из них используется в положительном значении: *κι από την πέτρα βγάξω νερό* ‘даже из камня добывать воду’. Человек, который способен выжать из камня воду, обладает невероятным талантом, силой или мастерством. Неспособность обычного человека выжимать из камней такую ценную для каждого живого существа жидкость противопоставляется умению человека необычного, и это противопоставление лежит в основе данной ФЕ, означающей ‘он очень способный, он обладает несомненным талантом’.

Вычлениются четыре ФЕ с компонентом *νερό*, которые используются для описания человека невежественного или беспомощного (<*καπετάνιος*> *του γλυκού νερού* ‘<капитан> пресной воды’ то есть *неопытный человек*; пресная вода в данном случае стала метафорой неопытности, беспомощности или невежества в силу

¹ eITenTen. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.invitromagazine.gr/2014/01/31/i-endoikogeniaki-via-apotipomeni-sto-prosopo-mias-ginekas-video>.

² Мы помещаем в скобки < > наиболее частотный вариант использования существительного (15 употреблений в корпусе eITenTen, 12 в корпусе EΘΕΓ), также при сплошной выборке мы обнаружили такие окказиональные сочетания как *εθνικιστής του γλυκού νερού* ‘националист пресной воды’, *πολιτικός του γλυκού νερού* ‘политик пресной воды’, *επαναστάτης του γλυκού νερού* ‘революционер пресной воды’ и пр.

географического положения Греции и практического отсутствия судоходства по немногочисленным рекам страны), скупого и корыстолюбивого (ФЕ *δεν στάζει νερό από τα χέρια του* букв. ‘с его рук не капает вода’, то есть *жадный человек*, где вода переосмыслиется как ничтожно малая сумма, ср. рус. *не упустит ни копейки*, а также ФЕ *δεν δίνει του αγγέλου του νερό* ‘он не дает воды даже своему ангелу’, ср. рус. *у него снега зимой не допросишься*), стремящегося получить выгоду из сложившейся неприятной ситуации (*ψαρεύω σε θολά νερά* ‘рыбачить в мутных водах’ ср. рус. *ловить рыбку в мутной воде*). Так, например:

*Όμως οι άνδρες του Λιμενικού κύριοι, έχουν πολύ σοβαρότερα πράγματα να ασχοληθούν από όλους εκείνους που είναι καπετάνιοι του γλυκού νερού και θέτουν σε κίνδυνο, τόσο τη δική τους ζωή, όσο και των ανθρώπων που μεταφέρουν στο σκάφος!*¹ ‘Но у сотрудников портовых служб, дамы и господа, есть гораздо более важные дела, нежели чем заниматься всеми **неопытными капитанами** (досл. капитанами пресной воды), которые подвергают опасности как свою жизнь, так и тех, кого они перевозят на своей лодке!’

*Η Ν.Δ. έχει δύο γλώσσες και δύο πολιτικές. Άλλη για τις επιχειρήσεις και άλλη για τους εργαζόμενους. Η Ν.Δ. ψαρεύει στα θολά νερά. Υποτιμά τη νοημοσύνη του λαού*² ‘Партия «Новая Демократия» говорит на двух языках и осуществляет двойную политику. Одну – для предприятий, и другую – для трудящихся. «Новая Демократия» **ловит рыбку в мутной воде**. Она недооценивает народное сознание’.

Состояние сильного испуга передается через ФЕ *το αίμα μου έγινε νερό* ‘моя кровь стала водой’, где такие онтологические признаки крови, как густота, насыщенность и цвет противопоставляются онтологическим свойствам воды – жидкости и прозрачности.

Социальное поведение человека передается при помощи одиннадцати ФЕ с символическим компонентом *νερό*. Так, бесполезное занятие, не приводящее к результату, передается при помощи ФЕ *κοπανίζω το νερό μέσα στο γουδί* ‘толочь воду в ступе’, ср. рус. *толочь воду в ступе* и ФЕ *κουβαλώ νερό με το κόσκινο* ‘таскать воду решетом’ ср. рус. *носить воду решетом*. Причинение вреда или запутывание ситуации описывается через ФЕ *βάζω το νερό κάτω από την ψάθα* ‘помещать воду под солому’, т.е. *действовать коварно, кому-то во вред*. Сухая солома используется в хозяйстве, в том числе ею кормят скот, а отсыревшая солома приходит в негодность, другими словами, *мочить кому-либо солому* означает ‘мешать чьим-либо делам,

¹ ΕΘΕΓ. [Электронный ресурс]. URL: www.portcity.gr.

² ΕΘΕΓ. Ελευθεροτυπία.

вставлять палки в колеса'. Аналогичное значение есть и у ФЕ *θολώνω τα νερά* 'мутить воду' то есть *устраивать неразбериху, чтобы что-то скрыть* (ср. рус. мутить воду), и у ФЕ *ταράζω τα λιμνάζοντα τα νερά* 'волновать стоячие воды', то есть *вызывать обсуждение темы, которую не следует поднимать*.

Поведение человека, не отстаивающего свою позицию, уступающего, характеризуется при помощи ФЕ *κάνω νερά* 'делать воды', то есть *идти на понятную, отступить от своих слов или же сдавать позиции*, ср. рус. дать течь, то есть *отступить*, ср., напр., *Έπρεπε να φαγωθεί βλέπετε ο Καραμανλής, που κάπου τους έκανε νερά και δεν ευθυγραμμίζοταν απόλυτα με τα υπερατλαντικά αφεντικά, όπως κάνει ο Παπανδρέου*¹. 'Поэтому, как вы понимаете, следовало свалить Караманлиса, который в чем-то **отступил** (букв. 'сделал воды') и не полностью подчинялся заокеанским хозяевам, как это делает Папандреу'.

Аналогичной по смыслу является ФЕ *βάζω <ρίχνω> νερό στο κρασί μου* 'добавлять <подливать> воду себе в вино', обозначая 'становиться более уступчивым, менее требовательным'. Этот образ связан с традицией разбавлять вино, чтобы не опьянеть, и тем самым в основе собственно языковой семантики данного фразеологизма оказываются смыслы двух жидкостей, вина и воды, которые по своим онтологическим свойствам способны вызывать у человека разные психические состояния, и тем самым эта ФЕ воспринимается в русле уже существующего в культуре смысла, который закрепился в сознании носителя греческого языка на всем протяжении своей истории – *не пьянеть, знать меру*.

Как символичный компонент вода употребляется также в ФЕ *βάζω το νερό στ' αυλάκι* 'направлять воду в канавку' и *μπήκε το νερό στ' αυλάκι* 'вода вошла в канавку'. Значение данных ФЕ совпадает со значением русской ФЕ *войти в привычное русло*: ввести воду в канаву, в правильное русло означает привести в порядок какое-либо дело, решить вопрос, где вода символизирует само дело, которое выполняется должным образом.

Отсутствие результата передается при помощи ФЕ *πήγε στη βρύση και νερό δεν ήπιε* 'он пошел к источнику, а воды не выпил', то есть *он не добился цели, к которой шел*, ср. рус. (уйти) несолоно хлебавши.

Результат описывается при помощи ФЕ *όσα είπαμε, νερό κι αλάτι* 'сколько мы сказали, вода и соль', то есть *об этом не стоит больше говорить, что было, то было*. Онтологические свойства соли

¹ ΕΘΕΓ. [Электронный ресурс]. URL: www.votegreece.gr/archives.

растворяются в воде переосмысливаются и создают картину завершенности действия (в данном случае обсуждения темы), к которому не стоит больше возвращаться. И, напротив, ФЕ *σηκώνει νερό* ‘поднимает воду’ употребляется в значении *какой-то вопрос или действие вызывает отрицательную реакцию и серьезные последствия*, ср., напр.: *Ποίηση κρύβεται ακόμα και στις αλήθειες των καθημερινών ανθρώπων, στις εικόνες του πεζοδρομίου, της χαράς ή των προσωπικών δραμάτων μας, που συχνά μένουν θαμμένα μέσα μας. Λογοτέχνες που θεωρείς σπουδαίους... Αυτό σηκώνει νερό και πολλά ονόματα*¹. ‘Поэзия кроется даже в откровениях простых людей, в картинах улиц, радости и наших маленьких драм, которые зачастую остаются скрытыми глубоко внутри. Ты считаешь этих литераторов великими... Это большой вопрос (букв. ‘поднимает воду’), и возникает много имен’.

Социальные отношения между людьми описаны при помощи ФЕ *ρίχνω <κουβαλώ> νερό στο μύλο του* ‘лить <таскать> воду на его мельницу’, что означает *словами или делом поддерживать чье-либо мнение и действия, помогать в удовлетворении его интересов*, что совпадает с русским ФЕ *лить воду на чью-то мельницу*.

Вода как символ используется также для **обозначения различных явлений жизни**: так, ФЕ *μετρώ τα νερά* ‘измерять воду’ используется в значении *изучать обстановку*; данный фразеологизм по своему происхождению связан с обычаем у моряков измерять глубину и ширину воды в порту, чтобы правильно ввести туда судно, и такие привычные действия легли в основу данной ФЕ.

В качестве характеристики долгого промежутка времени применяются ФЕ *θα κλησει πολύ νερό ώσπου να γίνει κάτι* ‘утечет много воды, прежде чем что-то произойдет’ и ФЕ *κλήσε πολύ νερό στο αυλάκι* ‘натекло много воды в канавку’, т.е. *прошло много времени и/или многое произошло*. В русском языке мы обнаруживаем схожие по смыслу выражения: *много воды утекло*, то есть *прошло много времени, многое поменялось*.

Абсолютно схожа по своей структуре с вышеприведенной и описывающей поведение человека омонимичная ФЕ *κάνω νερά* ‘делать воду’, которая употребляется для обозначения ряби или помех на поверхности экрана, ср. рус. *по экрану идет рябь*, что в очередной раз подтверждает переосмысление онтологического свойства воды в озере, реке или море создавать небольшие волны от возникающего ветра, который нарушает ее спокойное состояние. Аналогичным образом

¹ elTenTen. [Электронный ресурс]. URL: www.anemosekdotiki.gr.

лексема *νερό* в форме множественного числа выступает в значении ‘складки ткани, узоры на камне или дереве’ (ср. рус. *складки / волны ткани*), ср., например, *Το ατλάζι κάνει ωραία νερά* ‘атлас ложится красивыми складками’.

Прозрачность воды становится символом ясности ситуации в ФЕ *μέσα στο νερό* <*στα νερά*> ‘в воде <в водах>’, то есть это точно, это ясно как Божий день, ср., напр., *Τι λες, θα αποδώσει το μαγαζί φέτος; Να είσαι σίγουρος, καμιά δεκαριά χιλιάδες μες στο νερό θα κάνει, σου λέω.*¹ ‘Ну как, что скажешь, нам принесет деньги заведение? Да будь уверен, десять тысяч точно получим, это я тебе говорю’.

Компаративный ФЕ *σαν νερό* ‘как вода’ употребляется в значении очень хорошо, назубок, ср., напр., *‘τα παιδιά της ξέρουν το μάθημά τους σαν νερό’* ее дети знают свои уроки очень хорошо (букв. ‘как воду’) (ср. рус. *назубок, как свои пять пальцев*) В этом же значении употребляется и диминутив *νεράκι* ‘водичка’, который иногда может редуцироваться *νερό νεράκι* ‘вода водичка’, ср., напр., *το ξέρει το ποίημα νεράκι* ‘он знает стихотворение назубок’ или *μας το είπε νερό νεράκι χωρίς να κοιτάζει καν στο βιβλίο* ‘он нам все отчеканил назубок, совсем не заглядывая в книгу’.

Кроме того, в периферию ЛСП мы включаем 18 паремий с компонентом *νερό*, таких, как, например, *γράφει στο νερό και σπέρνει στη λίμνη* ‘он пишет на воде и сеет в озере’, когда речь идет о невыполнимом действии (ср. рус. *писать вилами на воде*), *αλλού χτυπάει το νερό κι αλλού βροντάει ο μύλος* ‘в одном месте плещет вода и в другом гремит мельница’ (ср. рус. *сани в Казани, хомут на базаре*), *ίσα βάρκα ίσα νερά* ‘ровно лодка ровно воды’, когда речь идет о балансе в финансовом состоянии, и расходы равны доходам, *διψάει η αυλή μας για νερό κι εμείς το χύνουμε έξω* ‘наш двор нуждается в воде, а мы льем ее на улице’, когда нельзя пренебрегать потребностями близких людей и нужно оказывать им помощь (вариантом пословицы является *διψάει η αυλή του για νερό κι αυτός αλλού ποτίζει* ‘его двор нуждается в воде, а он поливает в другом месте’) и пр. Практически все пословицы обозначают оценку действий человека в определенных ситуациях и, как правило, представляют собой иронический комментарий к действию, которое совершается неправильно.

Таким образом, в состав периферии ЛСП входит 27 ФЕ и 18 паремий, в которых онтологические свойства воды переосмысливаются в свете существующих традиций и смыслов, существующих в культуре носителя новогреческого языка, и лексема

¹ ΕΘΕΓ. [Электронный ресурс]. URL: www.anekdotakias.wordpress.gr.

νερό в составе ФЕ обозначает различные стороны человеческой жизни и поведения, теряя свою связь с буквальным значением.

2. ФЕ с компонентом *ύδωρ*

Помимо лексемы *νερό* в значении ‘вода’ в греческом языке на всем протяжении его существования употребляется лексема *ύδωρ*. Она встречается еще у Гомера: *καλή υπό πλατανίστω ὄθεν ῥέεν ἀγλαὸν ύδωρ* ‘под прекрасным платаном, откуда текла сверкающая вода’ (Гомер. *Iliad*. II. 307).

В современном языке, будучи лексемой, синонимичной лексеме *νερό*, *ύδωρ* тем не менее употребляется главным образом в качестве компонента сложных имен существительных (ср., например, *ενυδάτωση* ‘увлажнение’, *υδατογραφία* ‘акварель’ и пр.) и выявляется в составе различных ФЕ-коллокаций, используемых в научных текстах; 3 ФЕ-идиомы, где *ύδωρ* используется в качестве символического компонента, относятся к периферии ЛСП.

2.1. ФЕ-коллокации с компонентом *ύδωρ*

Одной из категорий в классификации ФЕ являются коллокации, которые представляют собой в том числе и термины из языка науки. В новогреческом языке большинство терминов, имеющих отношение к описанию того или иного вида воды или ее качеств, содержат архаичную лексему *ύδωρ*, ср., напр., *βαρύ ύδωρ* ‘тяжелая вода’, *ενέσιμο ύδωρ* ‘вода для инъекций’, *οξυγονούχο ύδωρ* ‘вода, обогащенная кислородом’, *ὄμβρια ύδατα* ‘дождевые воды’, *διεθνή ύδατα* ‘нейтральные воды’, *χωρικά ύδατα* ‘территориальные воды’, *αγιασμός των υδάτων* ‘освящение вод’ (на праздник Богоявления) и пр. Примечательно, что в большинстве случаев используется именно архаическая лексема, но при этом допустимо, – а иногда и обязательно, – использовать лексему *νερό*, ср., например, *πόσιμο νερό* – *πόσιμο ύδωρ* ‘питьевая вода’ (вторая коллокация используется только в научной терминологии), но *αποσταμιμένο νερό* ‘дистиллированная вода’ (практически не выявлено в корпусах текстов *αποσταμιμένο ύδωρ*)¹, что свидетельствует о недостаточной упорядоченности использования этих лексем в разных видах дискурса новогреческого языка. Как отмечает А. Флиатурас [Φλιάτουρας κ.α., 2019, р. 262], лексема *νερό* чаще отмечается в текстах ненаучного характера и в повседневной речи, что, по всей видимости, связано с явлениями семантического сужения значения лексемы в пределах терминологических областей.

¹ Более детальное рассмотрение частотности и особенностей употребления лексем *νερό* и *ύδωρ* в разных видах дискурса в составе коллокаций и свободных словосочетаний не входит в рамки данной статьи.

Стоит подчеркнуть, что данные коллокации включаются в ядро ЛСП, так как обозначают непосредственно воду как субстанцию со всеми присущими ей онтологическими свойствами.

2.2. ФЕ с символьным компонентом *ὕδωρ* на периферии ЛСП

В результате сплошной выборки по корпусам текстов мы вычленили такие ФЕ, как *δίνω γῆ καὶ ὕδωρ* ‘давать землю и воду’, *περὶ ἀνέμων καὶ υδάτων* ‘о ветрах и водах’, *ταράζω τὰ λιμνάζοντα ὕδατα* ‘волновать стоячие воды’.

ФЕ *δίνω γῆ καὶ ὕδωρ* ‘давать землю и воду’ встречается впервые в 4 книге «Истории» Геродота: *οἱ μὲν γὰρ αὐτῶν δόντες γῆν καὶ ὕδωρ τῷ Πέρσῃ εἶχον θάρσος ὡς οὐδὲν πεισόμενοι ἄχαρι πρὸς τοῦ βαρβάρου*¹ ‘те, кто отдал персу землю и воду, были уверены, что царь не причинит им зла’. Символ воды и земли включает в себя онтологическое свойство полного подчинения побежденных, так как, передавая свои территории и источники, они тем самым сдаются на милость победителя. В этом значении данная ФЕ сохраняется и в современном языке, ср. например: *Φιλοαμερικανικές καὶ φιλονατοϊκές κυβερνήσεις τῶν χωρῶν αὐτῶν, δε δίστασαν νὰ δώσουν «γῆ καὶ ὕδωρ» (ένταξῆ στο ΝΑΤΟ, συμμετοχὴ στους στρατοὺς κατοχῆς σὲ Ιράκ καὶ Αφγανιστάν, βάσεις) στους υπερατλαντικούς ἰμπεριαλιστές*². ‘Проамериканские и проНАТОвские правительства этих стран поспешили подчинились всем требованиям (букв. отдали землю и воду) (вошли в НАТО, приняли участие в оккупационных войсках в Ираке и Афганистане, создали военные базы) заокеанских империалистов’.

ФЕ *περὶ ἀνέμων καὶ υδάτων* представляет собой перефразирование названия приписываемого Гиппократу трактата *Περὶ ἀέρων, υδάτων καὶ τόπων* ‘О воздухах, водах и местностях’. Ветер и вода в ФЕ *περὶ ἀνέμων καὶ υδάτων* представляют собой, с одной стороны, основные субстанции, описанные античными философами (ср., например, Диоген Лаэртский и пр.), а с другой стороны, они ничем не связаны между собой, что и формирует метафорическое употребление этой ФЕ в составе предложения для описания ситуации, когда в разговоре затрагиваются совершенно разные и не связанные друг с другом темы или обсуждение не имеет какого-либо конкретного содержания (ср. рус. *и взгляд, и нешто, и туманна даль*).

Третья ФЕ *ταράζω τὰ λιμνάζοντα ὕδατα* ‘баламутить стоячую воду’ с символьным компонентом *ὕδωρ* представляет собой полный синоним уже описанной выше ФЕ *ταράζω τὰ λιμνάζοντα νερά*

¹ Herodoti Historia Book 4, 7, 138, 2.

² elTenTen. [Электронный ресурс]. URL: www.proodeftiki-athinas.gr.

‘волновать стоячие воды’ и употребляется в том же самом значении, а именно *вызывать бурное обсуждение вопроса, который не стоит затрагивать*. В новогреческом языке при анализе корпусов текстов выявляется, что чаще употребляется ФЕ с лексемой *νερό* (напр., 23 уникальных случая при 12 с лексемой *ύδωρ*), при этом по синтаксической структуре ФЕ *ταράζω τα λιμνάζοντα νερά* допускает иные синтаксические конструкции, которые вставляются между глаголом и именным словосочетанием, ср., например, *Καλώς να ταράξει, και μάλιστα σε βάθος, τα λιμνάζοντα νερά και της κοινωσίας και ιδίως της Εκκλησίας ο Αρχιεπίσκοπος με τους λόγους, τις πράξεις και τις πρωτοβουλίες που μπορεί να αναλάβει, ανταποκρινόμενος σ' αυτά που χρειάζεται το χριστεπώνυμο πλήρωμα*¹. ‘Было бы хорошо, если бы Архиепископ **взбаламутил**, причем до самого дна, **стоячее болото** общества да и самой Церкви словами, делами и инициативами, за которые он может взяться, отвечая тем самым на потребности своего притча’, где ФЕ *να ταράξει τα λιμνάζοντα νερά* «разорвана» вставным комментарием *και μάλιστα σε βάθος*. Аналогичного явления нам не удалось выявить для *ταράζω τα λιμνάζοντα ύδατα*, что позволяет сделать предположение о восприятии этой ФЕ носителями языка как более архаичной.

Как уже было сказано выше, все ФЕ с символьным компонентом *ύδωρ* относятся к периферии ЛСП и используются для метафорического описания поведения человека в социуме.

Заключение

Как было продемонстрировано, многообразие осмысления символьного компонента *вода* в составе ФЕ новогреческого языка выражено посредством конструкций, занимающих все сектора ЛСП и описывающих весь спектр образного моделирования жизни человека, событий и явлений, происходящих в ней.

Вода может иметь положительную или отрицательную оценочную коннотацию, что обусловлено осмыслением различных характеристик воды в контексте практической деятельности человека. Ее онтологические характеристики играют важную роль в процессе переосмысления этого важного для человеческой жизни вещества, что делает этот символьный компонент неотъемлемой частью фразеологической картины мира носителя новогреческого языка в силу глубокого содержания, которое приобретает данный символ в сознании человека, благодаря культурным ценностям и идеям, одной из реалий для формирования которых явилась *вода*. Другими словами,

¹ ΕΘΕΓ. Ελευθεροτυπία.

культурный смысл, закрепленный в процессе развития новогреческого языка за реалией *voda*, вошел в семантику ФЕ в качестве символического компонента, тем самым формируя часть ЯКМ носителя новогреческого языка.

Литература

- Агапкина Т.А., Толстая С.М. Пища // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5-ти тт. М., 2009. Т. 4.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы. М., 2005.
- Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М., 2012.
- Козлова Л.А. Эмоционально-ассоциативная аура слова и ее учет при переводе // Филология и человек. 2007. № 3.
- Сидорова М.Ю., Роговнева Ю.В. Соотношение «часть-целое» в описательных текстах, основанных на непосредственном наблюдении // Филология и человек. 2016. № 2.
- Юрина Е.А. Лексико-фразеологическое поле кулинарных образов в русском и итальянском языках // Язык и культура. 2008. № 3.
- Юрина Е.А. Образная лексика русского языка. Часть II. Пищевой код культуры в образном строе языка. Томск, 2015.
- Φιλιάτουρας Α., Αθανασιάδου Α., Γιανναζάλη Σ., Μαϊμάρη Ε., Συμελά Μαυρίδου Πιπεριές Φλωρίνης, Νεκρά Θάλασσα, δια πυρός και σιδήρου, Τράπεζα της Ελλάδος και άλλα συμπαραμαρτούρονα. Η ονομαστική λόγια ποικιλία στη σύγχρονη νέα ελληνική: ανάλυση με βάση τα σώματα κειμένων / Το λόγο επίπεδο στη Σύγχρονη Νέα Ελληνική. Αθήνα, 2019.

References

- Agapkina T.A., Tolstaya S.M. *Pishcha* [Food]. *Slavyanskije drevnosti. Etnolinguistichesky slovar* [Slavonic antiquities. Etholinguistic dictionary]. Moskva, 2009. Vol. 4.
- Vereshchagin E.M., Kostomarov B.G. *Yazyk i kultura. Tri linguisticheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedentcheskih taktik i sapientemy* [Language and Culture. Three Linguistics Conceptions: Lexical Base, Speech and Behavior Tactics and Sapientemas]. Moskva, 2005.
- Kovshova M.L. *Lingvokulturologichesky metod vo fraseologii. Kod kultury*. [Methodology of Linguistics Culture in the Phraseology. Code of Culture.]. Moskva, 2012.
- Kozlova L.A. *Emocionalno-associativnaya aura clova i ee uchet pri perevode* [Emotional-associative Aura of a Word and It's Translation]. *Filologija i chelovek* [Philology & Human]. 2007. No. 3.
- Sidorova M.Y., Rogovneva Yu. V. *Sootnoshenie «chast-celo» v opisatelnykh tekstakh, osnovannykh na neposredstvennom nabludenii* [«Part-Whole» Relation in Descriptive Texts Based on Direct Perception]. *Filologija i chelovek* [Philology & Human]. 2016. No. 2.
- Yurina E.A. *Leksiko-fraseologicheskoe pole kulinarykh obrazov v russkom i ital'yanskom yazykah* [Lexical and Phraseological Field of Food Images in Russian and Italian Languages]. *Yazyk i kultura* [Language and Culture]. 2008. No. 3.

Yurina E.A. *Obraznaya leksika russkogo yazyka. Chast II. Pishchevoj kod kultury v obrznom stroe russkogo yazyka* [Figurative Words of Russian Language. Part II. Food Code in the Figurative Field of the Language]. Tomsk, 2015.

Fliatouras A., Athanasiadou. A., Yanatzali S., Maimari E., Simela Mavridou. *Piperies Florinis, Nekra Thalassa, dia piros ke sidirou, Trapeza tis Ellados ke alla simparomartirounta. Onomatiki logia pikilia sti sinkhroni nea elliniki: analisi me vasi ta somata kimenon* [Peppers of Florina, Dead Sea, Through fire and Water, Bank of Greece and Other Examples. High-style Variety of Words in the Modern Greek Language: Analysis on the Base of Text Corpora]. *To logio epipedo sti sinkhroni nea elliniki* [High-style Level in the Modern Greek Language]. Athens, 2019.

СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «НОВЫЙ ГОД» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ВТОРИЧНЫХ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЫ)

С.Г. Буданова, А.Г. Рябинина

Ключевые слова: стереотип, стереотипизация, прецедентность, прецедентный текст, вторичный текст, рекламный текст.

Keywords: stereotype, stereotyping, precedence, precedent text, secondary text, advertising text.

DOI 10.14258/filichel(2019)4-02

Когнитивная база конкретной национальной общности формирует языковую картину мира, в которой особым образом систематизируются регулярные лингвистические и экстралингвистические фрагменты действительности. Каждый из них является понятием (явлением), прошедшим процесс стереотипизации и/или концептуализации (подробнее см. в следующих работах: [Исаева, 2012; Дубинец, 2018; Шкуропацкая, Даваа, 2017; Чувакин, 2016]) посредством неоднократного включения в сознание представителей конкретной нации и приращения дополнительных культурных смысловых компонентов. Это приводит к возникновению разного вида стереотипов (социальных, этнических, гендерных и других), которые функционируют в определенной лингвокультурной среде и одинаково воспринимаются большинством носителей языка.

Стереотип как объект лингвистического исследования представляет собой результат отражения в сознании усредненного носителя конкретного языка значимого в культурно-познавательном аспекте фрагмента действительности, «некий инвариант определенного участка картины мира» [Красных, 2002, с. 178]. Будучи свойственным той или иной национальной лингвистической общности, стереотип реализуется в относительно устойчивых ментально-лингвистических ассоциациях, присущих большинству представителей этноса, и «в стандартных ситуациях общения (деятельности) этого этноса» [Прохоров, 2008, с. 88]. Стереотип характеризуется распространенностью «в некоторой лингвокультурной среде», верификацией типичных представлений о мире конкретной национальной общности, возобновляемостью и актуальностью в дискурсе [Бергельсон, Некрасова, 2010, с. 31]. Это далеко не полный перечень дефиниций термина «стереотип», однако нередко в подобных исследованиях выявляют особенности стереотипизации понятий, объектов, явлений как процесса «построения обобщенного образа на основе уже устойчивого представления» [Исаева, 2012, с. 59].

Одним из таких стереотипизированных в русской национальной картине мира фрагментов действительности является традиция празднования Нового года. Она заложена в сознании носителей языка и культуры и представлена в неоднородных дискурсивных сферах (политической, профессиональной, обиходно-бытовой и другой). При этом достаточно эффективной и показательной в аспекте репрезентации стереотипов, по нашему мнению, становится современная реклама в силу направленности на массовое сознание, привлечения внимания и регулярного воспроизведения. Организация ее дискурса и видеоматериала строится на включении роликов, актуальных для определенного периода трансляции, и типичных, широко известных большинству реципиентов текстов, образов и ситуаций.

Рассмотрению стереотипов в лингвистическом аспекте посвящено большое количество работ, однако лишь немногие из них раскрывают особенности реализации стереотипизированных понятий в массмедийном пространстве. Некоторые ученые выделяют их типичные лексико-семантические и структурные компоненты, образную составляющую [Смирнова, 2015; Маали Шади, 2014; Беданоква, Баромыченко, 2012], виды (авгостереотип, гетеростереотип) и функции (коммуникативная, защитная, познавательная, манипулирующая) в рекламе [Шестакова, Макаловская, 2015]. При этом национальные фрагменты

действительности практически не изучены, в том числе и стереотип «Новый год».

Целью настоящей статьи является изучение стереотипизированного понятия «Новый год» и выявление средств его реализации в современной рекламе.

Материалом исследования послужили рекламные ролики, которые отсылают к новогодним праздникам, выходят в эфир с середины ноября и транслируются до февраля, демонстрируют актуальные для этого периода времени товары и услуги, а затем резко сменяются медиатекстами, отсылающими к другим знаковым событиям (например, 23 февраля, 8 марта, 1 мая, 9 мая и другие).

В процессе исследования рекламы были зафиксированы следующие средства репрезентации стереотипа «Новый год»: **прецедентные тексты, типичные образы и объекты действительности, стандартные ситуации**. При этом достаточно часто допускается их контаминация для воссоздания цельного стереотипа.

Под **прецедентными текстами**, функционирующими в медиадискурсе и способствующими репрезентации стереотипизированного понятия «Новый год», вслед за В.В. Красных понимаем «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности», известный представителям «того или иного национально-лингво-культурного сообщества» и неоднократно реализуемый в процессе общения в виде инварианта восприятия [Красных, 1998, с. 58]. В рекламе стереотипизация анализируемого понятия чаще всего достигается за счет апелляции текста рекламы к широко известным, узнаваемым источникам, которые в сознании усредненного носителя русского языка, безусловно, ассоциируются с Новым годом: чаще всего используются произведения художественной литературы (сказка Ш. Перро «Золушка», Х.К. Андерсена «Снежная королева», Э.Т.А. Гофмана «Щелкунчик и Мышиный король», С.Я. Маршака «Двенадцать месяцев», А.С. Пушкина «Сказка о царе Салтане», стихотворение С. Михалкова «Под новый год». Не менее частотно включение известных песен («В лесу родилась Елочка» Р.А. Кудашевой, «Пять минут» В. Лившица, «Jingle Bells» Д. Пьерпонт, «Помоги мне» Л. Дербенева, «Кабы не было зимы» Ю. Энтина, «Лесной олень» Ю. Энтина, русская народная «Ой, мороз, мороз»), культовых кинофильмов (цикл серий «Елки», «Бриллиантовая рука», «Карнавальная ночь», «Ирония судьбы, или С легким паром!») и мультфильмов (цикл серий о «Трех богатырях», «Зима в

Простоквашино»). Это связано с тем, что некоторые фразы из диалогов узнаваемых героев или отдельные строки припева, которые транслируются по телевидению и / или выходят в прокат в канун Нового года, являются крылатыми и прочно закрепляются в сознании носителей русского языка. Подобные культурно значимые тексты актуализируются посредством минимальных лексических компонентов – прямых номинаций главных героев (например, в рекламе сотового оператора представлены образы персонажей сказки с сохранением их внешнего вида и имен: «– *Щелкунчик?* / – *Видишь, щелкаю, значит, Щелкунчик!* / – *А ты кто? Мышиный король?* / – *С таким Интернетом я вообще король! Да, мышка моя*»). Нередко в медиаматериале используются цитатные вкрапления, объем которых варьируется от отдельных строк (например, реклама магазина бытовой техники восходит к традиционной новогодней песне и содержит предложение из сильной позиции текста: «– *В лесу родилась елочка. Конец. / – Все? И как это называется?!*») до целых повествовательных отрывков (например, реклама интеллектуальной игры отсылает к мультфильму и строится на основе узнаваемого диалога героев: «– *Наша квартира мне телевизионную передачу напоминает, “Что? Где? Когда?” называется. / – Это почему же? / – А не поймешь, что где валяется и когда все это кончится!*»). При этом большое количество прецедентных текстов претерпевает изменение в структурно-семантическом аспекте (например, слоган интернет-магазина напоминает трансформированное название известного кинофильма («*С легким паром, вещи!*»), в котором опущена первая часть (Ирония судьбы), сохранена вторая (С легким паром!) и добавлена новая лексема (вещи). Четверостишия из знаковых произведений могут преобразовываться в лексико-содержательном плане с фиксированием изначальной формально-грамматической модели (например, реклама магазина апеллирует к стихотворению, в котором изменяется смысл и сохраняется структура за счет введения семантически новых лексем (наречий, существительных, глаголов) со схожей синтаксической функцией: «*Говорят: под Новый год, / Что ни пожелается – / Все в «Спортмастере» найдется, / Все там покупается*»). Интересным является использование припева из узнаваемых песен, так как он может полностью трансформироваться на собственно языковом уровне при сохранении мелодии, мотива, рифмы (например, реклама сотового оператора (под мелодию песни «Jingle Bells») воспринимается только посредством просодии: «*Маму, папу, тетю и свою сестру, / Дашу, Сашу, Лену, Гену поздравлять спешу, / SMS, SMS – всем своим друзьям! / С Новым годом! С Новым годом!* –

посылаю вам!»). В некоторых случаях применяется набор лексических и смысловых элементов, имплицитно отсылающих к прецедентному тексту (например, реклама торгового комплекса напоминает сюжет сказки, так как в ней сохраняется диалог, обращения, прямые номинации, намек на отсутствие туфельки: «– *Крестная, милая, что же мне обуть на новогодний бал? / – Не печалься, Золушка!*»). Менее частотно включение речевого портрета знаменитых персонажей, у которых в рекламе сохраняются диалектные и интонационно-тембральные особенности речи (например, реклама термопарка отсылает к советскому кинофильму посредством воспроизведения типичных фонетических и голосовых особенностей известных героев и фраз из диалога: «– *Усё, собирайся. / – Да мне нужно принять ванну, выпить чашечку кофе. / – Едем в Отрадную у термопарк! Будет там и термальный бассейн и комфортабельный номер и новый ресторан СССР. Усё по советским ценам*»). Кроме этого, прецедентные тексты, способствующие стереотипизации понятия «Новый год», могут реализовываться и имплицитно, только при помощи звукового сопровождения типичного для Нового года сюжета (например, реклама банка (под мелодию песни «Лесной олень»): «– *Готовность пять минут. Митя, вы олень, Иван – Дед Мороз. / – Я олень?! А кто вчера оформил кредитную карту «Тинькофф» и уже сегодня купил подарки на Новый год вам всем?! А кто погасит кредит, не заплатит ни одного процента? А кто на бонусы купит кое-кому подарок на 14 февраля?»).*

Таким образом, стереотипизация понятия «Новый год» достигается при помощи включения в рекламу прецедентных текстов как эксплицитно, различными языковыми средствами (прямая номинация, цитаты, диалоги и другое), так и имплицитно, аудиальными и визуальными элементами (изображение, мелодия). Необходимо заметить, что подобные рекламные тексты могут обладать свойством вторичности, так как стоят на основе культурно значимых произведений, претерпевающих ряд преобразований в лексическом, грамматическом, композиционно-структурном, смысловом, прагматическом и других аспектах, но при этом отсылка к стереотипу остается доступной восприятию и узнаваемой.

Стереотипизация понятия «Новый год» достигается и иным путем – посредством включения в видеоматериал **типичных образов и объектов действительности**. Они входят в лингвокультурную модель окружающей действительности, вызывают схожие ассоциации у реципиентов, функционируют в первом случае с сохранением присутствующих им (образам) речевых характеристик, а во втором –

узнаваемых деталей. Являясь составной частью фрагмента языковой картины мира, связанной с традицией празднования Нового года, эти образы и объекты репрезентируются в рекламных роликах собственно языковыми средствами (прямая номинация, клишированные поздравления-пожелания, диалоги и другое) и с помощью визуального и аудиального ряда. Достаточно часто в рекламе наблюдается функционирование персонажей в образе Деда Мороза в соответствующем костюме с мешком в руках (например, реклама шоколада «– *Привет, детишки! Я Дед Мороз и принес Вам вкусные подарки!* / – *Да!* / – *В этом году вы были большими молодцами и поэтому заслужили Kinder-подарки*»), ребенка, ждущего новогодний подарок (например, реклама банка: «– *А в этом году Дед Мороз придет ко мне?* / – *Конечно, придет*»), Снегурочки, зайца, Буратино с золотыми монетами, снеговика с метлой, которые поздравляют реципиентов (например, реклама лотереи (поют под мелодию «Миллион алых роз»): «*Миллиард, миллиард, миллиард в Новый год, / Вместе с «Русским лото» исполняй мечты. / Ждет тебя в эту ночь праздничный джекпот, / Может, он жизнь твою превратит в цветы*»), а также вымышленных героев из художественных произведений (Щелкунчик, Мышиный король, богатыри, Шарик, Матроскин и другие). Неоднократно повторяемые в преддверии Нового года, важные для русской языковой картины мира детали (бой курантов, звон бокалов, шампанское, конфетти, салют, каток, санки и другое) актуализируются в рекламных роликах только при помощи аудио- и видеоряда.

В качестве объектов действительности, дополняющих сюжет подобных видеороликов, выступают елка и игрушки с изображением эпизодов из сказок А.С. Пушкина (например, реклама чая: «*Пушкин. Сказки. Российская классика. Майский чай. Нам есть чем гордиться, нам есть что любить! С Новым годом!*»), салат оливье как традиционное новогоднее блюдо (например, реклама магазина: «*Сегодня НИИ. РАЗУМ изучает, что у кого осталось после праздников. Костюм, елка и годовой запас оливье*»), газированная вода «Coca-Cola» (пример рекламы: «*Праздник к нам приходит, / Праздник к нам приходит, / Веселье приносит и вкус бодрящий, / Праздника вкус всегда настоящий. / “Coca-Cola”. Новый год встречаем вместе*»), суровая зима и соответствующий ей автомобиль (пример рекламы: «*И о погоде. Из-за сильного снегопада рекомендуем отменить все поездки в выходные и остаться дома. Но владельцев Skoda это не касается. Skoda. Бери от зимы все!*»). Интересно, что символы Нового года, восходящие к восточному календарю, представлены лингвистически

посредством обращения при диалоге (например, реклама торговой компании нового 2015 года: «– С Новым годом, козочка! / – С Новым годом, козлик! / Ikea. Будет любовь в Новый год») или реально участвуют в создании видеоролика (например, в рекламе нового 2019 года в сюжетной линии сотового оператора «Tele 2» появляется животное – свинья).

Итак, типичные образы и объекты действительности являются эффективным репрезентантом анализируемого стереотипа, что обусловлено их одновременной визуализацией и вербализацией, которые обеспечивают комплексное восприятие изображаемого.

В качестве следующего средства апелляции к стереотипизированному понятию «Новый год» используется воссоздание **стандартной ситуации**, которая представляет собой аллюзию на новогоднюю традицию и / или жизненный (бытовой) опыт, заложенный в сознании носителей русского языка и культуры. В таком случае сюжетная линия рекламного ролика строится на основе ситуаций, типично повторяемых в канун Нового года: ситуации, связанные с ожиданием Нового года (украшение дома и елки, поздравление с Новым годом, организация новогоднего корпоратива, ожидание Деда Мороза и салюта, покупка подарков, их размещение под елкой, посещение развлекательных новогодних мероприятий); ситуации, обусловленные типичной новогодней погодой (игра в снежки, катание на коньках, санках, посещение русской бани); ситуации, вызванные различными болезнями в период празднования Нового года (обострение гриппа, ОРВИ, изжоги); ситуации, характеризующиеся традиционными денежными растратами под Новый год (период скидок на одежду, обувь, ювелирные украшения, игрушки, конфеты, квартиры); ситуации, отсылающие к финансовым предложениям (приобретение лотерейных билетов, получение выгодного предложения от банка). Их включение осуществляется при помощи собственно языковых элементов и типичной системы образов с учетом окружающей обстановки и модели поведения персонажей видеоролика. В собственно лингвистическом аспекте воссоздание обиходно-бытовых ситуаций сопровождается актуализацией типичных лексических единиц (например, реклама лекарства: «*Новогодние праздники испытание для нашей печени, которая защищает нас круглый год. Эти веселые, сытые, ленивые дни даются нашей печени особенно тяжело*»), клишированных предложений в неизменном/измененном виде (например, реклама конфет: «*Счастливого Нового года. Коркунов*», реклама спутникового телевидения: «*С наступающим тебя спутниковым телевидением!*»),

стихотворных строк (например, реклама лотереи: «*В декабре и январе / Все деревья в серебре, / В декабре и январе / Сто квартир на НТВ*»), формально-композиционной модели текстов-поздравлений с обращением, пожеланием, указанием адресанта (например, реклама компании: «*Дорогие краснодарцы! Строительная компания “ЮгСтройИнвест Кубань” поздравляет вас с Новым годом и Рождеством! Пусть в каждом доме будет тепло и уютно, в каждой семье царит согласие и благополучие! ЮгСтройИнвест Кубань*»), диалогов, соответствующих в структурно-семантическом плане стереотипу (например, реклама торгового центра: «*– Пап, а Дед Мороз существует? / – Существует. / – А Баба Яга? / – Существует*»). Смысловой повторяемостью и сохранением прагматики обладает целый массив рекламных текстов, в которых реципиентам предлагаются разного рода товары и услуги (например, реклама выставки-продажи: «*В честь Нового года скидки на все шубы до 50% в “ТоргМех”*»); реклама банка: «*В этот Новый год так просто верить в чудеса. Храните и преумножайте свои деньги в “Сбербанке” с праздничной ставкой до 11%*»; реклама торгового центра: «*Подари себе праздник в стиле Goodzone. С 12 декабря по 11 января новогодняя программа для всей семьи*»). Нередко языковой материал рекламы отсылает не только к стандартной ситуации для русского человека, но и к сюжету культурно значимого текста (например, реклама магазина имплицитно отсылает к кинофильму «Ирония судьбы, или С легким паром!»): «*У нас с друзьями есть традиция: каждый год 31 декабря мы ходим в баньку. А у нас традиция перед Новым годом ходить за покупками в “Золотой ларец”*»).

Таким образом, использование данного средства стереотипизации понятия «Новый год» в рекламе осуществляется при помощи изображения различных обиходно-бытовых сцен, разграничивающихся на виды в зависимости от воссоздаваемого сюжета, модели поведения персонажей, типично взаимодействующих в видеоролике и имеющих узнаваемый образ, и включения собственно языковых компонентов, заложенных в сознании реципиента и ассоциируемых с наступлением праздника.

Очевидно, что современная реклама является показательным репрезентантом национальной картины мира. Стереотип «Новый год», функционируя в медиадискурсе, совмещает в себе целый комплекс значимых для реципиента приращений: праздник, подарки, Дед Мороз, елка, зима, снег, баня, 31 декабря. Они же являются частотными и в русском ассоциативном словаре [Караулов, Черкасова, Уфимцева, Сорокин, Тарасова, 2002] как реакция на стимул «Новый год». На наш

взгляд, не менее важными можно назвать такие ассоциации, которые не зафиксированы в словаре, но повторяются из года в год в рекламе и, следовательно, отражают постоянный атрибут новогодних праздников: Coca-Cola, скидки, лотерея, карнавальный костюм, Снегурочка, оливье, мандарины, автомобиль, мечты, чудеса, сюрприз, олень. Кроме этого, в качестве дополнительных выступают ассоциации с художественными произведениями, ассоциации с традиционными советскими и современными кино- и мультфильмами, ассоциации с песнями, ассоциации с обиходно-бытовыми предновогодними ситуациями.

В заключение еще раз отметим, что русская национальная картина мира как определенная, исторически сложившаяся система представлений об окружающей действительности отражается в языке, в том числе достаточно активно в дискурсе современной рекламы. Как показало исследование, регулярным можно считать функционирование стереотипизированного понятия «Новый год», несмотря на то, что его актуальность в медиадискурсе обусловлена коротким осенне-зимним периодом времени (с середины ноября до февраля) и быстрой сменой новогодних рекламных роликов видеоматериалами, отсылающими к другим праздникам (23 февраля, 8 марта). В качестве средств реализации рассмотренного стереотипа выступают прецедентные тексты, типичные образы и объекты действительности, стандартные ситуации, которые воплощаются в рекламе при помощи собственно языковых, визуальных, аудиальных компонентов, нередко отсылающих к культовым источникам.

Литература

Беданоква З.К., Баромыченко А.Г. Концептуализация или стереотипизация слова «Кубань» в региональном рекламном дискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2012. Вып. 4.

Бергельсон М.Б., Некрасова А.Е. Лингвистический анализ стереотипов: баланс между текстом и смыслом // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». 2010. Т. 8.

Дубинец З.А. Концепт «болезнь» в русской языковой картине мира // Филология и человек. 2018. № 3.

Исаева Л.А. О соотношении понятий «концептуализация», «стереотипизация» и «прецедентизация» // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 2(45).

Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М., 1998.

Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002.

Маали Шади А.А. Лингвистическая репрезентация гендерных стереотипов в рекламе. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014.

Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. 2008.

Русский ассоциативный словарь. От стимула к реакции: около 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасова. М., 2002. Т. 1.

Смирнова А.Г. Гендерные стереотипы в рекламных текстах, ориентированных на женщин // Гуманитарные науки (г. Ялта). 2015. № 2(30).

Чувакин А.А. Концепт Алтай в художественной прозе К.Г. Паустовского // Филология и человек. 2016. № 2.

Шестакова О.В., Макаловская К.Г. Этнические стереотипы в современной рекламе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 9 (51). Ч. 1.

Шкуропацкая М.Г., Даваа У. Коммуникативные фрагменты и прецедентные тексты как способы фиксации языкового сознания носителей монгольского и русского языков (на материале слов-зоонимов) // Филология и человек. 2017. № 3.

References

Bedanokova Z.K., Baromychenko A.G. *Konceptualizacija ili stereotipizacija slova «Kuban» v regional'nom reklamnom diskurse* [Konseptualizatsija or Stereotypification of a Word "Kuban" in a Regional Advertising Discourse]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: filologija i iskusstvovedenie* [The Bulletin of Adygea State University. Series 2. Philology and Art Criticism]. 2012. Iss. 4.

Bergel'son M.B., Nekrasova A.E. *Lingvisticheskiy analiz stereotipov: balans mezhdu tekstom i smyslom* [Linguistic Analysis of Stereotypes: Balance between Text and Sense]. *Komp'yuternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii «Dialog»* [Computer Linguistics and Intellectual Technologies on Materials of Annual International Conference «Dialogue»]. 2010. Vol. 8.

Dubinec Z.A. *Koncept «bolezni» v russkoj jazykovoj kartine mira* [Koncept «Illness» in Russian Language Picture of the World] // *Filologija i chelovek* [Philology & Human]. 2018. No 3.

Isaeva L.A. *O sootnoshenii ponjatij «konceptualizacija», «stereotipizacija» i «precedentizacija»* [About a Parity of Concepts «Konseptualizatsija», «Stereotypification» and «Precedence»]. *Kul'turnaja zhizn' Juga Rossii* [Cultural Life of the South of Russia]. 2012. No. 2(45).

Krasnyh V.V. *Virtual'naja real'nost' ili real'naja virtual'nost'? (Chelovek. Soznanie. Kommunikacija)* [Red Century of Century the Virtual reality or Real Virtuality? (Human. Consciousness. Communications)]. Moskva, 1998.

Krasnyh V.V. *Jetnopsiholingvistika i lingvokulturologija* [Etnopsiholingvistika and Linguakulturologija]. Moskva, 2002.

Maali Shadi A.A. *Lingvisticheskaja reprezentacija gendernyh stereotipov v reklame* [Linguistic Representation of Gender Stereotypes in Advertising]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [News of the Tula State University. The humanities]. 2014.

Prohorov Ju.E. *Nacional'nye sociokul'turnye stereotipy rechevogo obshhenija i ih rol' v obuchenii russkomu jazyku inostrancev* [National Sociocultural Stereotypes of Speech Dialogue and Their Role in Training Russian Language of Foreigners]. 2008.

Russkij associativnyj slovar'. *Ot stimula k reakcii: okolo 7000 stimulo*v [The Russian Associative Dictionary. From Stimulus to Reaction: about 7000 stimulus]. Ju.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimceva, Ju.A. Sorokin, E.F. Tarasova. Moskva, 2002. Vol. 1.

Smirnova A.G. *Gendernye stereotipy v reklamnyh tekstah, orientirovannyh na zhenshin* [Gender Stereotypes in the Advertising Texts Focused on Women]. *Gumanitarnye nauki (g. Jalta)* [The Humanities (Yalta)]. 2015. No 2(30).

Chuvakin A.A. *Koncept Altaj v hudozhestvennoj proze K.G. Paustovskogo* [Concept Altai in K.G. Paustovsky's Art Prose] // *Filologija i chelovek* [Philology & Human]. 2016. No. 2.

Shkurockaja M.G., Davaa U. *Kommunikativnye fragmenty i precedentnye teksty kak sposoby fiksacii jazykovogo soznaniya nositelej mongol'skogo i russkogo jazykov (na materiale slov-zoonimov)* [Communicative Fragments and Case Texts as Ways of Fixing of Language Consciousness of Carriers of the Mongolian and Russian Languages (on a material of words-zoonimov)] // *Filologija i chelovek* [Philology & Human]. 2017. No. 3.

Shestakova O.V., Makalovskaja K.G. *Jetnicheskie stereotipy v sovremennoj reklame* [Ethnic Stereotypes in Modern Advertising]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theory and Practice Questions]. 2015. No. 9 (51). Pt. 1.

СПОСОБЫ НАИВНОГО ТОЛКОВАНИЯ КОНЦЕПТОВ «РАЙ» И «АД» В АФОРИСТИЧЕСКИХ ОПРЕДЕЛЕНИЯХ

О.Г. Твердохлеб

Ключевые слова: афоризм, способы истолкования, лексемы «рай» и «ад».

Keywords: aphorism, ways of interpretation, lexemes *Paradise* and *Hades*.

DOI 10.14258/filichel(2019)4-03

И. Языковые и культурные особенности разных народов, безусловно, отличаются друг от друга, но «существуют семантические и лексические универсалии, указывающие на общий понятийный базис, на котором основываются человеческий язык, мышление и культура <...>» [Вежбицка, 1999, с. 321-322]. Поэтому особенно интересен анализ афористических выражений, описывающих общечеловеческую информацию, включающую в себя и культурную, и языковую сферу. И лингвистика последнего времени регулярно обращается к исследованию афоризмов, однако, как правило, описывается афористика конкретных авторов, в частности, Ф.И. Тютчева [Сычева, 2014], М. Волошина [Петрова, Таймазова, 2015], И. Бродского [Королькова, 2017], В.О. Ключевского и В.Г. Белинского [Макарова, 2018], а

лингвистический аспект затрагивается в меньшей степени. Поэтому наше исследование, связанное с афористикой и лексикографией, а, следовательно, имеющее особо значимый для современной науки междисциплинарный характер, является **актуальным**.

В данной работе нас будут интересовать только афоризмы с четко выраженной двучленной формой, по структуре сходные со словарной статьей, как правило, предполагающей левую часть («слово или словосочетание, которое нуждается в пояснении» [Арбатский, 1977, с. 13]), называемую также заголовочной единицей [Дубичинский, 2008, с. 391]), и правую часть (поясняющую значение определяемого слова).

Создатели афоризмов издавна обращаются к фоновым знаниям читателей, отсылая их к мифологическим сюжетам, произведениям устного народного творчества и художественной литературы, а также к разным историческим событиям, поэтому достаточно часто заголовочными единицами афористических дефиниций становятся две лексемы *рай* и *ад*, принадлежащие к наиболее значительным духовным образам (как символы блаженства и страдания) и являющиеся «движущими силами» мировой культуры [Рейн, 2001]. Методом сплошной и целенаправленной выборки афоризмов из различных печатных сборников и энциклопедий, а также из материалов электронных сайтов ((Вальтер, Мокиенко, 2005)¹, (Душенко, 2001), (Жемчужины мысли, URL), (Интересные факты, URL), (Цитаты известных личностей, URL), (aphorism.ru, URL), (citaty.info, URL), (ItMyDream.com, URL), (TIME 365, URL), (wisdoms.ru, URL) и др.) мы обнаружили чуть более 200 афористических определений (принадлежащих известному автору или анонимному) с заголовочными единицами *рай* и *ад*.

Придеживаясь, вслед за А.А. Уфимцевой, определения лексемы как слова в совокупности его значений [Уфимцева, 1986], мы обнаружили в указанной позиции более чем 250 словоупотреблений лексем *рай* и *ад*, при этом словоупотреблений лексемы *ад* почти в 1,5 раза больше (158 контекста), нежели лексемы *рай* (103 контекста), что свидетельствует о большем интересе создателей афоризмов к понятию *ада*.

Описываемые нами лексемы не только фиксируют существующие в сознании народа представления о рае и аде, но и репрезентируют значимые в языковой картине мира концепты,

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

«содержание, структура и понимание которых варьируется в лингвокультурном аспекте» [Рябова, 2017, с. 146]. А потому лексемы *рай* и *ад*, обладая широкими коннотационными возможностями, вносят добавочные смыслы в афоризмы, характеризующиеся краткостью и обобщенностью. Наиболее выразительной, неожиданной и часто парадоксальной композиционной частью в структуре афористических определений становится их пояснительная часть, поэтому **целью** данной работы стал анализ способов наивного толкования концептов «рай» и «ад» в афористических определениях.

II. Как показал проведенный нами анализ, в афоризмах-дефинициях (около 60 контекстов) двух указанных лексем *рай* и *ад* используются основные, традиционно выделяемые способы истолкования слов [Арбатский, 1970], однако при этом обнаруживаются специфические черты, свойственные только афористическим определениям.

Опишем далее каждый способ таких истолкований (указывая количественные данные об афористических определениях в нашей картотеке для выявления общего соотношения между разными способами истолкований *рая* и *ада*).

1. В афористических определениях как лексема *рай*, так и лексема *ад* достаточно часто (27 контекстов) истолковываются родовидовым, **гиперонимическим** (от греч. ὑπέρ ‘сверх-, над-’ и ὄνομα ‘имя’) способом при помощи указания: а) на более широкий класс пространственного объекта (гипероним) и б) на его какие-либо отличительные признаки (дополнительное пояснение).

1) **Опорным** словом гиперонимических истолкований лексем *рай* и *ад* (как и в других типах определений – энциклопедических, словарных) могут быть гиперонимы двух групп, по-разному репрезентирующие на лексическом уровне понимание пространственного объекта:

а) гипероним, ближайший к определяемым лексемам-гипонимам *рай* и *ад*, представлен прежде всего лексемой *место*, ср.: *Ад – место, где десять заповедей преследуются по закону* (Генри Луис Менкен) (Aphorism.RU, URL); *Ад – место, где натуру человечью соединяют с дьявольскою печью* (Валерий Казанжанц) (aphorism.ru, URL); *Рай – место, где души афроамериканцев замерзают насмерть* (Владимир Бирашевич) (aphorism.ru, URL); *Рай – это место, где библиотека открыта двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю* (Алан Брэдли) (ItMyDream.com, URL); а также деминутивом *местечко*, с суффиксом субъективной оценки,

характерным для экспрессивно окрашенной речи, ср.: ***Рай** – чудное местечко по соседству с адом* (Александр Круглов) (aphorism.ru, URL);

б) гипероним, более отдаленный по отношению к определяемой лексеме (только: *ад*), представленный в нашем материале единственным случаем: ***Ад** должен быть исходной точкой в мышлении каждого христианина* (Андрей Харенко) (aphorism.ru, URL).

2) Гиперонимические истолкования обычно **контаминируются**:

а) с перечислительным способом, если в пояснительный контекст включены два однородных члена, соединенные сочинительным союзом *и*, ср.: ***Ад** – это место, где люди делятся на своих и чужих* (Владимир) (Жемчужины мысли, URL);

б) с отрицательным способом, при включении в дополнительное пояснение отрицательных местоимений (*никто, никого, ничто, ничего*), отрицательных частиц (*не, ни*), а также слова *нет* для указания свойств, которые у определяемых слов (*ад, рай*) отсутствуют, ср.: ***Ад** – это место, где ничто ни с чем не связано* (Томас Стернз Элиот) (ItMyDream.com, URL); ***Рай** – это единственное место, где нет зла* (Силован Рамишвили) (aphorism.ru, URL);

в) с отрицательным и с перечислительным способами, ср.: ***Рай** – это место, где нет будильников, понедельников и начальников* (Дмитрий Пашков) (aphorism.ru, URL);

г) с положительно-отрицательным и перечислительным способом, ср. примеры: ***Ад** – это место, где дурно пахнет и никто никого не любит* (Святая Тереза) (aphorism.ru, URL); ***Ад** – это место, где все идеально проходит испытания и ничего не работает* (Мерфология) (aphorism.ru, URL).

3) В афористических дефинициях лексем *рай* и *ад*, кроме гиперонима, указывающего на родовую отнесенность определяемых лексем *рай* и *ад*, содержатся еще компоненты, расширяющие объем афористических высказываний и сообщающие об **отличительных**, с точки зрения афориста, признаках библейских пространственных объектов. Такие дифференцирующие признаки, передающие особенности мировосприятия афориста, обозначены разнообразными детализирующими определениями (одиночными, распространенными, однородными, неоднородными), выраженными:

а) именем прилагательным (качественным, относительным), часто с оценочной коннотацией (*идеальный, обыкновенный, дьявольское, райское, клевое, единственное*), ср.: *Ад – идеальное место для лечения простуды* (Сухомозский) [Жемчужины мысли, URL]; *Был ад наш человеческий вначале обыкновенным местом для печали* (Валерий Казанжанц) (aphorism.ru, URL); *Ад – это чертовски дьявольское место* (Георгий Александров) (aphorism.ru, URL). Особенно выразительны здесь афоризмы, где гипероним *место* вместе с прилагательным являются компонентами фразеологизмов, отражающих клишированное мироощущение, ср.: *Ад, должно быть, клевое место, раз малые, что придумали религию, так хотели, чтобы туда, кроме них, никто не попал* (Аль Капоне) (wisdoms.ru, URL); *Отходя от дороги в рай, помни: ад – отхожее место рая* (Владимир Кафанов) (aphorism.ru, URL); *Ад – это райское место для представителей других рас и народов, по которому ты будешь бродить вечность, так и не повстречав родственную душу* (Анатолий Юркин) (aphorism.ru, URL); *Ад тоже своего рода теплое местечко* (Яна Джангирова) (aphorism.ru, URL);

б) одним (либо более) присубстантивным придаточным определительным, присоединенным к главному слову союзами и союзными словами:

где, ср.: *Ад – это место, где каждый день реформы* (Сергей Федин) (Aphorism.RU, URL); *Ад – место, где полно хорошеньких женщин и ни одного зеркала* (Леонард Луис Левинсон) (citaty.info, URL);

который (в предложной и предложно-падежной форме), ср.: *Рай можно определить как место, которого люди избегают* (Генри Д. Торо) (wisdoms.ru, URL); *Ад – это райское место для представителей других рас и народов, по которому ты будешь бродить вечность, так и не повстречав родственную душу* (Анатолий Юркин) (aphorism.ru, URL); *Рай – это место, в котором черти подавлены* (Перефразируя А. Мировальцеву) (Джулиана Вильсон) (Жемчужины мысли, URL). Для привлечения внимания читателя к гиперониму, посредством которого описываются анализируемые нами лексемы, возможно введение указательного местоимения *то*, например: *Рай – то место, где осел, наконец, догоняет морковку* (Автор неизвестен) (Жемчужины мысли, URL).

2. В афористических определениях значения лексем *рай* и *ад* могут раскрываться **описательным** способом (17 контекстов), характеризующимся отсутствием первого номинативного элемента в описательной части, напр.: *Рай – это в точности то, где вы*

прямо сейчас, только гораздо, гораздо лучше (Лоури Андерсон) (aphorism.ru, URL).

1) Несмотря на то, что характеризующие в афоризмах лексемы *рай* и *ад* являются именами существительными, называющими пространственные объекты (предметы), правая часть вводится в афористическую дефиницию не описательными «операторами» типа *то, что* или *все то, что*, которые разграничивают предметы, а особыми, специфическими, свойственными только афоризмам операторами, в частности:

а) с помощью местоименных выражений *то, где* (ср. пример выше), или *там, где*, являющихся указаниями места, ср.: *Рай там, где я* (Вольтер Франсуа-Мари Аруэ) ([ItMyDream.com]); *Для них рай был там, где они могли быть вместе* (Автор неизвестен) (Жемчужины мысли, URL);

б) местоименным выражением *тот, который*, грамматически предназначенным для определения значения признаков имен (напр., прилагательного), но используемым и в случае, если в качестве заголовочной единицы представлено словосочетание, построенное по модели «имя существительное + имя прилагательное», ср.: *Подлинный рай – тот, который утрачен* (Марсель Пруст) (Интересные факты, URL);

в) с помощью редуцированного оператора *это когда* (с отсутствующей первой частью *тогда*), являющегося указанием времени, ср.: *Ад – это когда душа сломанного iPhone 6 становится пейджером* (Виталий Власенко) (aphorism.ru, URL); *Ад – это когда после смерти встречаешься со своими похороненными талантами* (Trist) (Жемчужины мысли, URL). Наибольшая частотность примеров с описанным оператором свидетельствует, что афористика и сегодня сохраняет возникшие в древности представления о связи пространства и времени, которые не противопоставляются друг другу, а образуют «единый пространственно-временной континуум» [Топоров, 1980];

г) с помощью редуцированного оператора *это*, ср.: *Рай – это [то, что – О.Т.] не на земле* (Вадим Синявский) (Жемчужины мысли, URL). Ср. также другие выразительные примеры: *Ищешь потерянный рай? Вот же он. Завален ошибочными настройками прошлых строителей рая* (Trist) (Жемчужины мысли, URL); *Абсолютный рай: кто отказывается быть счастливым, сурово наказывается* (Валериу Бутулеску) (Интересные факты, URL).

2) Описательные способы истолкования лексем *рай* и *ад* имеют и комбинированные варианты:

а) с перечислительным способом, ср. конструкции, где перечисление введено в дополнительной пояснительной части: *Рай – это там, где живут мечты и надежды тех, кого пытаются в аду* (Eugene Ryaby (Евгений Рябый)) (aphorism.ru, URL);

б) с отрицательным, ср. *Ад – это когда уже не можешь любить* (Жорж Бернанос) (Цитаты известных личностей, URL); *Ад – это когда болит даже то, чего нет* (Владимир Кафанов) (Aphorism.RU, URL); *Ад – это когда ты не знаешь, ради чего живешь* (К-ф «Город грехов») (aphorism.ru, URL); *Ад – это когда ты больше не можешь видеть тех, кого любишь. Все остальное не считается* (Анна Гавальда) (wisdoms.ru, URL);

в) с положительно-отрицательным, ср.: *Ад – это когда мы Бога проклинаям, а не когда Он нас проклинаят, – Бог никогда не проклинаят* (Николай Бердяев) (TIME 365, URL);

г) с описательно-отрицательно-перечислительным, ср.: *Там не будет ни чертей, ни котлов, Ад – это когда ты превратишься в кладбище, где будут похоронены воспоминания обо всех, кого ты, живя, любил и уважал* (Виталий Власенко) (aphorism.ru, URL); *Ад – это когда твердо и давно знаешь, ради чего живешь, но немножко ошибаешься* (Анатолий Юркин) (Aphorism.RU, URL).

3. В немногочисленных афористических выражениях лексемы *рай* и *ад* определяются **перечислительным** способом истолкования (5 случаев), ср.: *Рай – это старый английский дом, китайская кухня, русская жена и американская зарплата* (Автор неизвестен) (Жемчужины мысли, URL).

1) Перечисляемые в афоризме названия признаков лексем *ад* и *рай*, представленных в позиции заголовочной единицы, соединены сочинительными союзами (*и; не только..., но и*), ср.: *Ад – это не только место для наказания, но и пристанище для тех, кто не достоин Неба* (Дарий (философ)) (aphorism.ru, URL) и (или) бессоюзной связью, ср.: *Для ребенка ад – быть вдали от матери, для человека – быть далеко от Бога* (Паисий Святогорец) (wisdoms.ru, URL).

2) Особенностью афористических дефиниций с описываемым способом истолкования именных лексем является грамматика главного слова пояснительной части, ср. перечисление инфинитивов, введенных в качестве главных слов трех истолкований библеизма *рай*: *Знаешь, как я сейчас представляю себе рай? Закрыться на несколько месяцев в спальне с наглухо задернутыми шторами, свернуться калачиком в постели и накрыть голову подушкой, чтобы никто не слышал, как я всхлипываю* (Сесилия Ахерн) (wisdoms.ru, URL). Также см. выше

истолкование библеизма *ad* при помощи повторяемого инфинитива *быть*.

3) Есть истолкование, созданное перечислительным способом, контаминированным с отрицательным, напр.: *Что такое рай? Тихая погода, никаких пробок и никаких обязательств* (Бек Хэнсен) (ItMyDream.com, URL).

4. Хотя модели отрицания тождества являются «наиболее употребительными для создания афоризмов» [Ван Лин, 2005, с. 14] и привычны в словарных статьях (хотя и для раскрытия значения прилагательных и глаголов [Арбатский, 1970]), при помощи **отрицательного** способа истолкования афористические определения лексемы *ad* (только) образуются очень редко (4 афоризма). Видимо, потому, что отрицание в предложении тождества очень категорично, афористам трудно отрицать хорошо известный библейский пространственный объект.

1) Отрицание, относящееся ко всей поясняющей части, мы обнаружили только в единичных примерах, где отрицание вводится либо морфологически (при помощи частицы *не*): ср.: *Для чертей ad таковым не является* (Алекс Лакинорски) (aphorism.ru, URL), либо лексически (при помощи именной лексемы *отсутствие*), ср.: *Ad — это отсутствие выбора* (Тигран Бабаян) (aphorism.ru, URL).

2) Одним контекстом представлен комбинированный положительно-отрицательный способ, предполагающий диалектическое объединение и столкновение утверждения и отрицания, свойственные парадоксальной природе афоризмов. При таком способе истолкования лексемы (*ad*) в афоризмах сначала (напр., в одной предикативной единице) приводится положительное истолкование лексемы (морфологически, путем включения частицы *не*), а затем (в другой предикативной единице) дается отрицательная характеристика, ср.: сложную конструкцию с двумя положительными, и двумя отрицательными истолкованиями, ср.: *Ad — это противоположность радости. Это нереализованность. Это знание того, Кто и Что Ты Есть, и невозможность пережить это* (Нил Доналд Уолш) (wisdoms.ru, URL).

3) В нашем материале зарегистрирован способ истолкования, в частности, библеизма *ad*, отсутствующий в лексикографической практике и названный нами отрицательно-отрицательным, ср.: *Ad — это не другие, это когда нет других* (Фэй Уэлдон) (aphorism.ru, URL), где сначала введено одно отрицательное толкование (при помощи частицы *не*), затем дается другое, тоже отрицательное толкование (при помощи слова *нет*).

5. Наиболее широко употребляемый в толковых словарях **синонимический** способ истолкования для афористических определений библеизмов *рай* и *ад*, однако, не характерен: в нашей картотеке этот способ отмечен лишь единожды, ср.: *Рай – это сад, где можно вкушать запретные плоды* (Eugene Ryaby (Евгений Рябый)) (Жемчужины мысли, URL).

Таким образом, проведенный в работе анализ афористических выражений показал, что в афоризмах с четко выраженной двучленной формой в качестве заголовочных единиц активно используются лексемы *ад* (чаще) и *рай* (*реже*), что свидетельствует о большем интересе создателей афоризмов к понятию *ада*.

В афоризмах-дефинициях лексем *рай* и *ад* употребляются традиционно используемые в лексикографии способы истолкования слов (обычно гиперонимический и описательный; единично перечислительный, отрицательный и синонимический). При этом обнаруживаются специфические черты, свойственные только афористическим определениям и обусловленные широкими коннотационными возможностями лексем, номинирующих наиболее известные библейские пространственные объекты.

В афористических определениях как лексема *рай*, так и лексема *ад* активно толкуются гиперонимическим способом при помощи: а) гиперонима *место*, ближайшего к определяемым лексемам-гипонимам; б) отличительных признаков, передающих особенности мировосприятия афориста и обозначенных разнообразными детализирующими определениями, часто с оценочной коннотацией.

Афоризмы с описательным способом истолкования лексем *рай* и *ад* характеризуются: а) отсутствием первого номинативного элемента в описательной части; б) вводом пояснительной части не с помощью описательных «операторов», разграничивающих предметы, а при помощи свойственных только афоризмам местоименных выражений *то, где; там, где; тот, который*, грамматически предназначенных для определения временных, пространственных или признаковых имен, либо с помощью редуцированных операторов *это когда* или *это*.

Активно используются комбинированные варианты истолкований.

Литература

Арбатский Д.И. Толкования значений слов. Семантические определения. Ижевск, 1977.

- Арбатский Д.И. Основные способы толкования значений слов // Русский язык в школе. 1970. № 3.
- Ван Лин. Композиционно-синтаксическая организация русских афоризмов второй половины XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.
- Вежбицка А. Семантические универсалии и описания языков. М., 1999.
- Дубичинский В.В. Лексикография русского языка. М., 2008.
- Королькова А.В. Афористика Иосифа Бродского // Поэтика Иосифа Бродского: разнообразие методологий. Смоленск, 2017.
- Макарова А.А. Афористика В.О. Ключевского и В.Г. Белинского: тематическое своеобразие и языковая специфика // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования. Пенза, 2018.
- Петрова Л.А., Таймазова Л.Л. Авторская афористика в мемуарной прозе М. Волошина // Устойчивые фразы в парадигмах науки. Тула, 2015.
- Рейн Е. Рай и ад в мировой поэзии // Вопросы литературы. 2001. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2001/3/rein.html>
- Рябова И.Ю. Концепт «счастье» в сопоставительном межязыковом аспекте (на примере романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и четырех англоязычных интерпретаций) // Филология и человек. 2017. № 4.
- Сычева Е.Н. «Человеческая» афористика в поэтической онтологии Ф.И. Тютчева // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. № 3.
- Топоров В.Н. Пространство // Мифы народов мира. М., 1980.
- Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. М., 1986.

Список источников

- Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб., 2005.
- Душенко К.В. Большая книга афоризмов. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=91745>
- Жемчужины мысли [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inpearls.ru>
- Интересные факты [Электронный ресурс]. URL: <https://www.abcfact.ru/6588.html>
- Цитаты известных личностей [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.citaty.net/zhizn-i-liudi/aphorism.ru> [Электронный ресурс]. URL: <https://aphorism.ru/theme>
- citaty.info [Электронный ресурс]. URL: <https://citaty.info>
- ItMyDream.com [Электронный ресурс]. URL: <http://itmydream.com/citaty>
- TIME 365 [Электронный ресурс]. URL: <https://time365.info/aforizmi>
- wisdoms.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wisdoms.one>

References

- Arbatskij D.I. *Tolkovaniya znachenij slov. Semanticheskie opredeleniya* [Interpretations of the Meaning of Words. Semantic Definitions]. Izhevsk, 1977.
- Arbatskij D.I. *Osnovnye sposoby tolkovaniya znachenij slov* [The Main Ways of Interpretation of Meanings of Words]. *Russkij yazyk v shkole* [Russian Language at School]. 1970. № 3.
- Van Lin. *Kompozicionno-sintaksicheskaya organizaciya russkih aforizmov vtoroj poloviny XIX veka*. [Compositional and Syntactic Organization of Russian Aphorisms of the second half of the XIX century].

the Second Half of the XIX century]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Sankt-Peterburg, 2005.

Vezhbicka A. *Semanticheskie universalii i opisaniya yazykov* [Semantic Universals and Description of Languages]. Moskva, 1999.

Dubichinskij V.V. *Leksikografiya russkogo yazyka* [Lexicography of the Russian Language]. Moskva, 2008.

Korol'kova A.V. *Aforistika Iosifa Brodskogo* [Joseph Brodsky's Aphorism]. *Poetika Iosifa Brodskogo: raznoobrazie metodologij* [Joseph Brodsky's Poetics: a Variety of Methodologies]. Smolensk, 2017.

Makarova A.A. *Aforistika V.O. Klyuchevskogo i V.G. Belinskogo: tematiceskoe svoeobrazie i yazykovaya specifika* [V.O. Klyuchevskii's and V.G. Belinsky's Aphorism. Thematic Originality and Specificity of Language]. *Yazykovaya politika i voprosy gumanitarnogo obrazovaniya* [Language Policy and the Problems of Humanitarian Education]. Penza, 2018.

Petrova L.A., Tajmazova L.L. *Avtorskaya aforistika v memuarnoj proze M. Voloshina* [The Author's Aphorism in Memoir Voloshin's Prose]. *Ustojchivye frazy v paradigmah nauki* [Sustainable Phrase in the Paradigms of Science]. Tula, 2015.

Rejn E. *Raj i ad v mirovoj poezii* [Paradise and Hell in World Poetry]. *Voprosy. Literary* [Questions of Literature]. 2001. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2001/3/rein.html>

Ryabova I.YU. *Koncept «schat'e» v сопоставitel'nom mezh"yazykovom aspekte (na primere romana L.N. Tolstogo «Anna Karenina» i chetyrekh angloyazychnyh interpretacij)* [The Concept of «Happiness» in a Comparative Interlingual Aspect (on the Example of L.N. Tolstoy's Novel «Anna Karenina» and Four English-language Interpretations)]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2017. No. 4.

Sycheva E.N. *«Chelovecheskaya» aforistika v poeticheskoj ontologii F.I. Tyutcheva* [«Human» Aphoristics in Poetic Ontology by F.I. Tyutchev]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University]. 2014. No. 3.

Toporov V.N. *Prostranstvo* [Space]. *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Moskva, 1980.

Ufimceva A.A. *Leksicheskoe znachenie: Princip semiologicheskogo opisaniya leksi* [Lexical Meaning: the Principle of Semiological Description of Vocabulary]. Moskva, 1986.

List of sources

Val'ter H., Mokienco V.M. *Antiposloviy russkogo naroda* [Antiproverbs of the Russian People]. Sankt-Peterburg, 2005.

Dushenko K.V. *Bol'shaya kniga aforizmov* [Big Book of Aphorisms]. Moskva, 2001. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=91745>

Zhemchuzhiny mysli [Pearls of Thought]. URL: <https://www.inpearls.ru>

Interesnye fakty [Interesting Facts]. URL: <https://www.abcfact.ru/6588.html>

Citaty izvestnykh lichnostej [Quotes of Famous Personalities]. URL: <https://ru.citaty.net/zhizn-i-liudi/>

aphorism.ru. URL: <https://aphorism.ru/theme>

citaty.info. URL: <https://citaty.info>

ItMyDream.com. URL: <http://itmydream.com/citati>

TIME 365. URL: <https://time365.info/aforizmi>

wisdoms.ru. URL: <http://www.wisdoms.one>

КЛАССИФИКАЦИЯ ЭГОЦЕНТРИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ЯЗЫКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ АНАЛИЗА ПЕРЕВОДНОГО НАРРАТИВА. ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭГОЦЕНТРИКОВ

А.В. Уржа

Ключевые слова: эгоцентрик, нарратив, фокализация, перевод.

Keywords: egocentric word, narrative, focalization, translation.

DOI 10.14258/filichel(2019)4-04

К эгоцентрикам, или эгоцентрическим языковым единицам, принято относить «слова, грамматические категории, синтаксические конструкции, семантика которых подразумевает, в качестве одного из участников описываемой ситуации, говорящего» [Падучева, 2018, с. 17]. Такое определение касается, в первую очередь, канонической коммуникативной ситуации, в которой говорящий и адресат локализованы в одном и том же пространстве и времени и имеют общее поле зрения. В других ситуациях использования эгоцентриков, в частности, в нарративе, понятие говорящего становится условным и либо расширяется, включая субъект восприятия и сознания (Е.В. Падучева), либо заменяется на понятие «носителя точки зрения» (Б.А. Успенский, В. Шмид), «авторизатора» (Г.А. Золотова), «фокализатора» (М. Бал) и т.п. Поскольку отражение субъективности в языке – это его имманентная характеристика (А.А. Потебня, Э. Бенвенист), исследования эгоцентрических средств многочисленны и разнообразны, их истоки обнаруживаются еще в античной риторике, логике, средневековой гомилетике и экзегетике и т.п. В области филологической науки труды в этой сфере значительно опередили появление термина. Термин «эгоцентрический» (К. Бюлер, Б. Расселл), применявшийся сначала к средствам выражения дейксиса, постепенно расширил свое значение, конкурируя со словами «шифтерный» (отсылающий к участникам и обстоятельствам речевого акта) (Р.О. Якобсон) и «модусный» (воплощающий отношение мыслящего субъекта к представлению (диктуму)) (Ш. Балли), а также «модальный» (в самой широкой трактовке сближающийся с термином «модусный») (В.В. Виноградов). Все перечисленные понятия осмысливались как по отношению к семантике высказывания, так и по отношению к средствам, воплощающим ее в разных типах текстов. Постепенно обогащались классификации, призванные упорядочить смыслы, связанные с эгоцентрической сферой (Т.В. Шмелева), или

систематизировать сами эгоцентрики (Е.В. Падучева). Исследования эгоцентрии обратились от лексики и грамматических категорий к синтаксису и тексту (Т.В. Булыгина, Г.А. Золотова), объектом изучения стали эгоцентрические нули (незамещенные позиции субъекта в предложении, интерпретируемые в связи с определенным носителем точки зрения) и эгоцентрическая техника, то есть использование таких «значимых отсутствий» при конструировании перспективы текста (Н.К. Онипенко, Е.Н. Никитина).

Именно исследования разных типов текстов могут, на наш взгляд, помочь преодолеть некоторую атомарность существующих на данный момент объемных классификаций эгоцентриков, где каждая подгруппа слов, конструкций, грамматических категорий описывается отдельно. Показательным материалом для изучения взаимодействия эгоцентриков могут стать варианты переводных нарративов: как показывает анализ, при переводе значительное количество изменений в сфере эгоцентрических смыслов связано не с расхождениями языков, а с самой процедурой субъективной интерпретации текста переводчиком (как читателем) [Natim, Mason, 1997; Уржа, 2016]: сфера субъективных смыслов оказывается более подвижной, более активно перестраиваемой, более уязвимой, чем сфера смыслов объективных, диктумных (эта закономерность объединяет переводы с другими видами интерпретаций текста) [Кочкинекова, 2017]. При этом изменение одних эгоцентриков в ходе интерпретации текста затрагивает и другие. Как именно происходят такие взаимосвязанные изменения? Как осуществляется взаимодействие эгоцентриков в оригинальном тексте и его переводных вариантах? Цель данной статьи – опираясь на современные таксономии эгоцентриков, представить классификацию эгоцентрических средств, учитывающую прагматический эффект их взаимодействия в повествовательном тексте, а также проиллюстрировать ряд аспектов взаимодействия эгоцентриков, сопоставляя варианты русского перевода нарратива с англоязычным оригиналом.

К вопросу о классификации эгоцентрических средств языка

Разрабатывая инструментарий для исследования эгоцентрических элементов в переводных текстах, необходимо учесть данные классификаций, обобщающих и структурирующих соответствующие средства языка. Существующие в современной лингвистике таксономии можно отнести к нескольким типам. Первый упорядочивает эгоцентрические смыслы, реализуемые в языке, и сопрягает каждый из таких смыслов с основными средствами его реализации. Одна из авторитетных классификаций этого типа –

таксономия модусных категорий Т.В. Шмелевой (опиравшейся на концепции В.В. Виноградова и Ш. Балли), где с каждым из значений, реализующих определенный аспект модуса в высказывании, сопряжена группа лексических и /или грамматических средств. Актуализационные категории модуса, при помощи которых «говорящий устанавливает отношение содержания предложения к ситуации речи и к участникам общения» [Шмелева, 1983, с. 82], включают персонализацию, временную локализацию и пространственную локализацию. Кваликативные категории модуса позволяют говорящему проявить «свое отношение к событиям и информации о них» [Шмелева, 1983, с. 85]: это модальность, персуазивность, авторизация и оценочность. Социальные смыслы позиционируют говорящего по отношению к адресату в плане социальных, этикетных и т.п. условий их коммуникации. Т.В. Шмелева не ставит перед собой задачу исчерпывающим образом описать и структурировать средства выражения каждой модусной категории: характеристику получают только некоторые из них, наиболее типичные. Так, персонализация (установление отношения участников речевого акта к упоминаемым событиям) связывается в первую очередь с категорией лица глаголов и парадигмой личных и притяжательных местоимений. За рамками описания остаются определенно-личные синтаксические конструкции, разнообразные способы номинации не-участника речевого акта, проекции (в частности, случаи, когда говорящий называет себя, становясь на точку зрения адресата: *А вот и бабушка пришла!*) и т.п.

Важно отметить, что Т.В. Шмелева исключает из модусных категорий коммуникативный аспект организации высказывания и метатекст (в узком понимании автокомментария к организации текста) в силу их неоднородности с остальными субъективными смыслами. Тем не менее, эти сферы субъективности также определены и соотнесены с модусными категориями. В целом классификация в большей степени ориентирована на анализ отдельных предложений, а не текста, автор не касается несобственно-прямой речи и субъективированного нарратива, однако в работе применяется понятие перспективы, связываемое с тем или иным модусным смыслом, например, оценочным: *Меня поразило, как Модильяни нашел красивым одного заведомо некрасивого человека* (А. Ахматова). Таким образом, таксономия, выделяющая набор важнейших эгоцентрических значений и намечающая магистральные способы их реализации, открывает возможность для дальнейших структурированных описаний языковых средств разных типов, в том числе и в повествовательных текстах.

Второй тип классификаций формируется в результате противоположного движения исследовательской мысли: не от глобальных субъективных значений, а от специфических свойств эгоцентриков в определенном языке. Именно это направление было реализовано в работе Е.В. Падучевой «Семантика нарратива», где глава, посвященная эгоцентрическим средствам, включает развернутый реестр групп и подгрупп слов с «эгоцентрическим участником». Благодаря такому подходу в списке эгоцентриков появились неопределенные (*что-то*) и слабоопределенные местоимения (*одна <полячка>*) и соответствующие номинации (*незнакомый*), предикаты со значением сходства и подобия (*напоминал <Гоголя>*), показатели идентификации (*тот самый*), слова со значением неожиданности (*вдруг, внезапно, неожиданно*), предикаты внутреннего состояния (*жаль, чувствовалось*), релятивные номинации (*сестра <пришла>*) [Падучева, 1996, с. 276-284]. Особое внимание исследователя привлекли слова с «врожденным наблюдателем» (*белеть, раскинуться, маячить, звенеть, пахнуть*), круг частей речи которых расширился в более поздних исследованиях. Наряду с метатекстом (*во-первых, итак*) выделены так называемые обобщающие «врезки» (*как часто бывает*), эгоцентрический компонент выявлен в сфере использования союзов (*а, но*) и частиц (*же*).

Выделяя, наряду с речевым и гипотаксическим, нарративный режим интерпретации, Е.В. Падучева обращает исследование эгоцентрики к тексту. Особое внимание уделяется свободному косвенному дискурсу, где персонаж оказывается не только субъектом сознания, но и носителем несобственно-прямой речи, в рамках которой эгоцентрики используются в своих прямых значениях. В монографии 2018 года Е.В. Падучева выделяет более крупные «сферы эгоцентрического» в языке. Это дейксис, модальность, оценка, эвиденциальность и коммуникативная структура (тема-ремагическое членение предложения) [Падучева, 2018, с. 80]. Однако обобщение обнаруженных эгоцентриков не завершено, многие из отмеченных ранее групп слов, например, показатели идентификации или предикаты сходства и подобия, не могут быть однозначно отнесены к какому-то из перечисленных крупных направлений – они достаточно далеко отстоят и от сферы дейксиса, и от сферы эвиденциальности. Огромное количество слов с «врожденным наблюдателем» и «эгоцентрическим участником» также нуждается в дальнейшем структурировании. На данный момент все эгоцентрики разделяются на «жесткие» (не допускающие

использования в нарративном и гипотаксическом режимах без изменения значения) и «мягкие» (допускающие такое использование), и это деление «высвечивает» специфику использования конкретных эгоцентриков в повествовательных текстах. Подробному изучению подвергается и свободный косвенный дискурс, где используются оба типа эгоцентриков. Развернутые реестры эгоцентрических средств с подробными характеристиками позволяют исследователям проводить более тонкий, детальный анализ материала, оставляя при этом возможность разнообразной группировки изучаемых элементов.

К третьему типу классификаций мы отнесем группировки, основанные на изучении эгоцентрии в текстах, систематизирующие не единицы языка, а речевые явления. Активно обсуждаемая таксономия эгоцентрических нулей Н.К. Онипенко основывается на функционировании в тексте предложений с «незамещаемыми синтаксическими нулями» (конструкций, традиционно называемых односоставными), а также предложений с «незамещенными синтаксическими нулями» (то есть эллиптических построений). Исследуя эгоцентрическую технику в тексте как использование «значимых отсутствий», ученый фокусирует внимание на тех словах и конструкциях, «которые без местоимения Я и аффиксов 1-го лица осмысливаются в связи с Я-модусной рамкой», то есть трактует эгоцентрики более узко [Онипенко, 2013, с. 111]. Н.К. Онипенко различает эгоцентрические нули с дейктическим (определенно-личным) и кванторным (неопределенно-личным, неопределенно-предметным и обобщенно-личным) значением. В целом классификация эгоцентрических элементов языка предполагает две крупные группы: диктальные эгоцентрические средства (то есть разнообразные способы отображения динамики / статики наблюдаемого при динамике / статике наблюдателя) и модусные эгоцентрические средства (представленные в модусной части высказывания и отсылающие к субъекту речи и / или субъекту сознания) [Сидорова, Липгарт, 2018, с. 25, 28]. Выбранный ракурс исследования позволяет выявить и описать все нюансы наиболее сложной составляющей зоны эгоцентрии – синтаксических конструкций, модифицированных в конкретном тексте с учетом его специфической перспективы. Получают объяснение нестандартные, фразеологизированные синтаксические построения в рамках несобственно-прямой речи, приемы субъективизации, формирования «двуголосого слова» в повествовании. Таксономия эгоцентрических нулей ориентирована в первую очередь на реализацию персонального дейксиса, однако она затрагивает и временные, пространственные,

модальные смыслы. Именно взаимодействие разнообразных эгоцентрических смыслов при реализации синтаксических нулей, на наш взгляд, требует дальнейшего изучения.

Три перечисленных подхода не предполагают механического объединения. Исследование семантики и прагматики конкретных групп и подгрупп эгоцентриков не всегда дает возможность их четкого упорядочения относительно крупных «прототипических» зон эгоцентрии, а анализ использования таких средств в тексте выявляет сложные случаи их синкретизма, многозначности, изофункциональности и т.п., так что в итоге одно и то же языковое средство может оказаться в разных отделах таксономии. Так, например, неопределенно-личные предложения в ряде контекстов актуализируют определенный тип авторизации, указывая на способ получения информации (*За стеной пели*), поддерживают семантику невысокой степени уверенности (*Туда, кажется, вошли*), а в других ситуациях реализуют оценочные и дейктические смыслы, подчеркивая отчуждение деятеля от говорящего (*Говорят – а ты не слушай, говорят – а ты не верь*).

Однако, на наш взгляд, можно разработать таксономию эгоцентрических средств, ориентированную на решение определенных исследовательских задач. В нашем случае такой задачей является изучение взаимодействия эгоцентриков в нарративе, то есть анализ случаев, когда они «поддерживают» функции друг друга, конфликтуют, формируя противоречивый контекст, а также когда один эгоцентрик заменяет другой. Группируя эгоцентрические средства, мы относим к одной сфере те элементы, которые наиболее тесно взаимодействуют друг с другом в тексте. Поскольку материалом исследования являются только нарративы (от первого и от третьего лица), мы ориентируем нашу классификацию на анализ таких текстов, характеризуя соответствующим образом семантику и прагматику групп эгоцентриков. Важным для классификации станет также понятие «выдвижения» части текста на фоне остальных за счет аккумуляции эгоцентрических средств. Это явление описано в трудах зарубежных ученых, сформировавших «теорию первого плана и фона текста» (Theory of grounding) (см. обзор в [Уржа, 2018]). В качестве элементов, «приближающих» описываемые события к читателю, приобщающих его к созданной в тексте точке зрения, были выделены дейктические слова (К. Чвани), формы настоящего исторического, оценочная лексика (С. Флейшман), ментальные и перцептивные предикаты, показатели неожиданности (Н. Кояма). Учитывая результаты этих

исследований, мы также введем описание эффекта «выдвижения» в нашу классификацию.

Каждая из четырех основных сфер эгоцентрии организована скалярно и объединяет крупную группу средств, реализующих соответствующие значения (от одного обозначенного в названии сферы «полюса» до другого).

1. Рецептивные эгоцентрики (перцепция – интерпретация)			
Средства реализации	Семантика	Прагматика	Эффект выдвижения
Темпоральные и пространственные дейктики, лексика с «врожденным наблюдателем», средства выражения оценки и эмотивности	Восприятие мира с определенной точки зрения	Читатель приобщается к восприятию мира фокальным субъектом (повествователем или персонажем)	Усиливается ощущение присутствия читателем «сопричастия» в описываемых событиях
2. Эпистемические эгоцентрики (неполнота информации – полнота информации)			
Средства реализации	Семантика	Прагматика	Эффект выдвижения
Средства выражения персуазивности и эвиденциальности, показатели неожиданности, неопределенные и слабоопределенные местоимения, предикаты сходства и подобия, показатели идентификации	Ограничение точки зрения	Читатель приобщается к границам точки зрения фокального субъекта	Создается атмосфера напряжения, догадки, саспенса для читателя

3. Модальные эгоцентрики (слабое – сильное «привязывание» содержания высказывания к реальности)			
Средства реализации	Семантика	Прагматика	Эффект выдвигения
Средства выражения оптативной, алетической, деонтической модальности	Отношение точки зрения к положению дел	Читатель оценивает то, как в рамках точки зрения связаны высказывание и мир	Внимание привлекает наиболее возможное и наиболее активное изменение положения дел
4. Интерактивные эгоцентрики (имплицитная – эксплицитная направленность на адресата)			
Средства реализации	Семантика	Прагматика	Эффект выдвигения
Персональные дейктики (в частности, выбор повествования от первого или третьего лица), конструкции со значением эксклюзивности / инклюзивности субъекта, метатекст, обобщающие высказывания, средства выражения социальных смыслов, обращения.	Взаимодействие точек зрения	Читатель соотносит опыт фокального субъекта с собственным, получает инструкции по работе с текстом, позиционируется по отношению к носителю точки зрения	Наибольшее внимание привлекает непосредственная апелляция к адресату

Табл. 1. Сферы эгоцентрики

В рамках первой сферы объединены эгоцентрики, сопряженные как с перцепцией, так и с интерпретацией описываемых в тексте событий. Граница между перцепцией и интерпретацией условна (как отмечала Н.Д. Арутюнова, в основе любой перцепции лежит

определенная таксономия [Арутюнова, 1999, с. 419–420], ср. высказывания *Я вижу дерево* и *Я вижу яблоню*). Показатели субъективности восприятия и интерпретации воспринятого тесно взаимодействуют в текстах, конструируя определенную точку зрения на действительность, то есть осуществляя фокализацию, по Ж. Женетту. Включенные в эту сферу эгоцентрики могут быть как аукториальными, так и персонажными: в первом случае они придают личностные черты образу повествователя или рассказчика, во втором – осуществляют субъективизацию нарратива, приближая его к точке зрения того или иного героя.

Вторая сфера группирует средства, связанные со знанием или не-знанием информации, а также переходом от незнания к знанию, опознанию, узнаванию. Поскольку всю информацию о событиях, описанных в тексте, читатель получает опосредованно, его точка зрения вынуждено ограничена. Приобщаясь к знанию, которым обладают текстовые субъекты (повествователь или персонажи), он может верифицировать эту информацию или проверить свои догадки только с опорой на представленные точки зрения. Языковые средства, очерчивающие степень и характер осведомленности фокальных персонажей о происходящих событиях, взаимодействуют, формируя интригу, влияя на читательские ожидания.

В третью сферу эгоцентрии включены средства, характеризующие отношение той или иной представленной в нарративе точки зрения к описываемому положению дел. Повествователь и персонажи не только констатируют ситуации, они могут стремиться к их изменению, и арсенал средств выражения разных типов модальности задействуется для того, чтобы зафиксировать связь высказываний и мыслей героев с фикциональным миром. Интенции фокальных субъектов выражаются прямо и косвенно, вступают в конфликт, реализуются и изменяются, формируя динамику сюжета, удерживая внимание читателя.

Четвертая сфера охватывает средства, ориентирующие нарратив на читателя. Это, в первую очередь, персональный дейксис, оформляющий перспективу повествования (как перволичного, так и третьеличного), конструирующий (эксплицитно или имплицитно) потенциальную позицию внетекстового адресата и внутритекстовые точки зрения, к которым он может приобщаться. Средства, относимые к этой сфере, взаимодействуют, апеллируя к опыту и знаниям читателя, а порой и моделируя его действия с текстом.

Прагматика эгоцентриков, принадлежащих к каждой из выделенных сфер, особенно ярко высвечивается в контексте преобразований, которые происходят с нарративом при переводе. Опускание, добавление, изменение эгоцентрических средств тесно связано с тем, как переводчик воспринял перспективу оригинального текста и эффект реализованных в нем субъективных смыслов. Намеренная концентрация эгоцентриков может приводить к выдвиганию фрагмента текста, привлекая внимание читателя к тем элементам, которые не были акцентированы автором исходного текста. Сравнивая варианты русского перевода одного произведения, можно увидеть, как активно взаимодействуют эгоцентрики в рамках каждой из сфер, а также наблюдать связь выделенных сфер друг с другом.

**Взаимодействие эгоцентриков в рамках выделенных сфер:
результаты сопоставительного исследования
вариантов переводного нарратива**

Приведенная выше классификация эгоцентрических элементов нарратива разработана с опорой на результаты сопоставительного исследования русских переводов англоязычных произведений в рамках трех жанровых групп (приключенческая проза, философско-ироническое повествование, социально-психологический нарратив, всего 29 оригинальных текстов и 126 русских переводов).

В данной статье мы кратко представим материалы анализа русских переводов романа Марка Твена «Приключения Тома Сойера», иллюстрирующие различные случаи взаимодействия эгоцентриков. Оригинальный текст романа представляет собой субъективированный нарратив, в котором точка зрения повествователя часто приближается к позиции того или иного персонажа: Тома, тети Полли, Гека, Бекки и т.д. В романе немало вкраплений несобственно-прямой речи, где используется персонажный дейксис, эмотивно и оценочно окрашенные номинации и конструкции, а средства выражения модальности реализуют интенции персонажей и степень их осведомленности. Отображая приемы субъективизации в русских переводах романа (с 1896 по 2011 год было опубликовано 13 версий), переводчики активно используют эгоцентрики, при этом ведущим принципом выбора таких элементов оказывается не семантическая эквивалентность, а функциональное сходство. Так, рецептивные эгоцентрики могут «поддерживать» и даже заменять друг друга, обеспечивая при этом фокализацию на протяжении всего фрагмента текста. Ср.:

<p>Now the raft was passing before the distant town. Two or three glimmering lights showed where it lay, peacefully sleeping, beyond the vague vast sweep of star-gemmed water, unconscious of the <i>tremendous event</i> that was happening.</p>	<p>Теперь плот проходил мимо Сент-Питерсберга. Два-три мерцающих огонька виднелись там, где над широкой туманной гладью реки, усеянной отражающимися звездами, дремал городок, не подозревая о том, какое <i>важное совершается событие</i>. (Пер. Н. Дарузес)</p>
	<p>Как раз в это время они проходили мимо <i>своего</i> городка, который был теперь так далеко. Городок мирно спал. <i>Только</i> по двум–трем мерцающим огонькам можно было угадать, где он лежит — над широким туманным простором воды, усеянной алмазами звезд. Спящим жителям и в голову не приходило, какое <i>великое событие совершается в эту минуту</i>. (Пер. К. Чуковского)</p>
	<p>Вскоре на дальнем берегу показался городок. <i>Лишь</i> пара-тройка мерцающих огоньков указывала, где он раскинулся, мирно спящий за огромным, смутным, усыпанным звездами простором воды, ничего не ведающий о свершающемся на реке <i>великом событии</i>. (Пер. С. Ильина)</p>

Переводчики используют разные наборы темпоральных и пространственных дейктиков (жирный шрифт), интерпретируя оригинальные *now* и *distant*. У Н. Дарузес привлекаются слова *теперь* и *там*, К. Чуковский вводит два темпоральных указателя, ориентированных на момент восприятия (*в это время, в эту минуту*), эмоционально усиливая локативный показатель *так далеко*, С. Ильин использует обороты с пространственным значением (*на дальнем берегу, за простором воды*). Эти средства локализации наблюдателя поддерживаются не только авторизующими глаголами (у Чуковского еще и притяжательным местоимением) (жирный курсив), но и оборотами с оценочной семантикой (курсив), которые вкупе позволяют читателю безошибочно определить носителя точки зрения – Тома.

Взаимодействие рецептивных эгоцентриков можно наблюдать и при изучении определенной переводческой стратегии. На фоне существующих переводов романа выделяется версия, созданная К. Чуковским: она превышает остальные по количеству дейктиков и форм нарративного презенса. Отметим, что Корней Иванович несколько раз редактировал перевод с 1935 по 1959 годы, увеличивая количество таких элементов в тексте [Уржа, 2016]. В стремлении еще больше приблизить приключенческий нарратив к читателю, Чуковский

расширяет сферу действия авторского приема: добавление дейктиков создает эффект дополнительного выдвижения фрагментов повествования, вовлекая читателя в происходящее, «приближая» к нему описываемые события, приобщая его к точке зрения фокальных персонажей.

<p>He had shoes on – and it was only Friday.</p>	<p>На ногах у него были башмаки, даром, что сегодня еще только пятница.</p>
<p>The new boy took two broad coppers out of his pocket and held them out with derision. Tom struck them to the ground.</p>	<p>Чужой мальчик вынимает из кармана два больших медяка и с усмешкой протягивает Тому. Том ударяет его по руке, и медяки летят на землю.</p>
<p>In fact, everything seemed to be drifting just in the right direction, now; the treasure must be still in No. 2, the men would be captured and jailed that day, and he and Tom could seize the gold that night without any trouble or any fear of interruption.</p>	<p>Да, дела как будто складываются очень неплохо: сундучок, должно быть, до сих пор остается в номере втором, обоих негодяев поймают сегодня же и посадят в тюрьму, а нынче ночью он и Том без хлопот, никого не боясь, пойдут и захватят все золото.</p>

Показательно, что в переводах, повышающих количество дейктической и перцептивной лексики, возрастает и объем слов с оценочной и эмотивной составляющей. Тетя Полли (*aunt Polly*) в переводе К. Чуковского гораздо чаще, чем в других русскоязычных версиях романа, именуется *теткой* и *старухой* – сфера повествователя приближается к точке зрения Тома в ситуации очередного семейного конфликта. Новый нарядный мальчик, которого задирает Том, называется *чужим* (в оригинале – *the new boy*), поссорившись с Бекки, герой рассуждает о *девчонках* (ср.: *That's just like a girl*), Индеец Джо и его помощник, унесшие клад, названы *негодьями* (ср.: *the men*) и т.п. Таким образом, различные рецептивные эгоцентрики возрастают в количестве в тех фрагментах перевода К.И. Чуковского, где активизируется внутренняя фокализация и точка зрения героя выдвигается на первый план.

В романе активно задействуется и сфера эпистемических эгоцентриков. «Остросюжетность» этого произведения во многом обусловлена тем, что читатель вместе с героями строит догадки, томится в ожидании, сталкивается с неожиданным. Эгоцентрики,

ограничивающие точку зрения героя, также работают на создание эффекта субъективизации. Возможно, поэтому дейктические слова и показатели неожиданности нередко встречаются рядом (как в оригинале, так и в переводах): *Но тут опять пошли сухие рассуждения, и муки Тома возобновились. Вдруг он вспомнил, какое у него в кармане сокровище, и поспешил достать его оттуда* (Пер. Н. Дарузес)

Выделяя стратегию К.Чуковского (не как наиболее удачную, а как показательную в плане использования исследуемых нами средств), отметим, что в кульминационных фрагментах нарратива он добавляет эпистемические эгоцентрики: как обороты, обозначающие степень уверенности, так и показатели неожиданности. Ср.:

<p>He got out his worldly wealth and examined it—bits of toys, marbles, and trash; enough to buy an exchange of work, maybe, but not half enough to buy so much as half an hour of pure freedom. So he returned his straitened means to his pocket, and gave up the idea of trying to buy the boys. At this dark and hopeless moment an inspiration burst upon him!</p>	<p>Онъ вытащилъ все свое земное богатство и принялся его разсматривать; были тутъ игрушечные обломки, камешки, всякая дрянь. Всего было достаточно, можетъ быть, чтобы добиться обмѣна на другую работу, но слишкомъ мало для того, чтобы купить себѣ полчаса полной свободы. Онъ спряталъ снова въ карманъ эти скудные средства и отказался вовсе отъ мысли подкупить товарищей. Но въ эту тяжелую и отчаянную минуту его осѣнило вдохновеніе. (Пер. С. Воскресенской)</p>
	<p>Он вынул из карманов свои сокровища и стал рассматривать их: обломки игрушек, шарики и тому подобная рухлядь; всей этой дребедени, пожалуй, достаточно, чтобы оплатить три – четыре минуты чужого труда, но, конечно, за нее не купишь и получаса свободы! Он снова убрал свое жалкое имущество в карман и отказался от мысли о подкупе. <i>Никто из мальчишек не станет работать за такую нищенскую плату.</i> И вдруг в эту черную минуту отчаяния на Тома снизошло вдохновение! (Пер. К. Чуковского)</p>

В переводе К.Чуковского, по сравнению с оригиналом и вариантом С.Воскресенской, появляется не только показатель неожиданности, но и фрагмент несобственно-прямой речи с оценочным словом и формой времени, ориентированной на момент размышления (курсив). Оба переводчика воспроизводят содержание

фокализованного фрагмента, однако Чуковский конденсирует эгоцентрики, акцентируя субъективирующий прием.

В романе М. Твена реализуется и набор интерактивных эгоцентрических элементов, «направленных» к читателю. В тексте создается нарративная рамка, где повествователь обозначает себя (*Я видел однажды более благовоспитанный церковный хор, однако теперь уж забыл – где именно* (Пер. С. Ильина)), вводятся прямые апелляции к читательскому опыту (*Читатель, вероятно, припомнит, как это делается, если был когда-нибудь мальчиком.* (Пер. М. Энгельгардта)), называются действия автора и читателя (*Вернемся теперь к Тому и Бекки и посмотрим, что делали они на пикнике.* (Пер. К. Чуковского)), вводятся обобщающие сентенции, даются метатекстовые комментарии при помощи сносок. И в оригинале, и в переводах такие средства взаимодействуют в рамках фрагментов, например: «Вопиющей неискренности этих назиданий явно не хватало для того, чтобы изгнать моду на них из школы; не хватает ее и **ныне**, да, верно, покуда стоит **наш** мир, так и не хватит. <...> внимательно приглядевшись, **вы** обнаружите, что самые пространные и безжалостно благочестивые <(назидания)> выходят из-под перьев наиболее распушенных и наименее религиозных школьниц. Но довольно об этом. **Горькая правда не всякому по вкусу.** Вернемся к «экзамену» (пер. С. Ильина). В целом переводчики следуют за оригиналом, однако в некоторых случаях добавляют эксплицитные эгоцентрические показатели, и тогда образ повествователя дополнительно выделяется, ср. с оригиналом варианты К. Чуковского и Н. Дарузес:

Let us return to the «Examination».	Давайте вернемся к экзаменам.	Лучше вернемся к экзаменам.
So endeth this chronicle.	Так кончается эта хроника.	Наша летопись окончена.

Итак, исследование оригинала и русских переводов романа Марка Твена демонстрирует взаимодействие эгоцентриков в рамках различных сфер. Интерпретируя персонажные эгоцентрики, переводчики воспроизводят фокализацию фрагментов нарратива при помощи несинонимичных, но функционально близких средств. Стремление переводчиков расширить авторский прием, подчеркнуть субъективизацию текста приводит к конденсации изофункциональных эгоцентрических средств – последовательную стратегию такого рода мы наблюдаем в переводе К. Чуковского. Аукториальные эгоцентрики,

направленные к читателю, воспроизводятся во всех переводах, но могут получать больше или меньше эксплицитных средств выражения.

Анализ вариантов перевода нарративов на русский язык убеждает нас в том, что эгоцентрики необходимо изучать в их взаимодействии: эти средства нуждаются в изофункциональном окружении, они работают «в связке», которая формируется на основе не семантической, а прагматической близости. Именно такой ракурс исследования поможет уточнить связь различных сфер эгоцентрии с текстовыми жанрами, с идиостилиями авторов, оценить эффект замен и компенсаций, производимых переводчиками.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- Кочкинкова А.В. Особенности экспликации личностных смыслов при переводе английских безличных и посессивных предложений (эмпирическое исследование) // Филология и человек. 2017. № 4.
- Онипенко Н.К. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических средств // Проблемы функциональной грамматики. Принцип естественной классификации. СПб., 2013.
- Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996.
- Падучева Е.В. Эгоцентрические единицы языка. М., 2018.
- Сидорова М.Ю., Лингарт А.А. Грамматика современной русской поэзии: субъектная перспектива, предикативные категории, модусные рамки. (Часть 1) // Филология и человек. 2018. № 3.
- Уржа А.В. Первый план и фон нарратива: направления зарубежных исследований в сфере лингвистики и переводоведения // Slověne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies. 2018. № 2.
- Уржа А.В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики. М., 2016.
- Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984. Вып. 1.
- Hatim B., Mason J. The Translator as Communicator. London, 1997.

References

- Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [The Language and the World of a Man]. Moskva, 1999.
- Kochkinikova A.V. *Osobennosti eksplikatsii lichnostnykh smyslov pri perevode angliyskikh bezlichnykh i posessivnykh predlozheniy (empiricheskoe issledovanie)* [Explication Peculiarities of Personality Senses in the Process of Translation of Impersonal and Possessive Sentences (empirical research)]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2017. No. 4.
- Onipenko N.K. *Model' sub'ektnoy perspektivy i problema klassifikatsii egotsentricheskikh sredstv* [Model of Subject Perspective and the Classification of Egocentric Means]. *Problemy funktsional'noy grammatiki*. [Issues of Functional Grammar]. Sankt-Peterburg, 2013.
- Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniya* [Studies in Semantics]. Moskva, 1996.

Paducheva E.V. *Egocentricheskie edinitsy yazyka* [Egocentric Units in the Language]. Moskva, 2018.

Sidorova M.Yu., Lipgart A.A. *Grammatika sovremennoy russkoy poezii: sub"ektnaya perspektiva, predikativnye kategorii, modusnye ramki. (Chast' 1)* [Grammar of Modern Russian Poetry: Subjective Perspective, Predicative Categories, Modus Frames (Part 1)]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2018. No. 3.

Urzha A.V. *Pervyi plan i fon narrativa: napravleniia zarubezhnykh issledovaniy v sfere lingvistiki i perevodovedeniia* [Foreground and Background in a Narrative: Trends in Foreign Linguistic and Translation Studies]. *Slověne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies*, 2018. No. 2.

Urzha A.V. *Russkiy perevodnoy khudozhestvennyy tekst s pozitsiy kommunikativnoy grammatiki* [Russian Literary Translation in the View of Communicative Grammar]. M., 2016.

Shmeleva T.V. *Smyslovaia organizatsiia predlozheniia i problema modal'nosti* [Semantic Organization of a Sentence and the Concept of Modality]. *Aktual'nye problemy russkogo sintaksisa* [Actual Issues of Russian Syntax]. Moskva, 1984. Iss. 1.

Hatim B., Mason J. *The Translator as Communicator*. London, 1997.

АНАЛИЗ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАГОЛА ИНФОРМИРОВАНИЯ ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ПЕРЕСКАЗЫВАТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Г.Ф. Лутфуллина

Ключевые слова: пересказывательность, глагол информирования, синтаксическая конструкция.

Keywords: reportative category, informing verbs, syntactic structures.

DOI 10.14258/filichel(2019)4-05

Косвенная эвиденциальность предполагает опосредованное получение информации от третьих лиц. В этом состоит ее коренное отличие от категории «прямой» эвиденциальности, предполагающей личное восприятие. Оба термина широко приняты в зарубежной научной литературе – direct / indirect evidentiality. Ядро категории косвенной эвиденциальности составляет категория пересказывательности или reportative category / категория репортативности. Мы сознательно отказались от введения нового термина и, вслед за целым рядом ученых, используем термин пересказывательность.

Термин пересказывательность встречается в известном труде Арто Мустайоки «Теория функционального синтаксиса» [Мустайоки, 2006], в статьях Э.Б. Крыловой «Пересказывательность и средства ее выражения в датском языке» [Крылова, 2011], Т.Н. Астаховой «Средства выражения эвиденциальности в текстах немецкоязычных СМИ» [Астахова, 2011], Э.В. Усенковой «Ренарратив в нганасанском языке» [Усенкова, 2002], в диссертации Т.П. Мордасовой «Категориальная и функциональная сущность косвенной засвидетельствованности в русском языке» [Мордасова, 2005], в диссертациях М.Ю. Григоренко «Функционально-семантическое поле эвиденциальности в современном русском языке» [Григоренко, 2011], Н.А. Козинцевой «Структурно-типологическая характеристика категории пересказывательности» [Козинцева, 2010], О.А. Кобриной «Категория эвиденциальности в современном английском языке» [Кобрина, 2003], В.А. Скворцовой «Коммуникативная модель развития проблемы как отражение мыслительного стиля языковой личности через призму ответного пространства интервью» [Скворцова, 2012], Л.А.Ильиной «Эволюция глагольной категории эвиденциальности» [Ильина, 2002], М.Н. Моисеевой «Тематическая речь в рамках категории эвиденциальности» [Моисеева, 2012], И.Ю. Шестухиной «Категория эвиденциальности в русском нарративном тексте: коммуникативно-прагматический аспект» [Шестухина, 2009].

В рамках Казанской лингвистической школы можно назвать статьи Л.Б. Волковой «Категория пересказывательности в немецком и русском языках» [Волкова, 2004], З.К. Сабитовой в учебнике «Лингвокультурология» [Сабитова, 2014]. Этот термин широко используется в исследованиях, проводимых Московской научной школой, – это диссертация Н.В. Бабер «Реализация категории эвиденциальности в немецком языке» [Бабер, 2012], статья И.Б. Левонтиной «Пересказывательность в русском языке» [Левонтина, 2010]. В запросе на термин «репортаивность» интернет-сайты не выдают никаких данных, тогда как запрос на термин «пересказывательность» дает большое количество ссылок. Встречаются такие варианты как пересказывательное наклонение и пересказывательная модальность, пересказывательное значение.

Диахронность ситуации информирования и сообщаемой ситуации является условием реализации категории пересказывательности. Семантическая структура высказываний с реализацией категории пересказывательности предполагает наличие информирующей части – ситуации информирования. Объектом сообщения является динамическая, глагольно выраженная ситуация. Она соответствует

сообщаемой части высказывания, которая представлена, как правило, придаточным предложением.

Потребность сообщения информации определяет соответствующую информативную функцию. Глаголы информационной семантики отличаются как многочисленностью, так и вариативностью. Н.Д. Арутюнова пишет, что доминирующее количество информационных глаголов относится к речеповеденческим, в семантике которых присутствуют два компонента: речь и поведенческий акт [Арутюнова, 1999, с. 646]. Е.А. Мельникова делит глаголы информирования на следующие категории: 1) сообщения информации с оценочным компонентом; 2) обмена информацией; 3) запроса информации [Мельникова, 1996, с. 172]. Семантическое окружение глаголов информирования составляют Агенс, Адресат и Содержание речи. Большинство глаголов информирования относится к метаязыковым и охватывает все виды речевой деятельности. Л.П. Устинова в своей диссертации исследует глаголы со значением передачи информации, запроса информации, ответа [Устинова, 2013, с. 61].

Целью данной статьи является выявление преференциальных временных форм и синтаксических конструкций в глаголах информирования в русском языке. Материалом исследования послужили примеры из Национального корпуса русского языка [НКРЯ, URL]. Количественный и интерпретационный методы использованы при анализе примеров. Основные задачи заключаются в следующем: 1) теоретический обзор значений временной формы; 2) количественный анализ частотности функционирования; 3) анализ синтаксических конструкций.

Информировать – это двувидовой переходный глагол, который образует формы совершенного и несовершенного вида.

Несовершенный вид характеризуется эксплицитной процессностью. Ситуации, выражаемые несовершенным видом, по мнению А.В. Бондарко, отличаются срединностью, перцептивностью, длительностью, динамичностью [Бондарко, 2002, с. 367-381]. Лексическая длительность связана с функционированием несовершенного вида в процессном значении. А.А. Зализняк и А.Д. Шмелев отмечают, что для несовершенного вида характерны дуративное, процессное и итеративное значения [Зализняк, Шмелев 2000, с. 15]. Г.М. Зельдович пишет, что несовершенный вид способен называть гомогенную часть соответствующего сценария ситуации [Зельдович, 2012, с. 55]. Несовершенный вид подразумевает, что действие при определенных обстоятельствах не может быть полным, и

обозначает неполное действие, так как на это имеется недвусмысленная подсказка [Зельдович, 2012, с. 45]. Имперфективность предполагает ориентацию несовершенного вида на неактуальность результата или давность события [Богуславский, 1996, с. 303].

С одной стороны несовершенный вид может имплицировать наблюдаемость и, следовательно не подходит для ситуации информирования, для которой это свойство не обязательно. С другой стороны, несовершенный вид нацелен на наличие предпосылок или предшествующих условий, ввиду этого он благоприятен для информирования о произошедших событиях. Значение процессности допускает выражение синхронности и ситуации информирования и сообщаемой ситуации, то есть комментирование [Лутфуллина, 2018, с. 34].

Совершенный вид (далее СВ), согласно А.В. Бондарко, выражает целостность как отсутствие членения ситуации на фазы или отсутствие протекания действия во времени. Совершенным видом репрезентируется целостность начальной фазы, а фаза продолжения подразумевается [Бондарко, 2002, с. 367-381]. Признак ограниченности пределом означает как исчерпанность, полноту проявления действия, так и исчерпанность во времени. Аналогичной точки зрения придерживаются ведущие аспектологи А.А. Зализняк и А.Д. Шмелев, которые утверждают, что конкретно-фактическое значение совершенного вида является основным, обозначая единичное событие [Зализняк, Шмелев, 2000, с. 13]. С позиций прагматики, по мнению Г.М. Зельдовича, для совершенного вида целостная семантика глагола представляет собой совокупность инвариатного «единичного» значения и значения лексического, которое представляет собой конкретный сценарий событий [Зельдович, 2012, с. 45]. Совершенный вид глагола информирования образуется основным способом перфективации – путем присоединения приставки, которая, помимо вида, обычно выражает также определенное словообразовательное значение. Так, в глаголе *проинформировать* совершенного вида приставка *про-* наряду со значением совершенного вида, представляет также собственное значение – ограниченность ситуации некоторым временным отрезком, окончание действия. Ситуация информирования репрезентируется как ограниченная во времени.

Анализ примеров

(1) *Как заявил Гао Ган, на заседании Политбюро ЦК КПК ему пришлось серьезно столкнуться с Чжоу Эньлаем, выступавшим против отправки китайских добровольческих армий в Корею, –*

информировал посол центр (Война в Корее 1950-1953 гг. // «Проблемы Дальнего Востока»)¹.

(2) Поздно вечером 10 марта на официальном интернет-ресурсе парламента появилось сообщение, где первый вице-спикер Александр Лавринович **информировал**: «Подтверждение о вхождении в коалицию от фракции НУНС не получено» (Ю. Тюрдьо. Реальное правительство и виртуальный Майдан).

(3) Глава британского правительства **информировал** Рузвельта о причинах гибели крейсера «Сидней», но настоял, чтобы информация держалась в строжайшей тайне до окончания переговоров с японцами (И. Кулик. Трагедия крейсера «Сидней»).

(4) Брюс был представителем России на этом конгрессе и **регулярно информировал** князя о ходе переговоров (И. Саверкина. Что читал Меншиков?).

(5) Вместе с тем он **информировал о том, что** инцидент был обсужден государственным секретарем США Джеймсом Бейкером во время его встречи с Президентом Российской Федерации Борисом Ельциным. (В. Прокопенко. Подводные лодки играют в «кошки-мышки»).

(6) Начальник отделения по охране общественной безопасности и порядка в Москве **информировал, что** «дочь священника К.Н. Громова на жительство в Москве не обнаружена» (А. Егоров. Тайна полковника Уранова).

(7) – Я же **информировал, что** молотилка через час будет, – отвечал Филипп Васильевич (С. Антонов. Тетя Луша).

(8) До того он **часто информировал, что** проводил такие-то беседы, политинформации, хотя редко беседует с бойцами и, тем более, на политические темы (В.Н. Гельфанд. Дневники 1941-1943 гг.).

Прошедшее время данного глагола – это форма **информировал**, которая имеет корпус НКРЯ 187 вхождений. Данная форма имеет двоякую интерпретацию в зависимости от контекста.

Совершенный вид прошедшего времени представлен в большинстве примеров с репрезентацией однократного, целостного действия информирования ((1) – (3)), ((5) – (7)), то есть допускается добавление наречия *однократно* без изменения смысла.

Несовершенный вид прошедшего времени эксплицирован соответствующими наречиями частотности, указывающими на многократность действия ((4), (8)),

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны примеры из Национального корпуса русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

Все примеры можно поделить на три группы:

1) с глаголом информирования, вводящим (2) или следующим (1) за прямой речью;

2) с косвенным дополнением – процессным существительным или существительным, на глубинном уровне представляющим ситуацию, а также прямым дополнением – представляющим адресата или получателя информации *информировал Рузвельта о причинах гибели крейсера* (3), *информировал князя о ходе переговоров* (4);

3) только один пример представлял собой двусоставное сложное предложение, в котором главное выражало ситуацию информирования, а придаточное – сообщаемую ситуацию (5).

Было выявлено пять вхождений, в которых вводное придаточное предложение вводилось подчинительным союзом *что*: *информировал, что* ((6) – (8)). Предикат сообщаемой ситуации может быть как в форме прошедшего времени (6), (8), так и в форме будущего времени (7). Случаи с прямой речью исключают выражение пересказывательности. Функционирование глагола информирования в остальных конструкциях выражает пересказывательность, только если присутствует динамичная сообщаемая ситуация ((3) – (8)).

(9) *С мая по октябрь этого года в Новгородском регионе зафиксировано 53 507 нарушений, – проинформировал инженер-электроник Центра видеofиксации ОВД Новгородской области Роман Кулаков (Е. Зиминова. Письма счастья).*

(10) *Н.Н. Бордюжа проинформировал А.Г. Лукашенко о практической деятельности Организации, перспективах формирования системы коллективной безопасности с учетом необходимости эффективного противодействия современным вызовам и угрозам, в том числе в контексте подготовки июньской сессии Совета коллективной безопасности (Содружество Независимых Государств // «Дипломатический вестник»).*

(11) *Как проинформировал нас замгендиректора ОК «Русал» Олег Вайтман, оно составило 325 тыс. тонн (из них «вклад» БАЗа – порядка 60 тыс. тонн), а в 2014 году эффект от сокращения производства по сравнению с 2012 годом достигнет 647 тыс. тонн (А. Ивантер. Созидательное разрушение // «Эксперт»).*

(12) *Как проинформировал журналистов Ходорковский, китайская сторона с 2005-го по 2010 год обязуется, согласно соглашению, закупать ежегодно по 20 миллионов тонн нефти (В. Сазонов. Бедный олигарх – плохой олигарх?).*

(13) *Тонкий душевед Семен Аркадьевич обещал, а заодно уж и проинформировал, что программа подготовки подходит к концу и*

после работы с психологом Мокою придет время выходить на сцену (Н. Дежнев. Принцип неопределенности).

(14) *Кроме того, центр общественных связей ПФЛ проинформировал, что за нарушение регламента соревнований ФК «Балтика» оштрафован на 6.000 рублей. (Б. Кубарев. ФК «Балтика-Тарко» оштрафовали на 100.000 рублей // «Калининградские Новые колеса»).*

(15) *Потом, не меняя интонации, проинформировал, что на эту тему хочет подробно поговорить сегодня вечером (О. Гриневский. Восток – дело тонкое).*

Совершенный вид прошедшего времени – это форма проинформировал, которая имеет 138 вхождений в корпусе НКРЯ. Здесь также можно выделить аналогичные по структуре примеры:

1) глагол информирования, следующий за прямой речью (9);

2) с косвенным дополнением – процессным существительным или существительным, на глубинном уровне представляющим ситуацию, а также прямым дополнением – представляющим адресата или получателя информации:

<...> проинформировал А.Г. Лукашенко о практической деятельности (10);

3) отсутствуют примеры сложного предложения, в котором главное выражает ситуацию информирования, а придаточное – сообщаемую ситуацию. Однако выявлено два примера с конструкцией *как информировал кто-то кого-то* ((11), (12)). Это придаточное предложения с союзом *как*, в котором предикат информирования предшествует источнику информации, а само придаточное предложение вводит главное предложение, несущее основную сообщаемую информацию. Отчасти оно напоминает конструкции ввода прямой речи. Этот тип предложений специфичен только для русского языка с его свободным порядком слов, потому что в большинстве языков ситуацию информирования представляет главное предложение, как можно убедиться на примерах ((13) – (15)). Главное предложение репрезентирует ситуацию информирования проинформировал, что, а придаточное представляет сообщаемую ситуацию. Всего в корпусе НКРЯ обнаружено 6 примеров подобных предложений, что свидетельствует о низкой частотности.

(16) *Информирует Руководителя структурного подразделения в г. Сочи и Генерального директора предприятия об имеющихся недостатках в работе, принимаемых мерах по их ликвидации (Должностная инструкция заместителя руководителя структурного подразделения).*

(17) *Он предупреждает водителя о неспортивном поведении и информирует, что при следующем нарушении он будет исключен из соревнования или заезда (М. Подольский. Картинг – это круто!).*

(18) *Табличка у входа с напряженным бесстрашием информирует, что замок разрушен Иваном Грозным (Улитки после дождя (2003) // «Театральная жизнь»).*

Настоящее время данного глагола – это форма *информирует* с количеством примеров в корпусе 195. Примеры представлены конструкциями с косвенным дополнением – процессным существительным или существительным, на глубинном уровне представляющим ситуацию, а также прямым дополнением – представляющим адресата или получателя информации *информирует Руководителя об имеющихся недостатках* (16). В корпусе НКРЯ выявлено всего 10 примеров сложных предложений с репрезентацией категории пересказываемости, в которых главное выражает ситуацию информирования, а придаточное – сообщаемую ситуацию ((17), (18)), что также является показателем низкой частотности.

(19) *При этом большое цифровое табло будет информировать о выбранных настройках (Мария Маганова. Да здравствует независимость! (2004) // «Homes & Gardens», 01.12.2004).*

(20) *«Спортсмен-подводник» регулярно будет информировать читателей о деятельности Федерации подводного спорта СССР, ее комиссий, а также знакомить с информационным бюллетенем Международной организации подводной деятельности (КМАС) (обобщенный. От редакции // «Спортсмен-подводник», 1967)*

Несовершенное будущее время *будет информировать* насчитывает в корпусе всего 8 вхождений и представлено в составе простых предложений, включающих информированного и информатора *будет информировать читателей о деятельности* (19). Иногда информатор может выступать в роли субъекта высказывания – подлежащего *цифровое табло будет информировать* (20).

(21) *Как говорят в окружении полпреда, он «проинформирует о том, какая работа проделана по уничтожению химоружия» и «обсудит новые инициативы России в сфере химразоружения» (Петр Акопов, Дмитрий Сафонов. Полпред в поход собрался. Сергей Кириенко объяснит Западу новый план уничтожения химоружия (2001) // «Известия», 31.08.2001).*

(22) *Он был уверен, что не позже сегодняшнего вечера Александр Семенович Коновалов свяжется с Антоном Андреевичем Минаевым и проинформирует его о разговоре с полковником из МУРа (Александра Маринина. Не мешайте палачу (1996)).*

Совершенное будущее время глагола, форма *проинформирует*, имеет 7 вхождений. При такой низкой частотности не приходится говорить о синтаксической вариативности, которая представлена традиционными для данного глагола конструкциями.

Временная форма	Форма глагола	Количество
Прошедшее время несовершенный / совершенный вид	<i>информировал</i>	187 вхождений
Совершенный вид	<i>проинформировал</i>	138 вхождений
Настоящее время	<i>информирует</i>	195 вхождений
Несовершенное будущее время	<i>будет информировать</i>	8 вхождений
Совершенное будущее время	<i>проинформирует</i>	7 вхождения

Табл. 1. Частотность функционирования временных форм глагола

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

Глагол информирования часто встречается в словах автора, вводящих или следующих за прямой речью, а также в сочетании с косвенным дополнением – процессным существительным или существительным, на глубинном уровне представляющим ситуацию, а также прямым дополнением – представляющим адресата или получателя информации.

В русском языке дистрибуция временных форм предполагает доминирование форм прошедшего времени, а также формы настоящего времени.

Сложные предложения с семантикой информирования не отличаются высокой частотностью.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- Астахова Т.Н. Средства выражения эвиденциальности в текстах немецкоязычных СМИ: дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2011.
- Бабер Н.В. «Реализация категории эвиденциальности в немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
- Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
- Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М., 2002.
- Волкова Л.Б. Категория пересказываемости в немецком и русском языках // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. Казань, 2004.
- Григоренко М.Ю. Функционально-семантическое поле эвиденциальности в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2011.

- Зализняк А.А. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Зельдович Г.М. Прагматика грамматики. М., 2012.
- Ильина Л.А. Эволюция глагольной категории эвиденциальности: Системно-диахроническое моделирование на материале селькупского языка: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2002.
- Кобрин О.А. Категория эвиденциальности в современном английском языке: семантика и средства выражения: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2003.
- Козинцева Н.А. Структурно-типологическая характеристика категории пересказывательности. М., 2010.
- Крыловой Э.Б. Пересказывательность и средства ее выражения в датском языке. Скандинавская филология. 2011. № 3.
- Левонтина И.Б. Пересказывательность в русском языке / Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2010.
- Лутфуллина Г.Ф. Сравнительный анализ синтаксических конструкций перцептивной семантики с участием неличных форм во французском и русском языках // Филология и человек. 2018. № 1.
- Мельникова Е.А. Семантический признак «характер передаваемой информации и типы синтаксических конструкций с глаголами речи» (на материале английского языка) / Межкатегориальные связи в грамматике. СПб., 1996.
- Моисеева М.Н. Тематическая речь в рамках категории эвиденциальности: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2012.
- Мордасова Т.П. Категориальная и функциональная сущность косвенной засвидетельствованности в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Липецк, 2005.
- Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М., 2006.
- Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Сабитова З.К. Лингвокультурология. М., 2014.
- Скворцова В.А. Коммуникативная модель развития проблемы как отражение мыслительного стиля языковой личности через призму ответного пространства интервью: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2012.
- Усенкова Э.В. Ренарратив в нганасанском языке: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2002.
- Устинова Л.П. Глаголы информационной семантики в основных регистрах общения (на материале немецкого и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2013.
- Шестухина И.Ю. Категория эвиденциальности в русском нарративном тексте: коммуникативно-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2009.

References

- Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the World of Human]. Moskva, 1999.
- Astakhova T.N. *Sredstva vyrazheniya evidentsial'nosti v tekstakh nemetskoyazychnykh SMI* [Means of Expressing Evidentiality in the Texts of German-language Media]. Cand. of Philol. Diss. Arkhangel'sk, 2011.
- Baber N.V. *Realizatsiya kategorii evidentsial'nosti v nemetskom yazyke* [Realization of the Category of Evidentiality in the German Language]. Cand. of Philol. Diss. Moskva, 2012.

Boguslavskiy I.M. *Sfera deystviya leksicheskikh edinit* [Scope of Lexical Units]. Moskva, 1996.

Bondarko A.V. *Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noy grammatiki: na materiale russkogo yazyka* [The Theory of Meaning in the System of Functional Grammar: on the Material of the Russian Language]. Moskva, 2002.

Volkova L.B. *Kategoriya peresказыvatel'nosti v nemetskom i russkom yazykakh* [The Category of Retelling in German and Russian]. *Russkaya i sopolstavitel'naya filologiya: sostoyanie i perspektivy* [Russian and Comparative Philology: State and Prospects]. Kazan', 2004.

Grigorenko M.Yu. *Funktsional'no-semanticheskoe pole evidentsial'nosti v sovremennom russkom yazyke* [Functional-semantic Field of Evidentiality in Modern Russian]. Cand. of Philol. Diss. Belgorod, 2011.

Zaloznyak A.A. *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to Russian Aspectology]. Moskva, 2000.

Zel'dovich G.M. *Pragmatika grammatiki* [Pragmatics of Grammar]. Moskva, 2012.

Il'ina L.A. *Evolutsiya glagol'noy kategorii evidentsial'nosti: Sistemno-diakhronicheskoe modelirovanie na materiale sel'kupskogo yazyka* [The Evolution of the Verb Category of Evidentiality: Systemic Diachronic Modeling Based on Selkup Language Material]. Cand. of Philol. Diss. Novosibirsk, 2002.

Kobrina O.A. *Kategoriya evidentsial'nosti v sovremennom angliyskom yazyke: semantika i sredstva vyrazheniya* [The Category of Evidentiality in Modern English: Semantics and Means of Expression]. Cand. of Philol. Diss. Sankt-Peterburg, 2003.

Kozintseva N.A. *Strukturno-tipologicheskaya kharakteristika kategorii peresказыvatel'nosti* [Structural and Typological Characteristics of the Category of Retelling]. Moskva, 2010.

Krylovoy E.B. *Peresказыvatel'nost' i sredstva ee vyrazheniya v datskom yazyke* [Retelling and Means of Expression in Danish]. *Skandinavskaya filologiya* [Scandinavian Philology]. 2011. № 3.

Levontina I.B. *Peresказыvatel'nost' v russkom yazyke* [Retelling in Russian]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computer Linguistics and Intellectual Technologies]. Moskva, 2010.

Lutfullina G.F. *Sravnitel'nyy analiz sintaksicheskikh konstruksiy pertseptivnoy semantiki s uchastiem nelichnykh form vo frantsuzskom i russkom yazykakh* [Comparative Analysis of Syntactic Constructions of Perceptual Semantics with the Participation of Non-personal Forms in French and Russian]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2018. № 1.

Mel'nikova E.A. *Semanticheskii priznak «kharakter peredavaemoy informatsii i tipy sintaksicheskikh konstruksiy s glagolami rechi» (na materiale angliyskogo yazyka)* [The Semantic Attribute «the nature of the transmitted information and the types of syntactic constructions with verbs of speech» (on the Material of English Language)]. *Mezhkategorial'nye svyazi v grammatike* [Intercategory Communications in Grammar]. Sankt-Peterburg, 1996.

Moiseeva M.N. *Tematicheskaya rech' v ramkakh kategorii evidentsial'nosti* [Thematic Speech within the Framework of the Category of Evidentiality]. Cand. of Philol. Diss. Novosibirsk, 2012.

Mordasova T.P. *Kategorial'naya i funktsional'naya sushchnost' kosvennoy zasvidetel'stvovannosti v russkom yazyke* [Categorical and Functional Essence of Indirect Evidence in Russian]. Cand. of Philol. Diss. Lipetsk, 2005.

Mustayoki A. *Teoriya funktsional'nogo sintaksisa: ot semanticheskikh struktur k yazykovym sredstvam* [Theory of Functional Syntax: from Semantic Structures to Linguistic Means]. Moskva, 2006.

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka (NKRYa) [National Corpus of Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Sabitova Z.K. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moskva, 2014.

Skvortsova V.A. *Kommunikativnaya model' razvitiya problemy kak otrazhenie myslitel'nogo stilya yazykovoy lichnosti cherez prizmu otvetnogo prostranstva interv'yu* [A Communicative Model of the Development of a Problem as a Reflection of the Mental Style of a Linguistic Personality through the Prism of the Response Space of an Interview]. Cand. of Philol. Diss. Krasnodar, 2012.

Usenkova E.V. *Renarrativ v nganasanskom yazyke* [Renarrative in the Nganasan Language]. Cand. of Philol. Diss. Novosibirsk, 2002.

Ustinova L.P. *Glagoly informatsionnoy semantiki v osnovnykh registrakh obshcheniya (na materiale nemetskogo i russkogo yazykov)* [Verbs of Informational Semantics in the Basic Registers of Communication (Based on the Material of German and Russian languages)]. Cand. of Philol. Diss. Kazan', 2013.

Shestukhina I.Yu. *Kategoriya evidentsial'nosti v russkom narrativnom tekste: kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* [The Category of Evidentiality in the Russian Narrative Text: Communicative-pragmatic Aspect]. Cand. of Philol. Diss. Barnaul, 2009.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗГОВОРНЫХ СЛОВ *MUM, KID, DAD*

О.Б. Солдатова

Ключевые слова: аксиологический потенциал, медиадискурс, узואльно-имплицитно-оценочное слово, концептуально-когнитивный фрейм, кластер, субфрейм, фамильярно-разговорная маркированность.

Keywords: axiological potential, media discourse, usual-implicit-evaluative word, conceptually-cognitive frame, cluster, sub frame, familiar-colloquial marking.

DOI 10.14258/filichel(2019)4-06

Введение

Оценочная деятельность человека обусловлена личностным восприятием и социально-культурным фактором и является неотъемлемой частью жизни каждого индивида. В языке аксиологическая оценка репрезентируется различными способами, в том числе и на уровне слова. Исследованию оценочности слова посвящен ряд работ [Приходько, 2004; Сидорова, 2009; Белова, 2011; Редькина, 2013; Гаврикова, 2017 и др.]. Лексема может быть ингерентно-оценочной, то есть содержащей оценочные семы на уровне

интенционала словозначения, и адгерентно-оценочной, потенциально способной создавать или акцептировать оценку на уровне контекста. Адгерентно-оценочная лексика, в свою очередь, делится на узуально-имплицитно-оценочную лексику, содержащую оценочные коннотации на уровне сильного импликационала и частотно реализующую свой аксиологический потенциал на уровне контекста, иokkaзионально-имплицитно-оценочную лексику, в семантической структуре которой отмечается наличие дополнительных оценочных смыслов на уровне слабого импликационала, и которая реализует свой аксиологический потенциал в редких контекстуальных условиях. Аксиологический потенциал адгерентно-оценочной лексики, под которым понимается способность лексемы выражать или приобретать оценку в контексте, представляется нам недостаточно изученным. В контексте слово может реализовывать пейоративный или мелиоративный аксиологический потенциал в зависимости от актуализации тех или иных оценочных коннотаций в определенном контексте. Фамильно-разговорная лексика, будучи отличительной чертой семейно-бытового и дружеского общения, относится нами к группе узуально-имплицитно-оценочной лексики, что в частности обусловлено концептуально-когнитивными фреймами репрезентантов данного типа межличностных отношений.

В современной науке концептуализация представляется процессом критического осмысления человеком поступающей информации и рассматривается в ряде работ отечественных и зарубежных ученых [Арутюнова, 1999; Карасик, 2002; Лакофф, Джонсон, 2008 и др.]. Под концептуально-когнитивным фреймом понимается «ментальное пространство, представляющее собой систему связанных между собой концептов в рамках единого фрагмента картины мира со сложной структурой, в которой существует иерархия субфреймов, представляющих различные ситуации и состояния, реализующиеся в рамках фрейма» [Мурашова, 2015, с. 22].

Постановка проблемы

В данной статье рассмотрены три концептуально-когнитивных фрейма: «мать» в разговорной номинации *mom*, «отец» (*dad*) и «ребенок» (*kid*). Рассматриваемые концептуально-когнитивные фреймы относятся к базисным ментальным образованиям, отражающим картину мира индивида, и характеризуются сложной структурой ментального построения, образованной иерархией субфреймов, репрезентирующих различные ситуации и состояния семейных отношений и актуализирующих эти ситуации в поле семантико-ассоциативных связей, отражающих генетико-

продуктивную, социально-культурную роль данных номинантов, функции, состояния и отношения с внешним миром [Лавицкий, 2016; Кумаева, 2017].

Функционирование фамильно-разговорной лексики в тексте британской газеты *The Guardian* способствует реализации основных функций средств массовой информации, в частности таких функций, как создание атмосферы дружеского и семейного общения с читателем, манипулирование мнением и оценкой реципиента [Голянская, Мельник, 2019] и вовлечение читателя в обсуждаемую ситуацию. Стилистическая сниженность данного типа лексики в ряде случаев интенсифицирует аксиологический потенциал фамильно-разговорных слов при их функционировании в контексте.

Целью данного исследования является доказательство влияния стилистической маркированности и коннотативных значений, обусловленных структурой концептуально-когнитивных фреймов, на способность фамильно-разговорной лексики создавать и интенсифицировать оценку в тексте британской газеты *The Guardian*. Новизна исследования состоит в определении влияния кластеров рассматриваемых концептуально-когнитивных фреймов на способность номинативных репрезентантов данных фреймов создавать и интенсифицировать оценку в медиатексте британской газеты *The Guardian*. Актуальность исследования определяется необходимостью исследования аксиологического потенциала адгерентно-оценочного разговорного слова, детерминированного кластерами концептуально-когнитивного фрейма и стилистической маркированностью, и его реализации в тексте британской газеты *The Guardian* (2005-2018 годов). С целью изучения аксиологического потенциала фамильно-разговорной лексики и ее функционирования в тексте *The Guardian* были проанализированы 2032 контекста, в которых создается и/или интенсифицируется оценка за счет использования коллоквиализмов *mum, dad, kid*. Выводы, сделанные в работе, в той или иной мере характерны для медийных текстов различных стран, но в силу того, что исследование проводилось исключительно на материале британской газеты *The Guardian*, приводимые количественные данные и умозаключения относятся лишь к указанной британской газете. Источниками данных контекстов послужили медиатексты информационного (заметка, репортаж, интервью) и аналитического (комментарии, статьи, обзоры) жанров.

В качестве методов исследования использованы анализ словарных дефиниций как разновидность компонентного анализа,

концептуальный анализ, когнитивно-фреймовый метод, контекстуальный анализ, прием количественной обработки материала.

Аксиологический потенциал разговорной лексики *mother*

Наиболее частотной разговорно-маркированной единицей в освещаемой выборке контекстов является лексема *mother* «one's mother», функционирование которой отмечается в 67 % исследуемого материала (1361 контекст), что указывает на первостепенную роль матери для индивида в течение всей жизни. Анализ речеупотребления лексем, составляющих лексико-семантическое поле *mother*, одним из репрезентантов которого является лексема *mother*, позволяет установить наличие дополнительных оценочных смыслов, способствующих созданию и выражению оценки на уровне контекста. Одним из источников указанных дополнительных оценочных смыслов является стилистическая сниженность лексемы, в частности такая прагматическая характеристика, как использование слова в рамках межличностного общения в кругу семьи. Другим источником наличия оценочных коннотаций является аксиологический потенциал концептуально-когнитивного фрейма *mother*, в рамках которого по аналогии с исследованием Н.К. Аванесян в данной работе выделены кластеры, детерминирующие способность лексемы *mother* создавать и / или интенсифицировать оценку на уровне контекста. Согласно Н.К. Аванесян анализ функционирования номинаций, репрезентирующих концептуально-когнитивный фрейм «Мать», позволяет сделать вывод о том, что данный фрейм «построен на прототипическом принципе когнитивно-семантической выделенности компонентов» [Аванесян, 2012, с. 13], которые автор предлагает называть кластерами. Так, оценочность анализируемого фамильно-разговорного слова в речи может быть обусловлена такими кластерами как 1) «биологическая мать, социальная роль матери», который имплицитно репрезентует репродуктивную, функционально-ролевую и социально-статусную идентификацию матери, 2) «эмоциональные реакции матери», данный кластер связан с психоэмоциональными идентификациями матери, 3) «оценочное восприятие матери», который содержит информацию атрибутивно-ценностного характера, 4) «эмоциональное взаимодействие с матерью», где содержится информация об отношении матери к ребенку и об отношении ребенка к матери, 5) «прототипическое поведение матери», который имплицитно репрезентует спектр часто повторяющихся действий матери. Н.К. Аванесян выделяет указанные кластеры на основе анализа контекстуальных смыслов

Зачастую лексема *mum* является одним из средств создания или интенсификации положительной оценки на уровне контекста. Создание положительной оценки на уровне контекста при участии положительно-оценочных коннотаций лексемы *mum* отмечается в 57 % случаев (776 контекстов), например:

(1) *I nearly died before I got started. When I was a toddler, I fell ill with diphtheritic croup and was taken to an isolation unit. One of my earliest memories is of being on my own in a tent surrounded by steaming kettles. I was discharged after three months, just in time for my third birthday. As I'd missed Christmas, I had my Christmas and birthday all in one – in March. Mum even found a Christmas tree* (The Guardian. 22.12.2017)¹.

Британская долгожительница и некогда известная певица Вера Линн, описывая долгое пребывание в больнице, с теплотой вспоминает свою мать, которая пыталась подбодрить свою дочь и устроить ей Рождество хотя бы в марте. Положительная оценка ситуации на уровне контекста детерминирована субфреймами «забота», «понимание», «любовь», «доброта», «теплые семейные отношения», «объятия», которые являются неотъемлемыми составляющими вышеуказанных кластеров.

В ряде случаев лексема *mum* является средством создания и интенсификации отрицательной оценки на уровне контекста за счет реализации положительно-оценочных коннотаций. Данная тенденция отмечается в случаях контраста положительной оценки номинанта и отрицательной оценки описываемых событий (41 % – 558 контекстов):

(2) *His family was so impoverished by two years of war that they were initially forced to use creams and tomato paste to heal his wounds rather than seek medical care. «Now he screams while sleeping», his mother said. «He would be asleep and his eyes are closed yet he screams so much and says things that would scare you: 'Mum, the missile will hit. Mum, look after my sisters. Mum, hold me. Mum, please do something.' He has changed a lot»* (The Guardian. 20.07.2017).

Наблюдается актуализация тех же коннотативных оценочных смыслов, что и в примере 1, имплицитующих положительную оценку, отрицательный характер контекстуальной оценки достигается за счет контрастирования жизненных ситуаций, в данном случае противопоставления семейных взаимоотношений военному положению в регионе. В данном примере описывается эмоциональное

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

состояние ребенка во время военного положения в стране: он кричит во сне, зовет маму, беспокоится за себя, сестру и семью, живет в постоянном стрессе. Наблюдается дивергенция прагматики ситуаций общения, а именно: теплые и душевные отношения внутри семьи и ежедневные ужасы войны, что приводит к созданию экспрессивной негативной оценки ситуации в целом. Анафоричное обращение к матери в каждом предложении интенсифицирует пейоративную оценку, которая в частности создается при участии кластеров концептуально-когнитивного фрейма *mother*, а именно «эмоциональное взаимодействие с матерью», «прототипическое поведение матери», «биологическая мать, социальная роль матери», где эксплицируются субфреймы «тревога», «страх», «защита», «опека», «любовь». Высокая частотность примеров данного рода является следствием реализации такой функции средств массовой информации как манипулирование общественным мнением и формирование аксиологической оценки – посредством демонстрации угрозы семье как социально-значимому институту формируется пейоративное отношение к описываемым событиям, что становится возможным благодаря стратегии вовлечения и флуктуации эмпатии реципиента участникам ситуации.

В отдельных контекстах (отмечается лишь в 2 % случаев, 27 контекстов) наблюдается создание отрицательной оценки при условии пейоративной оценки образа матери автором или героем статьи:

(3) *If he doesn't, rather than settling with **mum**, he lives with friends, almost certainly women* (The Guardian. 14.11.2005).

Определяющую роль в данном медиаконтексте, где мужчина предпочтет жить с друзьями, практически наверняка женского пола, чем жить с мамой, играют такие субфреймы, как «ограничение свободы», «чрезмерная забота», «постоянный контроль», которые обусловлены кластерами «биологическая мать, социальная роль матери», «прототипическое поведение матери» и детерминируют флуктуацию пейоративных аксиологических смыслов в контексте.

Аксиологический потенциал разговорной лексики *kid*

Следующим по частотности функционирования в анализируемых контекстах является разговорный репрезентант *kid* «a child» (21 % – 427 контекстов). С целью исследования детерминации флуктуации оценки в речи в структуре концептуально-когнитивного фрейма «ребенок» были выделены кластеры, обуславливающие аксиологический потенциал лексики *kid*: 1) «эмоциональная реакция ребенка», кластер, имплицитный переживания, эмоциональную

зависимость от поведения и реакции взрослого / родителя, 2) «оценочное описание ребенка», который содержит информацию об атрибутивно-ценностных характеристиках ребенка, 3) «социальный статус ребенка», отражающий потребности в защите, заботе, воспитании и содержании, 4) «эмоциональное взаимодействие с ребенком» – отношение ребенка ко взрослому / родителю и отношение взрослого / родителя к ребенку, 5) «прототип поведения ребенка», который имплицитно включает такие черты как инфантильность, несамостоятельность, незрелость, а также включает набор поведенческих действий ребенка. Анализ медиаконтекстов функционирования фамиллярно-разговорной лексемы *kid* показал, что в 82 % случаев (350 контекстов) наблюдается создание пейоративной оценки в речи вследствие необходимости формирования общественного мнения и возможности, используя эмоциональную склонность общества симпатизировать детям, направлять аксиологическое восприятие реципиента описываемых событий. Наиболее частотны случаи создания отрицательной оценки посредством контрастирования положительного отношения к ребенку и отрицательной оценки ситуации в целом, что наблюдается в 292 контекстах:

(4) *«It's difficult to find skilled teachers, so we've been running education workshops for teachers through trustworthy trainers. We hear feedback from the parents that their kids love school and don't want to miss a single day, even when they're sick. Some of the kids call me and other teachers Mama or Auntie»* (The Guardian. 26.05.2018).

Отрицательная оценка создается посредством противопоставления потребностей ребенка в определенных социальных и правовых условиях и военного положения в Сирии: дети очень хотят получить образование, они готовы учиться при любых обстоятельствах, даже если они больны; они открыты настолько, что относятся к своим учителям как к членам своей семьи (Мама or Auntie), и педагоги не могут не ответить им взаимностью. Оценка обуславливается следующими концептуальными кластерами: «социальный статус ребенка» (потребность в соответствующих условиях жизнеобеспечения, в том числе реализации конституционного (для европейской стран) права на образование), «эмоциональное взаимодействие с ребенком» (отношение детей к учителям и учителей к детям), «прототип поведения ребенка» (обычно дети не любят школу, подобное поведение нехарактерно для детей из социально благополучного общества). Речеупотребление анализируемой лексической единицы способствует реализации таких

функций средств массовой информации, как формирование оценки и восприятия ситуации, фамильярная атмосфера обсуждения, вовлечение читателя в описываемые события.

Оценка отдельных контекстов создается при участии пейоративно-оценочных коннотативных значений разговорной лексемы *kid* (58 контекстов):

(5) *Nadezhda Kosotorova, his ex-wife, told the Guardian in a telephone interview from her home in Asbest, in the Urals region. «He told me that if he didn't go, then the authorities would just send young kids, with almost no military experience»* (The Guardian. 16.02.2018).

Метафорическое речупотребление анализируемой лексики создает отрицательную оценку за счет реализации оценочных коннотаций, обусловленных кластером «прототип поведения ребенка», в частности субфреймами «молодой», «неопытный», «уязвимый», «незащищенный»: русский бывший военный снайпер для борьбы с терроризмом и защиты своей Родины оставляет страну и едет в Сирию, потому что боится, что если не поедет он, то туда отправят неопытных детей, из-за своих убеждений данный русский офицер подвергает себя опасности.

В 84 случаях наблюдается участие разговорной лексики *kid* в создании положительной оценки на уровне контекста:

(6) *Adopting a child (not a baby) has crossed my mind, though. Over the years, I have developed an increasing fondness for kids, but I don't ever remember being a child who mapped out her future in crayon with a fenced house and two kids – I always pictured a bachelorette pad and a dog* (The Guardian. 23.12.2017).

Положительная перцепция детей формируется у автора постепенно, она никогда не мечтала о них, но усыновление ребенка изменило ее отношение на мелиоративное. Кластером, обуславливающим оценку на уровне контекста, являются кластер «эмоциональное взаимодействие с ребенком».

Аксиологический потенциал разговорной лексики *dad*

Наименее частотной разговорной единицей из рассматриваемых номинаций является лексема *dad* «one's father», репрезентант концептуально-когнитивного фрейма «отец». Лексема функционирует в 244 контекстах (12 % анализируемых контекстов). Оценка на уровне контекста может быть детерминирована следующими кластерами: 1) «социальная роль отца» (репродуктивная, функционально-ролевая и социально-статусная идентификация отца), 2) «эмоциональное взаимодействие с отцом» (отношение отца к ребенку и ребенка к отцу), 3) «прототипическое

поведение отца» (характер воспитательных мер, а также закрепленный в общественном сознании ряд поведенческих действий отца), 4) «атрибутивные характеристики отца», (атрибутивно-ценностная информация). Стилистическая маркированность разговорного репрезентанта участвует в создании атмосферы семейного общения, что зачастую влияет на флуктуацию контекстуальной аксиологической оценки.

Анализ медиаконтекстов демонстрирует превалирование случаев создания положительной аксиологической оценки при участии мелиоративно-оценочных коннотаций рассматриваемой адгерентно-оценочной лексической единицы (169 контекстов). Это обусловлено фактом преобладания функционирования лексемы в интервью, посвященных непосредственному описанию взаимоотношений с отцом.

(7) *«The community has been fantastic. Five hundred people lined the streets for my dad's funeral. His death affected a lot of people. I don't think we would have got through without them. This is about repaying that support»* (The Guardian. 19.01.2018).

Автор описывает состояние сына после смерти отца, он пытается справиться с горем, положительная оценка личности отца в контексте скорби по нему и принятии сопереживания родственников, друзей и знакомых усопшего отца создает пейоративную оценку событий в целом. Оценка детерминирована следующими кластерами концептуально-когнитивного фрейма: «эмоциональное взаимодействие с отцом», поскольку сын очень опечален смертью дорогого ему человека, эксплицируется глубокая душевная связь; «атрибутивные характеристики отца» – положительные черты человека обусловили мелиоративное отношение к нему не только его сына, но и множества других людей, которые во имя светлой памяти о нем пришли на похороны и пытаются поддержать его сына. Флуктуация оценки детерминирована такими субфреймами, как «уважение», «любовь», «достойный человек», «скорбь», «утрата».

Рассмотрим пример создания отрицательной оценки (общее количество пейоративно-оценочных контекстов – 75):

(8) *Perhaps because so few elite athletes ever admit to drug use even when caught, we rarely hear the stories of those around them who are affected by the physical and mental side-effects of performance-enhancing drugs. But you don't have to look too hard at the gossip columns to piece together a likely picture. Steroid abuse affected my dad*

as it does many people. He became aggressive, overly confident and reckless (The Guardian. 26.03.2018).

Контекст репрезентирует пейоративное отношение к поведению отца, имплицитное кластерами «социальная роль отца», «эмоциональное взаимодействие с отцом», «атрибутивные характеристики отца»: отцом были приобретены отрицательно-оценочные характеристики *aggressive* 'behaving in an angry or rude way that shows you want to fight, attack, or argue with someone', *overly confident* 'more confident than it is sensible to be, often in a way that is annoying', *reckless* 'not thinking about the possible bad effects of your actions', что обуславливает пейоративную оценку его поведения со стороны сына.

В ряде случаев отмечается создание отрицательной оценки на уровне контекста при реализации положительно-оценочных коннотаций разговорного слова:

(9) *The answer starts with the demonization of such migrants: they aren't moms and dads, but criminals. And we all know what kind of criminals Donald Trump has in mind when he talks about undocumented people: the tiny sliver who form part of the brutal MS-13 gang* (The Guardian. 25.06.2016).

Мелиоративная оценка лексемы *dad* эксплицируется за счет таких кластеров концептуально-когнитивного фрейма «отец», как «социальная роль отца», «прототипическое поведение отца» и «эмоциональное взаимодействие с отцом», где определяющую роль играют субфреймы «забота», «любовь», «единство семьи». Цель контекста – выразить непримиримость с политикой Д. Трампа по вопросу эмиграции из Мексики, а именно: родители пытаются эмигрировать в США, чтобы дать лучшее будущее своим детям, что для них первостепенно важно, однако политика американского президента не позволяет им сменить место жительства, что ставит крест на будущем их детей. Таким образом, положительная оценка лексемы *dad* участвует в создании отрицательной оценки ситуации на уровне контекста в целом. Следует отметить низкие численные показатели функционирования подобных контекстов (19 контекстов), что имплицитно выводит о том, что первые два разговорные репрезентанта концептуально-когнитивных фреймов «мать» и «ребенок» более частотно используются журналистами с целью формирования отношения к описываемым событиям.

Выводы

Остановимся более подробно на полученных количественных показателях, представленных в таблице 1:

	MUM	KID	DAD
Общее количество контекстов	1361	427	244
Количество контекстов, в которых создается положительная оценка при реализации положительно-оценочных коннотаций	776	84	169
Количество контекстов, в которых создается отрицательная оценка вследствие пейоративного восприятия номинанта автором	27	58	56
Количество контекстов, в которых создается отрицательная оценка при реализации положительно-оценочных коннотаций	558	292	19

Табл. 1. Количественные показатели анализа контекстов функционирования лексем *mum*, *dad*, *kid*

Количественное преобладание случаев функционирования разговорной лексики *mum* демонстрирует приоритетную ценность концептуально-когнитивного фрейма «мать» в жизни человека и высокую частотность использования кластеров данного фрейма медийными текстами британской газеты *The Guardian* с целью влияния на перцепцию аудитории. В преимущественном большинстве контекстов флуктуация оценки происходит при участии актуализации положительно-оценочных коннотативных смыслов словозначения, детерминированных соответствующими субфреймами. Создание отрицательной оценки контекста при реализации положительно-оценочного аксиологического потенциала лексики индицирует случаи манипуляции средствами массовой информации общественным сознанием при использовании социально и лично значимого образа матери. Подобная закономерность наблюдается в контекстах, оценка которых создается и интенсифицируется с помощью фамильно-разговорной лексики *kid*, – в 68 % случаев, что имплицитно указывает на незащищенность правового статуса несовершеннолетнего и критическое отношение социума к данной проблеме. Вместе с контекстами, где создается пейоративная оценка за счет пейоративного аксиологического потенциала лексики, наличие отрицательной оценки в контекстах функционирования разговорно-маркированного слова *kid* отмечается в 82 % случаев. Анализ лексической единицы *dad* демонстрирует преобладание случаев флуктуации мелиоративной оценки в контекстах непосредственного

описания взаимоотношений с отцом. Частотность случаев создания отрицательной оценки за счет реализации мелиоративного аксиологического потенциала составляет лишь 7 %, важно отметить, что в ряде случаев в данных контекстах лексема *dad* функционирует наряду с репрезентантами концептуально-когнитивного фрейма «мать» (*mum, mummy, mom*), то есть упоминается как один из родителей, что указывает на невысокую частотность использования медийными текстами британской газеты *The Guardian* данного концепта с целью влияния на общественную оценку и восприятие описываемых событий. Отрицательная контекстуальная оценка, обусловленная отрицательно-оценочными коннотациями словозначения, наблюдается в 56 контекстах.

Таким образом, анализ контекстов британской газеты *The Guardian*, в которых отмечается функционирование стилистически сниженных репрезентантов концептуально-когнитивных фреймов «мать», «отец», «ребенок» *mum, dad, kid*, дает основание сделать следующие выводы: 1) субфреймы кластеров рассматриваемых концептуально-когнитивных фреймов зачастую обуславливают флуктуацию оценки на уровне контекста; 2) стилистическая маркированность данных лексем является одним из факторов возникновения дополнительных оценочных смыслов в силу прагматической информации слова – использования в сфере семейно-бытового общения; 3) функционирование исследуемых лексем в тексте британской газеты *The Guardian* способствует реализации таких функций средств массовой информации, как формирование общественной перцепции и оценки, создание атмосферы доверительной беседы с читателем, вовлечение реципиента в обсуждение проблемы; 4) репрезентанты концептуально-когнитивных фреймов «мать», «ребенок», «отец» *mum, kid* (часто), *dad* (редко) в силу высокой социальной значимости номинантов используются *The Guardian* с целью манипуляции общественным сознанием и моделирования определенного отношения к описываемым событиям; 5) указанные фамильно-разговорные лексические единицы являются узуально-имплицитно-оценочными словами, содержащими оценочные коннотации на уровне сильного импликационала словозначения и частотно реализующими свой аксиологический потенциал при функционировании в контексте; 6) стилистически сниженные лексемы *mum, kid, dad* участвуют в создании и интенсификации мелиоративной оценки в контексте при реализации положительно-оценочных коннотаций, пейоративной оценки на уровне контекста при отрицательной оценке номинанта автором статьи или приводимой

цитаты, а также пейоративную оценку за счет положительно-оценочных коннотаций с помощью оппозиции семьи, семейного благополучия и неприемлемых условий для их нормального существования.

Изучение функционирования узуально-имплицитно-оценочной разговорной лексики, в частности с точки зрения выявления детерминации оценки на уровне контекста вследствие фамиллярно-разговорной маркированности лексемы, а также влияния субфреймов кластеров соответствующих концептуально-когнитивных фреймов дает более детальное представление об аксиологическом потенциале адгерентно-оценочной лексики.

Литература

- Аванесян Н.К. Языковая объективация концептуально-когнитивного фрейма «мать» в английском и русском языках. Пятигорск, 2012.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- Белова Н.Н. Семантика оценки в именах прилагательных. М., 2011.
- Гаврикова Ю.А. Метафоризация оценочных смыслов у эмоционально-оценочных сложных прилагательных // Современный ученый. 2017. Т. 2. № 1.
- Голянская В.А., Мельник Н.В. Стратегии и тактики политической манипуляции в СМИ // Филология и человек. 2019. № 3.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- Кумаева М.В. Концепт «родители» в фольклоре народа манси // Общественные науки. 2017. № 3.
- Лавицкий А.А. Ценность-концепт «дети» в языковом сознании жителей Витебщины // Риторика. Лингвистика. 2016. № 12.
- Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2008.
- Мурашова Л.П. Концептуально-когнитивный фрейм // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2015. № 6.
- Приходько А.И. Когнитивно-дискурсивный потенциал оценки и способы его выражения в современном английском языке. Белгород, 2004.
- Редькина Т.Ю. Активные лексико-семантические процессы в медиатексте // Филология и человек. 2013. № 2.
- Сидорова Н.А. Аксиологическая единица речевой коммуникации // Ученые записки РГСУ. 2009. № 1.

Список источников

- Bennetts M. Families ask Kremlin to Admit Russian Mercenaries Killed in Syria // The Guardian. February 16, 2018.
- Fowle E. My Dad Used Performance-Enhancing Drugs – it Nearly Killed him // The Guardian. March 26, 2018.
- Harvey S. Can we be Friends // The Guardian. November 14, 2005.
- Lawton G. At 25, I don't Feel the Urge to Have Kids and I Wonder if I Ever will // The Guardian. December 23, 2017.

Morris S. 'Dad would be Proud': Carl Sargeant's Son on Standing for his Seat // *The Guardian*. January 19, 2018.

Ratcliffe R. UN Warned not to Whitewash 'Grave Violations against Children' in Yemen // *The Guardian*. July 20, 2017.

Tisdall S. Amid Syria's Horror, a New Force Emerges: the Women of Idlib // *The Guardian*. May 26, 2018.

Wintle A. Adam Henson: 'My Little Footsteps will Never Fill Dad's Great Big Ones' // *The Guardian*. June 25, 2016.

Wintle A. Vera Lynn: 'Mum was Determined to Put me on Stage. I didn't Complain' // *The Guardian*. December 22, 2017.

References

Avanesjan N.K. *Yazykovaya ob'ektivatsiya kontseptual'no-kognitivnogo freima «mat» v anglijskom i russkom yazykakh* [Linguistic Objectification of the Conceptual-cognitive Frame «Mother» in English and Russian]. Pyatigorsk, 2012.

Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [The Language and the World of Man]. Moskva, 1999.

Belova N.N. *Semantika otsenki v imenakh prilagatel'nykh* [Assessment Semantics of Adjectives]. Moskva, 2011.

Gavrikova Yu.A. *Metaforizatsiya otsennochnykh smyslov u emotsional'no-otsennochnykh slozhnykh prilagatel'nykh* [Metaphorization of Evaluative Meanings in Emotionally-evaluative Complex Adjectives]. *Sovremennyy uchenyy* [Modern Scientist]. 2017. Vol. 2. No 1.

Golyanskaya V.A., Mel'nik N.V. *Strategii i taktiki politicheskoy manipulyatsii v SMI* [Strategies and Tactics of Political Manipulation in the Media]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2019. No. 3.

Karasik V.I. *Yazykovoj krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, 2002.

Kumaeva M.V. *Kontsept «roditeli» v fol'klore naroda mansi* [Concept «Parents» in the Folklore of the Mansi People]. *Obshchestvennye nauki* [Social Sciences]. 2017. No. 3.

Lakoff D., Jonson M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live by]. M., 2008.

Lavitskiy A.A. *Tsennost'-kontsept «dети» v yazykovom soznanii zhitelej Vitebschiny* [Value-concept «Children» in the Linguistic Consciousness of the Inhabitants of Vitebsk]. *Ritorika. Lingvistika* [Rhetoric. Linguistics]. 2016. No. 12.

Murashova L.P. *Kontseptual'no-kognitivnyj freim* [Conceptual Cognitive Frame]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly* [Philological Sciences. Higher School Scientific Papers]. 2015. No. 6.

Prikhod'ko A.I. *Kognitivno-diskursivnyj potentsial otsenki i sposoby ego vyrazheniya v sovremenno anglijskom yazyke* [Cognitive-discursive Assessment Potential and Methods of Its Expression in Modern English]. Belgorod, 2004.

Red'kina T.Yu. *Aktivnye leksiko-semanticheskie protsessy v mediatekste* [Active Lexical and Semantic Processes in the Media Text]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2013. No. 2.

Sidorova N.A. *Aksiologicheskaya edinitsa rechevoj kommunikatsii* [Axiological Unit of Speech Communication]. *Uchenye zapiski RGSU* [Scientific notes of RSSU]. 2009. No. 1.

List of sources

Bennetts M. Families ask Kremlin to Admit Russian Mercenaries Killed in Syria. *The Guardian*. February 16, 2018.

Fowle E. My Dad Used Performance-Enhancing Drugs – it Nearly Killed him. *The Guardian*. March 26, 2018.

Harvey S. Can we be Friends. *The Guardian*. November 14, 2005.

Lawton G. At 25, I don't Feel the Urge to Have Kids and I Wonder if I Ever will. *The Guardian*. December 23, 2017.

Morris S. 'Dad would be Proud': Carl Sargeant's Son on Standing for his Seat. *The Guardian*. January 19, 2018.

Ratcliffe R. UN Warned not to Whitewash 'Grave Violations against Children' in Yemen. *The Guardian*. July 20, 2017.

Tisdall S. Amid Syria's Horror, a New Force Emerges: the Women of Idlib. *The Guardian*. May 26, 2018.

Wintle A. Adam Henson: 'My Little Footsteps will Never Fill Dad's Great Big Ones'. *The Guardian*. June 25, 2016.

Wintle A. Vera Lynn: 'Mum was Determined to Put me on Stage. I didn't Complain'. *The Guardian*. December 22, 2017.

ИЗ ИСТОРИИ ЗНАКОМСТВА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ С ПОЭМОЙ Н.В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»

Н.А. Грищенко, Е.О. Ершова, М.А. Старшева

Ключевые слова: англоязычный мир, русская литература, гоголевская поэма, переводы на английский язык, осведомленность и восприятие, плагиат.

Keywords: English-speaking world, Russian literature, the poem by N. Gogol, translations into English, awareness and perception, plagiarism.

DOI 10.14258/filichel(2019)4-07

Как известно, слава поэмы «Мертвые души» вышла далеко за пределы России. Так, в 1846 году поэма была переведена на немецкий язык, в 1852 году – на французский язык. Весьма примечательна судьба гоголевской поэмы в англоязычном мире. В 1880 году W.R. Morfill в книге “Russia” писал о поэме Н.В. Гоголя как о самом талантливом из всех русских произведений [Morfill, 1880, с. 70], но лишь в 1886 году печатным домом Thomas Y. Crowell and Co. был опубликован первый перевод гоголевского шедевра на английский язык (перевод I. Hargood). Однако анализ материалов исследования показал, что и до 1886 года, даты официального знакомства англоязычного читателя с поэмой Н.В. Гоголя, об этом произведении

упоминалось в статьях и заметках, дневниковых записях и предисловиях к переводным изданиям. В период с 1854 до 1886 года это произведение становилось предметом дискуссий, объектом и материалом исследований литературных критиков, писателей, ученых и представителей прессы того времени.

В 1854 году англоязычной публике стало известно о существовании книги «Жизнь в России» [Home life in Russia, 1854]. В изначальном своем варианте эта книга не значилась как переводное издание, но являлась таковым. В дальнейшем она была характеризована как злостная подделка поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души».

Это издание вряд ли могло бы способствовать популярности русского писателя в англоязычном мире, так как даже имя автора поэмы не было упомянуто. В предисловии книги и на титульном листе имелась информация лишь о том, что она была написана русским дворянином, скрывающимся от гонений российского деспотизма за рубежом.

Интерес представляет предисловие к первому тому издания, так как именно оно может считаться отправной точкой в этой интригующей истории.

«События, представленные в книге, являются правдой, а основные факты хорошо известны в России. Вряд ли найдется хоть один представитель русского общества, не описанный в этой книге, автор беспощадно вскрывает все их недостатки. Однако его не следует воспринимать как врага своего отечества. Он действует, ведомый благим убеждением о том, что разоблачение пороков не может навредить стране, а лишь принести пользу. И если с благоволения удачи эта книга получит известность в России, мы уверены, что правдивость ее будет оценена, по крайней мере, простыми людьми. Надеемся, что автору будет прощена и резкость суждений, которая присутствует на страницах этого произведения, так как автор старался написать смело с целью улучшения условий его страдающих соотечественников. Мы сожалеем, что не имеем возможности назвать имя автора – не потому что представленный труд требует дальнейшей проверки, о его подлинности свидетельствует каждая строка – правда состоит в том, что автор все еще желает возвратиться на родину, и в полной мере осознает, что признание его работы, так же как и демонстрация его сатирического таланта, не послужат ему в качестве положительных рекомендаций, скорее напротив, они могут послужить

рекомендациями для ссылки в центральные районы Сибирской глуши» [Home life in Russia, 1854. Preface]¹.

(«The story in true; and that the main facts are well known in Russia. There is hardly a class of Russian life and society which is not introduced upon the scene; and the author displays their foibles with an unsparing hand. Still he must not be regarded as an enemy to his fatherland. He acts under a salutary impression that the expose can do no harm, and may possibly effect some good; and if he have such good fortune that his book obtains access into his own country, we feel sure that its truth will be immediately recognized and its severity pardoned, at least, by those not in authority, on account of the author's strenuous exertions to do his part manfully in ameliorating the condition of his fellow sufferers in Russia. In conclusion, we may regret that we are not in liberty to mention the author's name – not that the work itself requires any further verification, for its genuineness is avouched by almost every line – but the truth is, that the writer is still anxious to return to his native country, and is perfectly well aware that the avowal of his handiwork, and such a display of his satirical powers, will not serve as a special recommendation, except, possibly, as a passport to the innermost regions of the Siberian wilds»).

Этим предисловием и была открыта дискуссия об авторстве книги, которая продолжалась довольно длительный период.

Первый отзыв о книге «Жизнь в России» появился вскоре после ее публикации. В журнале “Athenaeum” [Athenaeum Journal of Literature, 1854] было напечатано обвинение в плагиате. В заметке было процитировано предисловие к книге и отмечено с большой долей сарказма, что реальное положение вещей немного отличалось от изложенного, а именно, что книга не являлась оригиналом, а лишь переводом очень известного (более 12 лет к тому моменту) в России произведения Николая Гоголя «Мертвые души». При этом отмечалось, что истинный автор произведения не был сослан в Сибирь, напротив – многие из его работ высоко ценятся императором (Николаем I). В статье подчеркивалось, что, несмотря на то, что в книге «Жизнь в России» довольно часто можно наблюдать некоторые вольности в переводе, читатели, знакомые с творчеством Н.В. Гоголя, без труда распознают в ней известное произведение, и факт плагиата следует считать вполне установленным [Athenaeum Journal of Literature, 1854, с. 1454-1455]. В качестве доказательства автор статьи приводит сравнение некоторых отрывков книги «Жизнь в России» и перевода на французский язык поэмы «Мертвые Души» (перевод П. Мериме),

¹ Здесь и далее перевод – Н.Г.

подчеркивая сходство в названиях, именах, идентичность диалогов и т.д. Говоря о вольных дополнениях переводчика к первоисточнику, автор статьи упоминает о сравнении Николая, «самого нецивилизованного правителя в Европе», (*«the most barbarous, if not the most unchristian, potentate in Europe»*) и Виктории, «прекрасной королевы, которая правит самой просвещенной и прогрессивной нацией в христианском мире», (*«the most Christian and lovely Queen that reigns over the most enlightened and most liberal nation in Christendom»*). Данное сравнение приведено в книге (2 том) в качестве такого *вольного дополнения*, которое, по мнению автора статьи, представляет собой неуклюжую, грубую лесть, неприемлемую для думающей Англии [Athenaeum Journal of Literature, 1854, с. 1454–1455].

С другой стороны, как отмечает автор статьи, из переводного издания были изъяты действительно ценные с литературной точки зрения отрывки, написанные Н.В. Гоголем с *необычайной силой* (*«uncommon vigour»*), которые могли бы немало послужить читателям для понимания самой России (из книги был вырезан отрывок-сравнение России и русской тройки).

Весьма примечательно, что автор статьи выдвигает обвинения лишь против неизвестного переводчика, с оговоркой, что он сам ни на минуту не усомнился в честности уважаемых издателей и редактора книги. По его глубокому убеждению, они не были причастны к этому обману английской публики, и сами стали жертвой аферы третьего лица. В дальнейшем вина за попытку предложить эту литературную поделку была возложена на полковника Krystyn Lach Szyrma [Lefevre, 1949, с. 106–125], однако в данной статье имя полковника упоминается лишь как имя автора предисловия к изданию и редактора книги, но не ее автора. Подчеркивая его безупречную репутацию и карьеру в литературной среде, отмечая помимо прочих его трудов работу над книгой «Откровения Сибири» (“Revelations of Siberia”), автор статьи говорит о несостоятельности каких-либо подозрений на счет полковника. В статье прослеживается абсолютная уверенность в том, что произведение Н.В. Гоголя было переведено носителем русского языка на английский и лишь отредактировано полковником Krystyn Lach Szyrma, о чем свидетельствует следующая фраза: «Когда русский пишет на английском, это не должно редактироваться поляком» (*«When a Russian writes English, it should not be revised by Pole»*) [Athenaeum Journal of Literature, 1854, с. 1454–1455].

В то же время автор статьи не выдвигает никаких предположений о личности переводчика, однако инициирует дальнейшее расследование фразой: «Эта книга является ни чем иным как

описанием путешествия одного русского мошенника, представленное на обозрение английской аудитории другим мошенником» (*the adventures of one Russian impostor have as we have seen, been introduced into England by another*) [Athenaeum Journal of Literature, 1854, с. 1454–1455].

В статье высказывается предположение о том, что книга (в том виде, в котором она была предложена аудитории) не найдет почитателей в англоязычной среде, так как литературное мастерство русского писателя: «его самобытный авторский стиль, его язык, совершенно не отражен в переводе» (*The original is said to be remarkable for the beauty of the language*). Единственным более или менее удачным моментом переводного издания автор статьи видит образ Ноздрева. Сам сюжет, по его мнению, не может вызвать волну интереса, так как это простое описание путешествия «русского подлеца по России», которое в определенных моментах было видоизменено отнюдь не в лучшую сторону. Так, например, в книге читателя сразу же ставят в известность о цели покупки мертвых душ Чичиковым, что, по заверению автора статьи, совершенно убивает интерес к дальнейшему чтению произведения.

Дискуссия об авторстве данной книги была продолжена годом позже. И в 1855 году в журнале “Eclectic Magazine of foreign literature, science and art” была опубликована еще одна статья [Modern Russian Literature, 1855], интересная как по содержанию, так и по манере изложения материала. В этой статье, так же как и в предыдущей, автор не был указан. Статья начиналась довольно занимательно, не без доли сарказма: «Если наши государственные деятели и запретили заниматься каперством во время этой войны, однако очевидно то, что они не смогли предотвратить пиратство» (*If our statesmen in this war have prohibited privateering, they have not prevented piracy*). В дальнейшем, когда автор статьи цитирует предисловие к книге «Жизнь в России», становится понятно, что речь идет о литературном пиратстве, а статья является новым витком в деле о судьбе поэмы «Мертвые души» в англоязычном мире. Фраза из предисловия о том, что автор произведения опасается быть сосланным в Сибирь, вызывает саркастическое замечание автора статьи, он пишет, что место пребывания истинного создателя книги следует искать совершенно в другом направлении, ближе к столице. Далее в статье с уверенностью говорится, что автор этого произведения, Н.В. Гоголь, уже признан одним из самых выдающихся писателей России, предлагаются некоторые факты из его биографии и информация о судьбе его произведения как в России, так и за ее пределами. Особое внимание

обращено на уже существующие переводы этой поэмы в Германии и Франции, упоминаются статьи в журналах “Athenaeum” и “Leader”, освещающие проблему выявления подлинного автора данного произведения, а также цитируется письмо издателей книги как ответ на критическую статью, опубликованную в журнале в “Athenaeum” годом ранее. Полагаем, что эта информация (письмо издателей) может вызвать особый интерес, так как вопрос об авторстве произведения «Жизнь в России» периодически становился темой общественной полемики.

В письме издателей книги, опубликованном в вышеупомянутой статье, сообщалось, что работа была куплена у русского дворянина, проживающего в настоящее время (1855 год) в Англии, и напечатана под наиболее подходящим, по их мнению, названием. Здесь же уточнялось, что по заверению вышеупомянутого лица, данное произведение являлось его собственным сочинением. Из письма следовало, что желание разобраться в неприятной ситуации (первое упоминание о плагиате в 1854 году) побудило издателей повторно связаться с автором с целью получить необходимые разъяснения по этому вопросу. Несмотря ни на что, неизвестный автор был крайне настойчив в своих уверениях и предлагал следующее объяснение: работа, которая была предложена издателям под названием «Путешествие Чичикова», является его собственным сочинением, основанным на реальных событиях, произошедших в России. События были столь занимательны, что стали известны публике, и активно обсуждались, именно поэтому многие русские писатели (в их числе он упомянул и Н.В. Гоголя) использовали эту историю как основу для своих произведений.

Однако пронизанные явным сарказм комментарии автора статьи говорят о том, что эти объяснения совершенно не были восприняты им как доказательство подлинного авторства. Именно поэтому автор статьи принял решение сопоставить работу Н.В. Гоголя и «безымянного дворянина страницу за страницей, предложение за предложением».

В статье предложено сравнение нескольких глав произведения «Жизнь в России» и перевода поэмы «Мертвые Души». Отрывки даны в параллельных колонках. Гоголь «оригинальный» в сравнении с Гоголем «замаскированным» – таким образом автор статьи охарактеризовал проведенный им анализ («*Gogol literally and Gogol disguised*») [Modern Russian Literature, 1855, с. 454]. На основе сопоставительного анализа переводов автор статьи утверждает, что

книга «Жизнь в России» является не чем иным, как подделкой, сочетающей в себе неадекватный перевод, а иногда и перифраз.

Для передачи настроения статьи приведем несколько высказываний, являющихся выразительной иллюстрацией мнения автора статьи о книге «Жизнь в России»: «какой бы мы отрывок не читали, единственное, что мы находим, лишь плохой перевод произведения Гоголя», «многословные преувеличения», «глупейшие интерполяции», «неуклюжая манера письма», «фальсификация», «мешанина» [Modern Russian Literature, 1855, с. 450–461].

Чтение книги «Жизнь в России» с целью хоть как-то познакомиться с литературным гением Н.В. Гоголя автор статьи назвал простой тратой времени из-за низкого качества перевода. При этом он настоятельно порекомендовал англоязычному читателю обратить внимание на творчество русского писателя (представленное в оригинале или в качественном переводе), отмечая его естественную манеру письма, чарующее описание природы и национальных традиций. Помимо этого, он рекомендует англоязычной аудитории познакомиться с трудами и других современных русских писателей, так как их произведения, по утверждению автора, представляют ценность своим реализмом, они описывают другую жизнь, жизнь в ее «бесцельном, тоскливом, вялом течении, без какого либо смысла или надежды, в течении, где жизнь останавливается под давлением мрачайшего деспотизма» (*«they paint life in that aimless dreary listlessness, without object or a hope, in which life lingers under the dreariest despotism»*) [Modern Russian Literature, 1855, с. 454]. Автор статьи вновь и вновь возвращается к гоголевскому описанию ужасного и печального состояния человечества, которому как нельзя лучше подходит название, данное самим Н.В. Гоголем – «Мертвые души». Можно заметить, что в конце статьи основной фокус смещен уже не в сторону псевдо-перевода, а гоголевского оригинала. Автор отмечает удачное построение произведения. Он предлагает краткое описание истории главного героя с объяснениями некоторых русских реалий и, соответственно, всей затеи Чичикова с мертвыми душами, и отрывки из поэмы, наиболее выразительно иллюстрирующие особенности русской жизни (Манилов), самобытный, национальный колорит России (диалог Чичикова и его слуги по поводу наказания), силу гоголевского юмора (Коробочка). В заключении автор статьи говорит о том, что даже если бы эта поэма не имела никаких других достоинств, имея в виду литературный талант Н.В. Гоголя, она в любом случае представляла бы ценный материал для иностранного читателя, так как это произведение создано русским писателем,

признано в самой России, следовательно, содержит знания, которые могут быть полезны для понимания русской жизни и русского народа.

В тот же период в журнале “British Quarterly Review” была опубликована статья, в которой также упоминалась поэма «Мертвые Души» [Russian at Home – Past and Present, 1855]. Необходимо помнить, что статья была напечатана в период Крымской войны, событий, которые кардинальным образом ухудшили характер отношений России и Великобритании, поэтому политический подтекст статьи очевиден, а причины его предельно ясны. В заметке рассматривались несколько произведений о Российской империи, одним из которых была уже упомянутая нами книга «Жизнь в России». Статья продолжает дискуссию об ее авторстве. Употребляя фразу «*mostly likely*» (вероятнее всего), автор статьи высказывает предположение о том, что книга была написана поляком, который если и не был рожден в России, прожил там долгое время и был знаком с русской жизнью и традициями русского народа (видимо, подразумевая Krystyn Lach Szyrma) [Russian at home – Past and Present. 1855, с. 132]. Автор статьи вскользь упоминает о ранее выдвинутых обвинениях издания *Athenaeum* о том, что книга «Жизнь в России» является лишь псевдо-переводом произведения Н.В. Гоголя «Мертвые Души», при этом автором статьи предложен следующий вариант перевода имени русского писателя на английский язык – Nicks Gogel.

В статье Россия представлена и названа «заклятым врагом Англии, свободы и всего человечества» («*our bitter enemy, enemy of liberty and the enemy of humanity*»), а книга «Жизнь в России» – достоверным источником информации для понимания истинного характера русского народа [Russian at home–Past and Present, 1855, с. 134]. Этот путь – гоголевская поэма «Мертвые Души» → псевдо-перевод «Жизнь в России» → статья “Russian at Home – Past and Present” – яркий пример того, каким образом, искажая суть произведения, сатирический литературный шедевр можно положить в основу яркой пропаганды против целого народа.

Описывая Чичикова, его пребывание в гостинице и его общение с разного рода людьми, автор статьи анализирует представленную информацию на предмет выявления характерных особенностей, манеры поведения, стиля и образа жизни русских людей, и предлагает необходимые, с его точки зрения, *авторские пояснения*. Хотелось бы привести несколько примеров таких пояснений, которыми изобилует статья.

Описание гостиницы в Смоленске

«Мертвые души»: «проезжающие получают покойную комнату с тараканами, выглядывающими, как чернослив, из всех углов...».

«Жизнь в России»: (дословный перевод) «удобная комната, полная жуков, выглядывающих, как черная смородина, из всех углов...» (*«comfortable room full of beetles, which, like blackberries, peep out from every corner...»*).

Статья “Russian at Home – Past and Present”: «удобная комната, полная жуков; и уж конечно, иногда и более вредных паразитов» (*«room full of beetles; and indeed, occasionally rooms in Russia are filled with more noxious vermin»*) [Russian at home – Past and Present, 1855, с. 133].

Описание нравов русских

«Мертвые души»: «они сели за зеленый стол и не вставали уже до ужина...»

«Жизнь в России»: «они сели за игру в твист и не вставали уже до двух часов ночи» (*«they sat down to a game of twist and did not rise till two hours after midnight...»*).

Статья “Russian at Home – Past and Present”: Говоря о том, что Чичиков был приглашен поиграть в карты, автор, в качестве авторского пояснения, акцентирует внимание на «страсть к картам, которая повсеместно встречается в России, играют все: всякого звания, благородного сословия и простого, а более всего военные и государственные чины» (*«the passion for cards is universal among Russians, high and low, gentle and simple, all partake of it, and none more than military men and public functionaries»*) и т.п. [Russian at home – Past and Present, 1855, с. 135].

Далее, при пересказе сюжетной линии автор детально описывает еду на столах, при этом высказав мнение о том, что характер народа можно узнать из его гастрономических пристрастий, он позволяет себе следующее саркастическое замечание: «что можно ожидать от нации, чье основное блюдо – суп из протухшей капусты, а напиток – квас» (*«much cannot be expected from a people whose chief soup is made of rancid cabbage, and whose drink is quass»*) [Russian at home – Past and Present, 1855, с. 138].

Описывая Ноздрева, он использует следующие выражения: «мерзавец, лжец, задира, плут, бесчестный негодяй...» (*«scoundrel, a liar, a bully, a cheat, a faithless villain, and a coward...»*), при этом уточняет, что такой тип людей повсеместно встречается в России [Russian at home – Past and Present, 1855, с. 139].

Автор статьи подчеркивает, что все герои книги «Жизнь в России» представляют собой «жестоких, прожорливых, притворных, поверхностных, бесчестных, глупых, грубых, изощренных, плутоватых людей» («*brutal, gluttonous, false, frivolous, dishonest, silly, savage, finical, roguish*») – именно это, как уточняет автор заметки, и является неоспоримым доказательством того, что создатель книги знает Россию очень хорошо [Russian at home – Past and Present, 1855, с. 139].

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что данная статья была написана в период Крымской войны и автор, считая себя ярим патриотом, определил ее цель – выявить как можно больше фактов, относящихся к жизни «заклятых врагов», «нации лжецов, пьяниц, грабителей и рабов» («*a nation of liars, drunkards, plunderers, and slaves*») [Russian at home – Past and Present. 1855, с. 157].

В дальнейшем английские критики назовут данную статью не иначе как обвинением, поношением, провокацией [Lefevre, 1949, с. 120]. Нам же она интересна тем, что статья содержит одно из первых упоминаний о гоголевской поэме «Мертвые души» на территории Гуманного Альбиона.

Существовали и другие заметки, в которых встречались краткие упоминания о гоголевской поэме. В 1856 году были опубликованы дневниковые записи английской гувернантки (Charlotte Bourne), которая провела зиму в Москве в семье Долгоруких [Russian Chit Chat, 1856]. В них мы находим несколько строк о поэме «Мертвые Души». О ней говорится как об «искусно написанном произведении в стиле Диккенса» [Russian Chit Chat, 1856, с. 122].

Поэма о «русской жизни и тайнах русского бытия» («*romance of Russian manners and mystery Perished Souls*») была упомянута и в предисловии к переводу мистической повести Н.В. Гоголя «Вий» [Friswell, 1858, с. 129].

Дальнейшее указание на поэму «Мертвые души» как на самое талантливое из русских произведений мы встречаем в статье о русской литературе [Russian Literature, 1877, с. 445–465].

Однако лишь после 1886 года, когда был опубликован перевод *I. Hargood*, поэма привлекла особое внимание представителей англоязычного мира, проявляющих интерес к России и русской литературе, в чьих работах мы находим многочисленные отзывы об этом произведении. Некоторые из них мы посчитали уместным предложить в этой статье:

«Лучшая работа Гоголя это его «Мертвые души». Именно в ней он достиг величайшего мастерства в точном описании своих

соотечественников и условий их жизни. <...> Эта работа должна навсегда войти в разряд русской классики; скорее она должна занять место в мировой классике. Все так актуально, правдиво и живо для тех, кто знаком с Россией сегодняшней, так же как и в 1842 году, когда это произведение впервые предстало перед восторженной аудиторией».

«Gogol's capital work, however, is his "Dead Souls". In it he carried to its highest point his talent for accurate delineation of his countrymen and the conditions of their life. <...> The work must forever rank as a Russian classic; it ought to rank as a universal classic. The types are as fresh, true, and vivid to one who knows the Russia of to-day as they were when they were first introduced to the enthusiastic public of 1842» [Hargood, 1896, с. 6460].

«...беспорно, "Мертвые души", его незавершенный шедевр, остается величайшим художественным произведением, написанным на русском языке».

«<...> it is certain that «Dead Souls», his unfinished masterpiece, has for forty years remained the greatest work of fiction in the Russian language» [Graham, 1915, X].

«*Мертвые Души*, написанные Гоголем в 1837-38 годах и опубликованные в 1842 году, величайшее юмористическое произведение на русском языке. Это самая популярная книга в России, сыскавшая всемирное признание. Даже те, кто имеет лишь отдаленное представление о России и русской жизни, искренне развлекутся, читая эту книгу. Из-за художественной формы это произведение часто сравнивают с историями про *Дон Кихота*, *Жиль Бласа*, *Тома Джонса*, так как это история приключений человека, который путешествует из дома в дом, из города в город по бескрайним дорогам своей страны. Но это произведение имеет большую привлекательность для читателя, чем любое другое. В нем больше юмора, но, в тоже время, больше душевности и больше серьезности. Хотя книга в высшей степени сатирическая, в ней нет и намека на цинизм, нет презрительной усмешки, нет ни строчки, говорящей о тщеславии или самовлюбленном равнодушии автора к жизни и людям, которых он описывает».

«Dead Souls, written by Gogol in the years 1837-38 and published in 1842, is the greatest humorous novel in the Russian language. It is the most popular book in Russia, and its appeal is world-wide. Even those who have but the remotest idea of Russia and Russian life are frankly amused when they read it. Because of its literary form it has been likened to Don Quixote, Gil Blas, Tom Jones, for it is the story of the

adventures of a man wandering from house to house and town to town along the ways of his country. But it has a deeper human appeal than any of these volumes. It is more broadly humorous, but it is also more tender, more serious. Though it is largely a satire there is not a line of cynicism in the book, not a sneer, not a phrase inspired by the author's vanity or by selfish indifference to the life of the outside world [Graham, 1915, с. 5].

«*Мертвые Души*, произведение, впервые опубликованное в 1842 году, есть пример великой классической русской прозы. Это удивительное образование, коим является «русский роман», не только начал свое развитие с этого незавершенного шедевра Н.В. Гоголя, но практически каждый из русских литературных шедевров, которые были созданы за это время, берут начало из этого произведения и могут быть сравнимы с ветвями одного дерева».

«Dead Souls, first published in 1842, is the great prose classic of Russia. That amazing institution, "the Russian novel," not only began its career with this unfinished masterpiece by Nikolai Vasil'evich Gogol, but practically all Russian masterpieces that have come since have grown out of it, like the limbs of a single tree» [Cournos, 1916, VII].

«Гоголевское изображение этого общества одновременно и смешное и трагичное: в манере его повествования на поверхности можно наблюдать непреодолимо досадное веселье, однако под этим смехом скрыт океан безграничной печали о народе, чью обнаженную душу он высмеивает. Трагедия прорывается сквозь юмор, она даже еще больше бросается в глаза, и произведение заканчивается все возрастающей душевной тоской».

«Gogol's portraiture of this society at once humorous and tragic: irresistibly mirth-provoking as his manner is on the surface, there lurks beneath the laughter an ocean of infinite sorrow for the nation whose nakedness of soul he ridicules. The tragedy wells up through the humour, it is even more in evidence, and the novel ends in increasing spiritual gloom» [The problem of life in the Russian novel, 1917, с. 138].

Итак, изложенный материал указывает на то, что знакомство англоязычного мира с поэмой Н.В. Гоголя «Мертвые души» началось тремя десятилетиями ранее выхода в свет перевода этого произведения на английский язык в 1886 году (оформленного в отдельное издание с указанием автора и переводчика), который укрепил интерес англоязычной аудитории к гоголевскому шедевр. Доказательством этого интереса являются более поздние переводы

поэмы «Мертвые души» (S. Graham, D.J. Hogarth, C. Garnett, V.G. Guerneу и др.), а также многочисленные хвалебные отзывы о произведении, встречающиеся в трудах представителей англоязычного мира, предложенные в данной статье.

Литература

- Athenaeum Journal of Literature, science, and the fine art (article). December, 1854. № 1414.
- Cournos J. Introduction // *Dead Souls* by N.V. Gogol: tr. by D.J. Hogarth. London, N.Y., 1916.
- Friswell H. Ghost stories and Phantom fancies // *The king of the gnomes*, by Gogol N.V.: tr. by (anonymously). London, 1858.
- Graham S. Introduction // *Dead souls*, by N.V. Gogol: tr. by S. Graham., London, 1915.
- Hapgood I.F. Nikolai Vasilievitch Gogol // *A Library of the World`s Best Literature Ancient and Modern*, ed. by Ch.D. Warner. N.Y., 1896. Vol. XVI.
- Home life in Russia*, by a Russian Noble, revised by the editor of «Revelations of Siberia», in 2 vols. London, 1854.
- Lefevre, C. Gogol and Anglo-Russian Literary Relationship during the Crimean War // *ASEER*. 1949.
- Modern Russian Literature* // *Eclectic Magazine of foreign literature, science and art*. 1855. Vol. XXXIV.
- Morfill W.R. *Russia*. London, 1880.
- Russian at Home – Past and Present* // *British Quarterly Review*. 1855. Vol. XXI.
- Russian Chit Chat; or, Sketches of Residence in Russia*, by a Lady, edited by her sister. London, Coventry, 1856.
- Russian Literature* // *The Westminster Review*. 1877. Vol. LII. London.
- The problem of life in the Russian novel. Lecture 1. The Russian soil and Nikolai Gogol. // *The Rice Institute Pamphlet. Lectures on Russian Literature*. Texas, 1917. Vol. 4. № 2.

References

- Athenaeum Journal of Literature, science, and the fine art* (article). December, 1854. № 1414.
- Cournos J. Introduction. *Dead Souls*, by N.V. Gogol: tr. by D.J. Hogarth. London, N.Y., 1916.
- Friswell H. Ghost stories and Phantom fancies. *The king of the gnomes*, by Gogol N.V.: tr. by (anonymously). London, 1858.
- Graham S. Introduction. *Dead souls*, by N.V. Gogol: tr. by S. Graham, 3-ed., London, 1915.
- Hapgood I.F. Nikolai Vasilievitch Gogol. *A Library of the World`s Best Literature Ancient and Modern*, ed. by Ch.D. Warner. N.Y., 1896. Vol. XVI.
- Home life in Russia*, by a Russian Noble, revised by the editor of «Revelations of Siberia», in 2 vols. London, 1854.
- Lefevre C. Gogol and Anglo-Russian Literary Relationship during the Crimean War. *ASEER*. 1949.

Modern Russian Literature. *Eclectic Magazine of foreign literature, science and art*. 1855. Vol. XXXIV.

Morfill W.R. *Russia*. London, 1880.

Russian at Home – Past and Present. *British Quarterly Review*. 1855. Vol. XXI.

Russian Chit Chat; or, Sketches of Residence in Russia, by a Lady, edited by her sister. London, Coventry, 1856.

Russian Literature. *The Westminster Review*. 1877. Vol. LII. London.

The problem of life in the Russian novel. Lecture 1. The Russian soil and Nikolai Gogol. *The Rice Institute Pamphlet: Lectures on Russian Literature*. Texas, 1917. Vol. 4. № 2.

ДИАЛОГИ В ЛИРИКЕ ИРАНСКОЙ И РУССКОЙ ПОЭТЕСС: ПАРВИН ЭТЕСАМИ И АННЫ АХМАТОВОЙ

М. Яхьяпур, Т.А. Кошемчук

Ключевые слова: Парвин Этесами, Анна Ахматова, диалогические формы в лирике, моназере, проблема понимания.

Keywords: Parvin E'tesami, Anna Akhmatova, dialogic forms in the lyrics, monazara, the problem of understanding.

DOI 10.14258/filichel(2019)4-08

Парвин Этесами и Анна Ахматова – выдающиеся персидская и русская поэтессы – жили и творили в периоды прохождения их стран через революционные перемены. В России это октябрьская революция 1917 года, а в Иране – конституционная революция 1907 года. В проживании испытаний, которые выпали на долю их стран, в противостоянии духу времени, в отстаивании своих ценностей создали эти поэтессы свои уникальные творческие миры. Это объединяет двух женщин-поэтов – при всем различии их культур, судеб и стихов. И использование ими одного характерного для них поэтического приема – речь пойдет о диалогических формах в их поэзии – подчеркивает их разительное различие – при наличии глубокой и неявной изначально, но точно ощущаемой связи.

«Поэзия Парвин Этесами в истории персидской литературы не только своеобразна, но и поразительно уникальна: она смогла соединить древние традиции с новыми идеями» [Сафари-Елизеи, 2008, с. 18]. В эпоху деспотизма, не имея возможности выступать открыто,

Парвин Этесами в своих стихах часто прибегала к иносказаниям, к басенным приемам, к традиционной диалогической форме, известной в иранской поэзии как «моназере» [Сафари-Елизеи, 2008, с. 30]. Эта форма отвечала и ее глубинной устремленности к обретению истины, к высокой проповеди нравственных ценностей и справедливости.

«Моназере в широком смысле слова обозначает спор двух лиц, в поэзии это диалог двух персонажей, в конце которого выявляется правота одной из позиций. Жанр моназере бытовал с древнейших времен, его использовали многие выдающиеся поэты (Муиззи, Анвари, Санаи, Низами, Сальман Саводжи, Ибн Ямин, Саади)» [Сафари-Елизеи, 2008, с. 31]. После XV века к нему обращались редко, так что многие столетия до Парвин жанр этот был в забвении. «... Но Парвин, возродя этот жанр, придала ему серьезную определенность. Этот жанр отличает ее от всех поэтов этого времени, как неповторимую личность и делает ее поэзию популярной и вечной. Моназере – вершина творчества Этесами ...» [Данешгар, 1996, с. 188]. Уникальным является и количество моназере: «... из 209-и стихотворений, вошедших в сборник П. Этесами, 120 писались в форме моназере ...» [Карачи, 2004, с. 41]. Поэтесса сочетает традиционный моназере с западноевропейскими баснями и, наполняя его современным содержанием, создает его своеобразную версию [Сафари-Елизеи, 2008, с. 7].

Значительная часть стихов Парвин посвящена политическим и социальным темам. Нищета, несправедливость властителей, классовые противоречия остро выражены в ее стихах. Никогда не испытал боль нищеты в личной жизни, Парвин Этесами воссоздает печальный мир угнетаемых бедняков, ошеломляя своей сострадательностью. Нравственная проповедь в целом доминирует в ее поэзии, но звучит и личная тема, тема женской души и судьбы – и в этой статье речь пойдет прежде всего об этих стихах, которые дают возможность увидеть различие женских душ – как они выражены в лирике Парвин Этесами и Анны Ахматовой.

У персидской поэтессы личная тема, если вообще о ней можно говорить, вливается в размышления о судьбе, ее всевластии и драматизме, восходя в нравственно-философскую сферу и рождая непреходящие уроки мудрости. Иной образ женской души дается в стихах поэта в конкретике судьбы иранской женщины в первой трети XX века, которую сама Парвин Этесами в реалиях своей уникальной жизни смогла превозмочь, отстояв свою свободу и возводя свою жизнь

в область культуры и творчества. В стихотворении «Женщине Ирана»¹ обычная женская участь описана как затворничество в доме, не судьба – а «изнанка судьбы», как жизнь в «клетке», ибо истинная судьба сокрыта невозможностью для женщины выйти к свету, к знанию, образованию и к применению той мудрости, которая исподволь скопилась за века в женских душах, в каждой из которых поэтесса видит «редкостный алмаз» (51), но скрытый в темноте. Сама Парвин воплотила в своей жизни «чистоту незыблемой нравственности», словами З. Хесарбани [Хесарбани, 2012, с. 44].

Русского читателя не может не поразить в единственном сборнике Парвин, в ее диване, отсутствие любовной лирики в привычном европейском ее понимании. В своей «Эпитафии» («Бог надо мною погасил свечу...») поэтесса, подводя итог своему пути – «суровой дороге» «по дорогой земле», пишет о переполняющей ее нежности к миру, оговаривая: «... пусть сама не знала я любви ...» (104). За этой строкой можно усмотреть ее драматическую личную биографию: счастливое детство, серьезное образование и культурные интересы, неудачный брак (едва ли не ради публикации своего дивана), развод, возвращение к отцу, смерть отца и вскоре ее ранняя смерть – в 34 года. Не знаящая личного счастья, поэтесса была наделена глубокой религиозной любовью к миру, земле и людям, состраданием к бедным и угнетенным, большим этическим темпераментом, нетерпимостью ко всякой нечистоте, неприятием – в духе религиозной традиции – господствующих в мире страстей. Свобода от страстей – высокая ценность для Парвин, так что преодоление их стало значимой темой ее поэзии: «Опять желанья душу рвут на части. / Не дьявольской ли ты поддался власти? И вряд ли избежать тебе позора, / Пока ты будешь жить во власти страсти», – так наставляет она своего собеседника в стихотворении «Из газели» (15). Или в касиде: «В тебе заговорила страсть однажды, / И разум твой стал погибать от жажды» (48). Личным чувствам и страстям в ее поэзии противопоставляются истинные ценности. Парвин Этесами избирает для своей проповеди диалогическую форму, близкую ее философскому и социальному темпераменту: она стремится в столкновении, борьбе и созвучии двух голосов воплощать высшую мудрость.

Стихотворение «Два света» являет характерную композицию спора у Парвин, дает полную и совершенную модель ее самобытного

¹ Переводы стихов П. Этесами в статье даны по следующему изданию: Этесами, Парвин. Путешествие слезы: Избр. стихотворения / Пер с перс. Г. Чистяковой и Вяч. Пушкина. М., 1984. Страницы указываются в тексте в скобках.

монастере, многократно варьируемую. Речь идет о различении истинного света и ложного – в диалоге, в обмене репликами традиционных для персидской поэзии Соловья и Луны. Первая реплика звучит из уст Соловья, восхваляющего Луну, и эта хвала звучит тонко и лирично: своим светом ты помогаешь людям, – говорит Соловей Луне, – в твоём свете горят ночные цветы, «...ты камню драгоценный свет несешь, / Вину прозрачность в кубке придаешь» (102), ты несешь добро и бедным хижинам, и дворцам, даришь прохладу и надежду. Реплика Соловья завершается вопросом: «О чистая! ... Куда же ты скрываешься порой?» (103). В ответ на неоспоримо поэтические восхваления и на конечный вопрос звучит голос самой Луны, их как будто отрицающий: «Я впадаю в сон, / Лишь солнце заспешит на небосклон» (103). Истинен именно солнечный свет, – продолжает Луна, – в то время как в ней самой лишь призрак света, хотя она и хотела бы изливать свой свет: «... света у меня не может быть», «... не всякий, кто вверху, уже велик...» (103), – предостерегает она Соловья от недолжных похвал. И дает итоговое поучение: «Свет истинный отыскивай всю жизнь» (103). Этот урок превосходит первую позицию, отрицая ее в ее самодовлеющем звучании и включая в себя как частичную правду. Однако в завершение стихотворения звучит и третья реплика – обращение Парвин к самой себе с неким назиданием. Это ее излюбленный прием, выводящий басенную ситуацию (пусть и в тонко-лирической и философичной ее версии) в исповедально-личный контекст. Причем конечная мудрость этого авторского голоса – в обращенности к себе, новый и личный нравственный урок. Она связана с предшествующими репликами-позициями часто не напрямую, но обогащает нравоучительное стихотворение новым и объемным смыслом: «Твоя звезда, Парвин, среди планет / Пускай струит неотраженный свет» (104).

В диалоге стихотворения «Надежда и безнадежность» первая реплика принадлежит Надежде. Мы могли бы ожидать ее превосходства в итоге сопоставления, когда автор приводит нас к обретению истинной позиции. Но это ожидание не сбывается: реплика Безнадежности глубже и драматичней, победа в диалоге на ее стороне, при всей правомерности и первой точки зрения. Надежда упрекает Безнадежность в ее неодолимости: Безнадежность постоянно одерживает победу над сердцами, поскольку страсть всегда одолевает разум, а страдания приводят именно к безнадежности. Надежда видит причины всех бед на свете в безнадежности: с тобою, – говорит она, – всякий «труп равносилен» (83), от тебя и разрушение веры, и горе, и

тоска и страх, а я, – продолжает она, – освещаю сердца, развеиваю мрак, даю свет. Итоговая мудрость первого голоса: «Прекрасно сердце, полное надежды» (84). Бездна же отвечает, как будто не возражая: «Мы сестры, но судьба нас разделила, / Тебя росой, меня слезой умыла...» (84), она рассказывает свою повесть, о том, как страдания обратили ее в ночь, ее «свечу задул рассветный ветер» (84) – и в результате «... осталась тьма и я на свете» (84). В конце стихотворения Бездна подводит итог: «Живи в сердцах, где сладко, а не горько, / А вот меня ждут страждущие только» (84). В авторском выводе Надежда отступает, она бессильна здесь: «Надежда мимо молнией сверкнула / Всего на миг и в туче утонула» (84). Так мир в глазах Парвин предстает юдолью страданий, которую Надежда, при всей ее привлекательности для сердца, просветлить не может, и поэтесса на стороне страдающих, у которых в сердцах царит горечь и ночь.

Страдание, боль жизни, слезы – постоянная тема Парвин. Слеза играет роль особенного, изысканного символа, не случайно русский сборник ее стихотворений озаглавлен «Путешествие слезы». Слеза для поэта – это особенная реальность, можно сказать, слеза есть духовное событие: рождение слезы, квинтэссенции человеческого страдания, есть вспышка «на темном небе бытия земного» (13), это алая звезда, капля крови (в стихотворении «Путешествие слезы»). Слеза падает в мир и продолжает в нем свое эфирное бытие. В монастыре «Жемчуг слезы» слеза падает на землю и в пыли оказывается рядом с жемчужиной – такова исходная ситуация стихотворения. Первая реплика Слезы устанавливает их общность с Жемчужиной: «Ты тоже слеза!» (20), вообще нередко у Парвин в диалоге одна из реплик стремится к согласию и обобщению, которое далее опровергается или утверждается. Так, Жемчужина в ответ не стремится к единению, говорит о своем «знатном происхождении» и отказывается от дружбы с «безродной слезой» (21). Слеза своей второй репликой завершает стихотворение, подтверждая их общность единством участи, причем не без иронии: «В пыли на земле оказались мы обе» (21). И речь идет не только об общей земной судьбе для всех, без различия во внешней ценностной шкале, но и с высшей точки зрения, с точки зрения жестокой судьбы вообще: «Вести с небом споры возможно едва ли... / Жестоко и к бедной, и к знатной особе» (21).

Страдание и его смысл в судьбе человека – тема диалога в стихотворении «Море света», где репликами обмениваются Алмаз и Ювелир («Море света» – это название одного из самых крупных бриллиантов в мире). Ситуация стихотворения – высекание алмаза

ювелиром. Жалоба камня («Мне же больно...» (17)) и его вопрошание («Отчего страдаю?» (17)) – смысл первой реплики. Ювелир отвечает: ты страдаешь от моих ударов, но не из-за меня, такова твоя судьба. В итоге же: «Будешь ты сияющим и чистым, / Будешь ты прекрасным и лучистым» (17). Но Алмаз плачет, изнемогая от боли, сетует на темноту мира и снова вопрошает о причине боли и о своей вине: «В чем я перед небом провинился?» (17). В ответной реплике сострадающий Ювелир призывает к терпению: ведь, нанося удары, он осуществляет волю судьбы, «снимает грубую породу» (18), подобно художнику, и обещает Алмазу блестящую будущность, широкий мир, огромную ценность, море света. Так смысл страдания оказывается в выковывании истинного и светоносного лика души. Оба голоса несут свою правду в диалоге, но мудрость второго выше и глубже, она придает бытию и жестокостям судьбы смыслоносность, пусть и не снимаемая трагизма.

Любовь же как тема стихотворений не является у Парвин Этесами личным и конкретным чувством, в которое погружалась бы душа как в свою стихию, но, скорее, страсти души становятся поводом для размышлений и нравственных сентенций. Так, стихотворение «Истина и ложь» – одно из самых близких к ситуации счастливой любви в европейской лирике. Собеседники в нем – традиционные Соловей и Роза; ситуация признания обрисована кратко: «Был соловей в одну из роз влюблен, / И ей в любви открылся как-то он. / Друг другу мы назначены судьбой / И вечно будем счастливы с тобой» (33). Роза признается в ответном чувстве, говорит о своем счастье: «О прекрасный час!» (33). Но далее оказывается – и в этом своеобразии души поэтессы, – что сказанное соловьем, с ее точки зрения, есть ложь, его влюбленность лишь в словах, лишь к красоте, которая скоротечна, а слова неверны: «...кто любит, / Тот молчит всегда» (33). Истинно любящий проявляется в деяниях, он спасает в беде и готов отдать жизнь за любовь – «...вот истина. Все остальное – ложь» (33). Таков вывод женской мудрости о влюбленности в красоту. И заключительные слова: «Жаль, что тебя словами не проймешь» (33) – их горькая ирония подчеркивает: любовь Соловья и его признание не ценны для Розы, хоть она и счастлива, но за этим счастьем тут же встает призрачность его. И, увы, Роза осознает, что словами ей не убедить влюбленного в ложности его чувства.

Парвин Этесами в своих стихах часто обращается с нравственным уроком-призывом не поддаваться мнимой любви: «Друга не ищи в пылу любви минутном» (88), не попадайся в силки мнимой красоты, за внешней красотой не гоняйся, но «стойкой будь всегда» (89) и «взрасти

свой дух» (94) – и целые потоки мудрых советов дает Парвин собеседнику и самой себе. Но она почти не говорит о личном опыте, порождающем ее мудрость, – и здесь мы обращаем внимание на то, что Ахматова, полная противоположность в этом отношении, будет со всей полнотой открытости говорить как раз о личном опыте, о своих душевных переживаниях. Парвин же последовательно отказывается от погруженности в свою душу, ведь одна из ее ценностей – скромность, незанятость собой, своими чувствами: «... пусть глубь моей души / Не потревожит вас. / Страсть сердца моего / Хочу я скрыть от глаз» (96). И снова и снова звучит в ее стихах мотив чистоты: «Хочу, чтоб чист был сердца окоем» (96). Темой стихотворений Парвин собственные горестные переживания не становятся, ибо дело не в них: над всем властвует судьба, и понимать и принимать ее, следовать ей с чистым сердцем – такова жизненная задача поэтессы, об этом она говорит в ряде стихотворений.

Одно из ярких воплощений темы судьбы – «Стрела и лук». В ситуации стихотворения Стрела, оставшаяся после боя в колчане, укоряет Лук, который отправил ее подруг на гибель. Ища примирения и единства с ним, Стрела призывает к дружбе, с готовностью разделить его участь. Но ответ Лука – более высокое понимание ситуации, он говорит о том, что разлука им определена судьбой, он же сам лишь исполняет то, что должно: «Никто из нас дорог не выбирает» (38), «... и ты, стрела, должна с судьбой смириться, / И власть ее принять, и в путь пуститься» (38). Куда предстоит путь – «никто не знает» (39), и Лук не знает, куда посылает Стрелу. Так и люди – здесь реплику Лука поэтесса возводит на новую, третью ступень, разясняя подтекст ситуации: «... люди тоже стрелы в этом луке. / Их небо шлет на горести и муки» (39). И, принимая волю неотменимой судьбы, надо идти, выполнять долг, и на этом пути – таков главный вывод – «... сердце надо в чистоте хранить» (39).

Публикатор стихотворений Парвин Этесами на русском языке и автор предисловия В.Н. Дворянкова видит «основное противоречие ее мировоззрения» в том, что при активности жизненной и социальной позиции поэтесса утверждает покорность судьбе [Этесами, 1984, с. 7]. Действительно, при том что Парвин свойственны активность и деятельность в жизни, да и само ее поэтическое творчество есть активное и деятельное участие в жизни, – ее философская позиция основана всецело на следовании судьбе. Так она формулирует сущность своей поэзии:

Я открываю вам свою загадку:

Меня зовут Парвин. Мою тетрадку

Я называю дневником судьбы (6).

И следует сказать, что как раз противоречия здесь нет: Стреле подобает знать закон своей жизни, Лук выстреливает ею в неведомую ему цель, а стрелком является – то есть ради своих замыслов выпускает людей, как из лука, – высшая сила: «Лук небосвода стрелы выпускает» (39). Эта сила может быть к человеку жестока, с точки зрения самого человека, так, жалуется на свои страдания Алмаз, но итоговое сияние – конечная цель, огранка души в страданиях. И человеку подобает понимание целей судьбы и смирение.

Эта ситуация человека выражена и в монастыре «Опавший листок». В стихотворении сначала описана осенняя картина: осень, ветер, листопад. И на этом фоне думы Листка, который хотел скрыться от ветра в листве среди родных ветвей. Но он не думал – ибо не умел думать – что «судьба и ветер дружат» (78), и ветер, орудие судьбы (как и лук), срывает и листья, и короны с деревьев, и птицы оплакивают бывшее счастье, и весь сад погибает и сгорает в буре, как в огне. Последний Листок, сын своей Ветки, сорванный бурей, обращается с речью к матери, упрекая ее: «Ты не сумела защитить меня», а ведь «в твоё добро я верил беспредельно...» (79). Ответная реплика Ветки несет в себе увещание: «Мой глупый сын, / Но не всегда же быть листку на ветке, / Ведь у судьбы тяжёлая рука!» (80), «судьба порой выпускает когти», «в её когтях трепещет наша жизнь» (80), «ты же, – говорит она листку, – всего лишь упал на землю, а ведь в буре погиб целый сад: «...раз мир сгорел, ... / Тебе ли горевать о собственной судьбе!» (80). В итоге выводится трагическая истина о горестной участи отдельного листка: «...здесь просто лишний ты. / Когда сгорает сад, то ветку не жалеют. / И людям горя нет до палого листа. / Упал, пожухлый, ты на мёртвую аллею. / Сковала смерть твои крикливые уста» (8081). Финал диалога утверждает покорность судьбе и бессмысленность сетований на личную горькую участь, когда решаются судьбы мира. Вновь высокая и трудная истина второго голоса покрывает вполне понятную и «слишком человеческую» позицию первого.

Таковы диалогические стихотворения у Парвин: собеседники всегда слышат друг друга, отвечают друг другу в споре – и здесь вновь мы можем сравнить Парвин с Ахматовой, у которой два героя, всегда мужчина и женщина, не слышат друг друга, непроницаемы друг для друга, даже если в стихотворной ситуации между ними происходит диалог. У Парвин же между голосами, при всем превосходстве одного из них в глубине, широте и мудрости, возникает взаимодействие, даже если голос-победитель без остатка покрывает, включает в себя первый

или порой опровергает его. И почти всегда звучит мягкая нота сочувствия к опровергаемой позиции. Иногда в монастыре третий голос – авторский – выводит разговор на новый уровень, придавая искомой мудрости глубину и пронзительный драматизм.

Для высокой и горькой мудрости Парвин Этесами незначимы личные сетования, страсти и переживания человеческой души, и именно преодоление страстей и смирение перед судьбой придает высокое религиозное достоинство личности. И если теперь от этого мира Парвин перейти в мир Ахматовой, то контраст их покажется поразительным. Ахматова делает как раз то, от чего отказывается Парвин: она постоянно погружена в горестный и счастливый мир страстей, в опыт своей души, описывает и счастье, и несчастье, все оттенки любви, тончайшие перипетии чувства, через которые проходит душа и в которых сгорает. Как и Парвин, ей пришлось доказывать, что женщина может быть поэтом, вопреки одному из голосов ее поэзии: «быть поэтом женщине – нелепость ...»¹ (63) – так говорит один из ее героев. Но Ахматова никогда не вторгается в мир морализующих истин, она не несет людям нравственной проповеди, она лишь описывает и исследует опыт своей души, и он предстает в совсем иной ценностной перспективе, чем у Парвин. Это мир обычного европейского человека, который хоть и чувствует связь с религиозной традицией, близок ей в большей или меньшей степени, но редко следует ее учению, ибо самосознание его утверждает свое «я» как величайшую ценность, в жизни этого «я» все значимо, и на передний план выходят душевные переживания. Если это женская душа, то она живет больше в мире чувств, нежели мысли, и она лелеет в себе свои переживания как неотъемлемое достояние, а связи с другими душами составляют сюжет ее бытия. При этом душа женщины-поэта, отпущенная на волю, живет в стихии любви, в соприкосновении с душой и с целым миром другого человека, а встречи душ трудны и пронзительны – в этом опыте возвращается и формируется душевный мир европейского человека, утверждается и выковывается его сознание. И что получает поэтесса в результате своих трудных опытов, какую горькую мудрость? Об этом говорят ахматовские стихотворения. И в них тоже представлены диалогические формы, прямой разговор двоих.

¹ Стихотворения А.А. Ахматовой цитируются по следующему изданию: Ахматова А. Стихотворения и поэмы. [Вступ. статья А.А. Суркова. Сост., подгот. текста и примеч. В.М. Жирмунского]. Л., 1977. Страницы указываются в тексте в скобках.

В первый период творчества Ахматовой по преимуществу вдохновляется именно любовью, из которой рождаются порой и молитвы, и религиозные темы, и размышления о поэзии, и философские ноты – они делают объемным портрет героини ее стихов. Любовь к человеку – центр ее мира. Любовь – это и рай, и ад ее жизни. Лирические стихотворения Ахматовой, как давно было отмечено, чаще всего обращены к другой душе, и тем самым по сути диалогичны, если понимать диалогизм ее лирики предельно широко, так что «установка на диалог» может быть не выявлена в пространстве стихотворения, «не эксплицирована» [Кихней, Круглова, 2009, с. 115]. В тексте часты и включения отдельных реплик или фрагменты реплик, о строении которых, их сбивчивости, несовпадении тона, контрастности, о «скачках реплик» [Виноградов, 1976, с. 457], о «трагическом тоне и характере диалога», когда главное происходит «поверх слов» [Виноградов, 1976, с. 458], писал В.В. Виноградов в главе «О гримасах диалогов» его исследования об Ахматовой. Но мы здесь выбираем из ее стихотворений те формы, которые являются прямым обменом репликами, то есть диалогом в узком смысле этого слова и рассматриваем их в ракурсе проблемы понимания. Таких стихотворений, где звучат два голоса внутри ахматовского стихотворения, около трех десятков. Большинство же ее лирических миниатюр – это монологическая по форме реплика, одна из реплик в ее нескончаемом разговоре с собеседником, внутренне диалогическая, с учетом ситуации и позиции второго, хотя и безмолвного участника события: «И до света не слушаешь ты, / Как струится поток доказательств / Несравненной моей правоты <...>» (198). Чаще герой именно НЕ слушает – да и героиня НЕ слышит собеседника, она в своих стихах обращается к герою, говорит снова и снова, всякий раз о себе и разное в разных ситуациях, часто без надежды на понимание. Но любопытны ситуации, когда в стихотворении герой отвечает героине или она ему. И мы не обнаружим, как у Парвин, иерархического ценностного различия двух голосов в их споре, при том что, конечно, права – ОНА. Но истинно ли то утверждение, которое высказывает занятая лишь своей «несравненной правотой» героиня? Дело совсем не в этом, а в своеобычности ее чувства.

Стихотворение «Сжала руки под темной вуалью...» несет в себе двойной диалог. «Отчего ты сегодня бледна?» (28) – вопрошает дружественный голос, и героиня стихотворения рассказывает в ответ о расставании, об уходе героя. Причина его – неназванная здесь обида, вероятно, это слова, сказанные ею, после которых он, раненный ими, «вышел, шатаясь...» (28). Героиня, спохватываясь, догоняет его – и вот

второй диалог: «Шутка, / Все, что было. Уйдешь, я умру» (28). Герой отвечает, с улыбкой, многозначным «Не стой на ветру» (28). Здесь и ирония, и насмешка, и забота – и очевидно, что это ответ не на призыв простить и вернуться – но ответ по сути ситуации: прощения нет, произошедшее непоправимо. Безднадежность ситуации лишь подчеркивается наличием ответа не на вопрос. Диалог построен так: реплика – и ответ не о том, по сути – отказ отвечать. И говорить о правоте и правде в этой ситуации невозможно, ибо происходящее между двумя душами в своем трагизме не подлежит этим критериям.

Аналогичной антиномией звучат реплики героев, не слышащих друг друга и чувствующих противоположное, в стихотворении «Под навесом темной риги жарко...». Он: «Мы ль не встретим на пути удачу!» (38) – она слышит слова героя, но они ничего не значат, ее чувство совсем иное в этой ситуации кажущегося счастья, о том же общем пути она говорит безнадежно: «Ах, пусты дорожные котомки, / А на завтра голод и ненастье!» (39). Это несозвучие, более, почти отчаяние в видимом счастье и есть суть стихотворения.

Еще более контрастны реплики героев стихотворения «Сероглазый король», не ведающих о действительном мире друг друга. Муж героини спокойно сообщает некий безразличный для него факт: «Знаешь, с охоты его принесли, / Тело у старого дуба нашли...» (44) – и героиня стихотворения, не ответившая ему, отвечает себе: «А за окном шелестят тополя: “Нет на земле твоего короля...”» (44). Этим тополям ведома правда, скрытая от ее мужа, и она в согласии с печальным природным голосом – все знающих тополей. В неразделенности своей беды героиня предельно и безнадежно далека от героя.

В стихотворении «Песня последней встречи» происходит подобный же диалог согласия героини – не с героем, а с природой. Героиня покидает героя, который не останавливает ее, равнодушно дает ей уйти. К ней обращается как будто голос – шепот самой осени, осенних умирающих листьев, и говорит то, что чувствует и она. «Между кленов шепот осенний / Попросил: “Со мною умри! / Я обманут моей унылой, / Переменчивой, злой судьбой”» (30). И ответная реплика героини подтверждает сходство – ощущение смерти и приятие ее: «Я ответила: “Милый, милый! / И я тоже. Умру с тобой...”» (30). Согласие здесь есть не что иное, как характерное для поэзии Ахматовой соответствие между ее душевным состоянием и некой природной сущностью.

То же согласие, но более сложное, дано в стихотворении «Отрывок», когда героиня говорит вновь с осенним голосом: к ней

сострадательно обращается «кто-то во мраке дерев незримый», шуруша «опавшей листвою»: «Что сделал с тобой любимый... <...> Он предал тебя тоске и удушью / Отравительницы-любви <...>» (60). И героиня возражает – по видимости – «обидчику», который в действительности разгадал ее ситуацию: «Он тихий, он нежный, он мне покорный, / Влюбленный в меня навсегда!» (60). Драматичность ее ситуации в том, что верно и то и другое, когда соединяются рай и ад, когда любовь отравляет, несет в себе нежность и мучительство.

Невозможность единства и гармонии, мука этой невозможности лишь подчеркивается диалогами двух голосов, когда реплики их развертываются в разных реальностях и в непересекающихся душевных пространствах. Так в целом ряде стихотворений наличие диалога в краткой лирической форме призвано подчеркнуть драматическое неслышание героями друг друга, непреодолимость непонимания между людьми, которые связаны любовью, но лишь ранят друг друга – в тех сложных и жестоких отношениях между душами, которые называются страстями и которые приносят глубокое страдание. Тема ада любви кульминирует в диалогическом стихотворении «Муза», здесь не только описание Музы и обращение к ней, как обычно у поэтов, но и ответ Музы, очень весомый, краткий – однословный. «“Ты ль Данту диктовала / Страницы Ада?” – отвечает: “Я”» (184). Подобно тому как Данте проходил все круги Ада, так и женская душа в этом сопоставлении обречена на Ад чувств и отношений в жизни с другими душами. «Милая гостья» ее стихотворений оказывается той же, что вдохновила Данте на мучительные строки о страданиях грешников, поэтесса же говорит о тех муках, что выпали на ее долю.

Есть ли у Ахматовой в любовных стихах подобные исключения, взаимопонимание, которое соединило ее с ее Музой? Можно назвать лишь один диалог счастливого страстного чувства – «Побег», но это лишь минутная страсть. А полное согласие душ и примирение, выраженное в диалоге, наступает только в смерти – в стихотворении «Бесшумно ходили по дому...», в этой ситуации героиня стихотворения приходит проститься с умирающим: «Он сказал: “Теперь слава Богу”, / – И еще задумчивей стал. / “Давно мне пора в дорогу, / Я только тебя поджидал. / Так меня ты в бреду тревожишь, / Все слова твои берегу. / Скажи: ты простить не можешь?” / И я сказала: “Могу”» (112). После отрадного и вновь односложного согласия в реплике героини следует благодарное: «Хорошо, что ты отпустила, / Не всегда ты доброй была» (112). Единственное великодушное слово, ответ героини в этой ситуации

диалога: «Могу» – она может, подобно священнику, отпустить грех кающемуся – такова сила встретившихся на миг чувств. Здесь рождается такое редкое у Ахматовой в миг примирения – единство душ – в общей точке времени, в самый канун смерти. После чего героиня обращается уже к Богу, с молитвой об усопшем: «Господи Боже, / Прими раба твоего» (112).

Это стихотворение 1914 года, а далее внешние трагические события меняют лирику Ахматовой, годы мировой войны приносят новые темы, трагизм мироощущения обретает иные основания: упавший листок оплакивает не себя, а гибель целого сада, и уже без всяких личных сетований. Муза, поэзия, а также родина, Россия, оказываются порой выше и значительнее личного чувства. Конечно, страницы Ада из ахматовского стихотворения о Музе – это и страшные годы русской истории, весь трагизм дивной и несравненной судьбы поэтессы.

В стихотворении о России звучит еще один, драматический диалог: «Мне голос был...» (148) – это говорится о голосе духа-искусителя, призывающего покинуть Россию в годы революции ради личного спасения и обретения благополучия: «Оставь Россию навсегда» (148). На обещания всех благ она отвечает этому лукавому голосу – молчанием, не устаивая призыв какого бы то ни было словесного ответа, ее ответ – жест: «Руками я замкнула слух» (148). Этот презрительный ответ искусителю, предельный и презрительный отказ от диалога, утверждает высшую ценность – преданность Родине.

В позднейших стихотворениях Ахматовой прямой диалог двоих почти не звучит. Отметим философскую ноту стихотворения «Памяти Срезневской», которое завершается диалогически: репликой умершей, данной в косвенной речи, и ответом-согласием другого голоса, авторского. «Но звонкий голос твой зовет меня оттуда / И просит не грустить и смерти ждать, как чуда. / Ну что ж! попробую» (265). Здесь, когда встреча совершается в присутствии смерти, вновь осуществляется глубокое созвучие, самое глубокое гармоническое единство голосов из всех ахматовских диалогов. Прочное единение душ в жизни недостижимо, их взаимная зависимость есть мученье и ад, но достижим миг истинной встречи в смерти – это один из тех выводов, который делается, в созвучии с христианским пониманием посмертия, в ахматовской лирике. Но обогащающий опыт соприкосновения душ, пусть мгновенного, горестный опыт сердца в любви есть то достояние, которое выносит из жизненных ситуаций душа поэтессы и наделяет ее той мудростью, которая живет в ее стихах, особенно второй половины жизни. Эта мудрость не требовала

своего выражения в диалогической форме, которая была бы слишком прямой и рассудочной, слишком морализаторской. Мудрость, которой дышит вся поздняя ахматовская лирика, вне этих измерений, она выговаривается интимно и лично, никогда в проповеди и крайне редко в поучении.

Итак, две поэтессы, современницы, такие разные во всем, в культурных истоках, в религии, в самом устройстве души и в личных ценностях, даже в длительности отпущенного срока, по-разному выявляют свой опыт и свое самосознание, соответственно творческому заданию и судьбе. И диалогические формы в их стихотворениях служат своим собственным, несхожим целям. У Парвин Этесами они действуют в контексте ее религиозной и поэтической традиции, как живая связь с ней, и служат утверждению высших нравственных ценностей: чистоты сердца и ума, прятая судьбы и стойкости в ее проживании, равно как отрицанию страстей и погруженности в личные чувства. В лирике Ахматовой, в самостоянии индивидуальной души, опыт чувств и сопряжений с другими душами в стихии любви, во всех ее обликах и гранях, предстает как высшая предназначенность и становится основной темой. Диалогические фрагменты стихов выявляют в проживании страстей, со всей их мучительной безнадежностью, трагические кульминации опыта души, обостренно выражая замкнутость душ и в самом глубоком обоюдном страдании. Когда в цепи ахматовских любовных ситуаций выявляются невстречи, непонимания, мучительное одиночество героев, этот отравляющий лик любви, – как не вспомнить все предупреждения Парвин Этесами о разрушительности страстей. То, что Парвин утверждала в прямых уроках нравственности, Ахматова показывает в реалиях проживания чувства, всю горечь невозможности обрести единство душ даже в страстной любви, и особенно в ней. Не ищи друга в минутной страсти – говорила Парвин Этесами, а Ахматова искала неустанно, порой обретала друга, чаще находя друга-врага, раненного, как и она, страстью, не дающей гармонии душ. Конечно, Ахматова менее всего стремилась преподнести нам уроки аскетики, воплощая мысль о гибельности страстей, но в свете стихов Парвин Этесами, у нее получилось именно это. В этой точке можно усмотреть встречу двух поэтесс, не сходных почти ни в чем, кроме высокого мужества и достоинства в несении своего предназначения и в противостоянии своему времени, утверждению своей собственной сущности, своего света, подобного солнечному.

Литература

Виноградов В.В. О поэзии Анны Ахматовой (стилистические наброски) / Поэтика русской литературы. Избранные труды. М., 1976.

Данешгар А. Парвин Этесами, поэтесса из родов света. Тегеран, 1996. (на фарси)

Карачи Р. Парвин Этесами, с описательной библиографией. Тегеран, 2004. (на фарси)

Кихней Л.Г., Круглова Т.С. К проблеме диалога в лирике Анны Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Вып. 7. Симферополь, 2009.

Сафари-Елизеи Т. Сопоставительский анализ лирики Парвин Этесами и Марины Цветаевой. Тегеран, 2008.

Хесарбани З. Парвин Этесами и традиция полемической поэзии (мунозира) в персидской литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2012.

Список источников

Ахматова А.А. Стихотворения и поэмы. Л., 1977.

Этесами П. Путешествие слезы: Избр. стихотворения / Пер с перс. Г. Чистяковой и Вяч. Пушкина. М., 1984.

References

Vinogradov V.V. *O poezii Anny Akhmatovoj (stilisticheskie nabroski)* [About the Poetry of Anna Akhmatova (stylistic sketches)]. *Pojetika russkoj literatury. Izbrannye trudy* [The Poetics of Russian Literature. Selected Works]. Moskva, 1976.

Daneshgar A. *Parvin Jetesami, poetessa iz rodov sveta* [Parvin Ethesami, Poet of the Birth of the World], Tegeran, 1996 (na farsi).

Karachi R. *Parvin Jetesami, s opisatel'noj bibliografiej* [Parvin Ethesami, with a Descriptive Bibliography]. Tegeran, 2004 (na farsi).

Kihnej L.G., Kruglova T.S. *K probleme dialoga v lirike Anny Akhmatovoj* [To the Problem of Dialogue in the Lyrics of Anna Akhmatova]. *Anna Akhmatova: jepoha, sud'ba, tvorcestvo* [Anna Akhmatova: Era, Destiny, Creativity]. Iss. 7. Simferopol', 2009.

Safari-Elizei T. *Sopostavitel'skij analiz liriki Parvin Jetesami i Mariny Cvetaevoj* [Comparative Analysis of the Lyrics by Parvin Etesami and Marina Tsvetaeva], Tegeran, 2008.

Hesarbani Z. *Parvin Jetesami i tradicija polemicheskoi poezii (munozira) v persidskoj literature* [Parvin Ethesami and the Tradition of Polemic Poetry (Munozira) in Persian Literature]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Dushanbe, 2012.

List of sources

Akhmatova A.A. *Stihotvorenija i pojemy* [Poems]. Leningrad, 1977.

Jetesami P. *Puteshestvie slezy: Izbr. stihotvorenija* [Traveling Tears: Selected Poems]. Moskva, 1984.

ОТРАЖЕНИЕ СУФИЙСКО-ХУРУФИТСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ НАСИМИ

Н. Мамедов-Тазисой

Ключевые слова: классик, мировоззрение, общечеловеческие ценности, любовь, разум, свобода, ценность, суфизм, хуруфизм, истина, Аллах.

Keywords: classical author, worldview, universal values, love, reason, freedom, value, Sufism, Hurufism, truth, Allah.

DOI 10.14258/filichel(2019)4-09

В историю азербайджанской поэзии Насими вошел как певец человеческой души. Все его творчество является гимном Человеку и человечеству. Жизнь Насими полностью была отдана в дар людям. Условия, в которых он жил и творил, неизбежно порождали личности, сочетавшие в себе талант поэта и мужественного борца за светлые идеалы. Как свидетельствуют труды ученых, исследующих жизнь, эпоху, условия и творчество Насими, поэт своими газелями поставил всего себя служению Человеку и Добру.

Взгляды Насими оформились под влиянием основателя учения хуруфизма Фазлуллаха Наими из Астрабада, и до конца жизни он следовал этим идеалам. Насими как пропагандист хуруфитских идей был в то время властителем дум народа. Его идеи отвечали настроениям широких народных масс, измученных завоевательной политикой тимуридов.

Однако, говоря о хуруфитских воззрениях Насими, следует подчеркнуть, что до появления хуруфизма «во всей исламской цивилизации можно выделить три процесса, особенно сильно повлиявших на формирование общества. Это милитаризация аграрной политической власти, утверждение шариатских правовых и социальных отношений и подъем суфизма. Ни в литературе, ни в искусстве, ни в экономических явлениях ничто больше не стало столь ярким отражением цивилизации...» [Ходжсон, 2013, с. 277; Hodgson, 1977]. Именно суфизм (тасаввуф) – эзотерическое течение в исламе, имеющее повышенную духовность с проявлениями мистицизма – явился одним из мощных направлений в классической мусульманской философии. Поэтому суфизм, как философско-религиозное учение, был достаточно широко исследован не только азербайджанскими и турецкими, но и зарубежными учеными. Особенно выделяются труды

таких авторов, как З. Кули-заде, А.А. Сеид-заде, Н.С. Неймат, М.А. Айни, О. Джейлан, С. Атеш, Ф. Кёпрюлю, Ф. Сюмер, Е. Бертельс, Р. Николсон, М. Смит, Л. Гарде, А. Арберри и др.

Суфии в своих религиозных взглядах готовы были отказаться от всего мирского, во имя ислама сблизиться с Аллахом, раствориться в нем, познать его высшую божественную Истину.

Суфии не могли обойтись без словесного выражения и интеллектуального анализа своего опыта. По их мнению, внешние правила имели силу только благодаря своему внутреннему, духовному назначению. Главным утверждением суфиев является формула: кто познает свою внутреннюю суть, тот постигает Истину, то есть Аллаха.

Неотъемлемой частью самоконтроля и самодисциплины у суфиев являлся мистицизм, принимающий порой экстатические формы [Ахундова, 2017, с. 27]. Суфизм предложил эзотерическую форму религии, которая позволяла тем, кто обладал соответствующей склонностью, исследовать ее скрытый смысл и внутреннюю реакцию, чего не разрешал нравоучительный публичный шариат. Суфизм в Азербайджане начал свое распространение с конца IX – начала X века. Основными его представителями были А.Х. Дундари-Ширази (X в.), Х. Яздиняр (X век), А.Х. Зура (X – XI века), А. Аббас (XI век), А.С.А. Бакуви (X – XI века), братья А.М. Абдулла Бакуви (XI век), Х. Ширвани (XI век), А.К. Сухраверди (XII век), Ш.О. Сухраверди (XII – XIII века), Х. Табризи (XIII – XIV века), М. Шабустари (XIII – XIV века), М. Авхади (XIV век) и др.

В данной статье мы не ставим перед собой задачу представить историю суфизма и хуруфизма, тем не менее хотим подчеркнуть, какое важное значение имели эти религиозно-философские течения в творчестве крупных мыслителей XIV – XV веков. Заметим, что становлению суфийского учения способствовала интеллектуальная самостоятельность и новаторство ал-Газали, который наряду с этапами становления суфийского синтеза, философской теологии, рассматривал и этическую систему, включающую этику в суфийском синтезе, рационализм и суфийскую мораль, обосновав многообразие нравственных устремлений. М.М. Аль-Джанаби пишет: «История суфийской мысли, предшествующей ал-Газали, хотя и создала необходимый фундамент для будущего здания, нуждалась в умелом строителе, способном такое здание возвести. Ал-Газали, осуществив свой этико-суфийско-философский синтез, построил каркас этого здания. Он подчинил творчество суфиев философской систематике» [Аль-Джанаби, 2010, с. 139].

Хуруфизм был своего рода продолжением суфизма. Однако Насими в начале своего творческого пути выбрал для себя суфизм толка Мансура Халладжа. Позднее, вступив в ряды хуруфизма, сделал своим идейным руководителем Фазлуллаха Наими. Чуткий исследователь хуруфизма и творчества Насими З. Кули-заде, задавая вопрос «Что привлекло Насими в суфизме и хуруфизме? Почему именно эти течения избрал поэт?», отвечает на них следующим образом: «Оба они неотделимы от исторических судеб Востока, его социальной борьбы. Суфизм ... чрезвычайно широкое, многогранное, внутренне противоречивое течение ..., под знаменем которого исторически выступали различные слои общества ... Идеологией их был так называемый критерий суфизм..., суфизм толка Мансура Халладжа – известного суфия-еретика XI века, казненного за утверждение: «Ана-аль-хакк» («Я есть бог»). Этот суфизм ... неудержимо влек к себе Насими ... С философией суфизма вступил Насими на арену общественной и идеологической борьбы своей эпохи. Провозгласив божественность человека, суфизм все связывает с ним, все подчиняет ему ...

Бог и человек в суфизме двуедины, бог есть человек и человек – бог ...

Хуруфизм привлекает Насими и своим активным вмешательством в социально-политическую жизнь общества, которое поэту невыносимо ... Идея «человек и есть бог» звучит в хуруфизме предельно отчетливо и завершено.

Привлек хуруфизм Насими и своим отношением к разуму. Если в суфизме на основе тождества человека и бога стоит любовь, то в хуруфизме это тождество покоится на разуме ...

Вне связи с суфизмом и хуруфизмом – этими двумя... течениями творчество Насими невозможно ни понять, ни научно оценить» [Кули-заде, 1973, с. 7–12].

Через все творчество Насими красной нитью проходит мысль об Истине. Автор страстно призывает всех к познанию человека и окружающего мира, потому что способность познания – величайшее достижение человека. По мнению Ошо, «Истина – это всегда цветение индивидуального сознания. Но она никогда не принадлежит толпе, толпе принадлежит ложь» [Ошо, 2013, с. 61]. Философско-религиозное мировоззрение Насими выражается в том, что он не поднимает Человека до небес, а Истину опускает до своего уровня, чтобы ее понять. В этом ему помог тарикат, который приводит человека к Истине.

Права З. Кули-заде, писавшая: «Хуруфизм только внешне напоминает пифагореизм. Он обожествляет цифры и буквы, но называя их даже первоисточником всех явлений, пантеистически считая, что нет ни буквы, ни звука, ни числа без материи (четырёх элементов), как и нет материи без них. В этом коренится существенное отличие хуруфизма от пифагореизма» [Кули-заде, 1970, с. 12].

Основное внимание Насими уделяет формуле «все – человек». Причем формула «все – человек» дается им не в плане антропоцентризма, а в плане пантеизма. Человек не только центр и конечная цель вселенной, он – воплощение вселенной, и не мир создан божеством для него, как учит антропоцентризм, а сам человек выступает в поэзии Насими демиургом вселенной, богом. Исходя из такого постулата, Насими, подобно своему наставнику Наими и другим идеологам хуруфизма, говорит о тождественности человека букве, миру, четырем элементам и Аллаху. Это можно проиллюстрировать на примере газели «Твое лицо – Аллаха свет»:

Твое лицо – аллаха свет, он грешных жжет карая,
Сто гурий вьются вокруг тебя, ласкаясь и играя,

В твоём лице – единый бог, Коран, Псалтырь и Тора,
Не потому ли твой чудный взгляд горит, нас согревая?

Ты – божья истина, в тебе вселенной равновесье,
И локоны твоих волос – дорога в рай прямая.

...О Насими, в твоих словах дух истины великой,
Трубит труба, всех нас, живых и мертвых, пробуждая.
(Насими, 1973, с. 141–142)¹.

Человек в понимании Насими всемогущ, он – творческое начало, которому все покорно. По мнению поэта, человек в своем лике имеет фактически все атрибуты божественности. А потому он часто повторяет: «в твоём лице – единый бог», «твое лицо – Аллаха свет», «ты – божья истина» и т.д.

Бог – человеческий сын, и человек велик,
Все создавая человек и многое постиг.
Все в мире человек, он – свет и мирозданье,
И солнце в небесах есть человеческий лик

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

(Насими, 1973, с. 256).

По мнению Насими, человеческая сила и познание безграничны, поэтому, если человек стремится к счастью, он должен его постичь. Ведь по философии поэта человек в силах проникнуть в сущность всего происходящего в мире. А для того, чтобы человек постиг мира и себя, он должен стать морально-нравственно великим. Поэт верит не только в свои силы, но и в силы людей, наставляет их на путь наслаждений благами жизни, что в конечном итоге приводит Насими к пониманию принципов гуманистической морали. Поэтому он всегда советует быть добрым, правдивым, справедливым, порядочным, клеймит алчность, страсть к наживе и богатству. Достаточно сказать, что эти взгляды Насими и в наше время не потеряли своей актуальности. По его мнению, духовное несовершенство человека – его невежество:

Путь к правде Правда направляла строго,
И вот лицо открыла недодрога,
И я благоую истину постиг:
«Лишь ты мой бог. Нет бога кроме бога»
(Насими, 1973, с. 261).

Как мы убеждаемся, неиссякаемым источником жизни для Насими является путь к Правде, к Истине. Они – его Аллах. Кроме Аллаха нет Аллаха. Мерилами его достоинства являются Правда и Истина. Оба эти понятия для автора всегда отражали его жизненную философию. Его Правда, отражая собственные взгляды, превращалась в Истинную Правду. Поэтому она лишена помпезности, демонстративности, представлена без прикрас.

В понимании Насими самопознание возвеличивает человека. Поэтому он много пишет о самопознании, что в конечном итоге приводит к познанию бога в человеке. Об этом прекрасно сказано в газели – самовосхвалении, которую в свое время переводили на русский язык талантливые переводчики азербайджанской классической поэзии Н. Гребнев и Т. Стрешнева. Оба переводчика стремились адекватно передать художественно-образный мир Насими, где поэт представляет свою истинную суть:

Я стих Корана, я – аллах, свеченье вечного огня,
Я – собеседник высших сил, гора Синай отныне я.

Я вещей сур громовый стих и точно начертанье их.
Они звучат в устах моих, с концом начало едина.

Я корень древа и листва, смерть и рожденье естества,

Я раб, не помнящий родства, приговоренный и судья.

...Я – небо, твердь, вода и пар, я наводнение и пожар,
Я – жемчуг, океана дар, предвижу все заране я.
(Насими, 1980, с. 45–46).

Как мы видим, Насими страстно призывает людей к познанию. Его уста пересыпаны выражениями: «Я стих – Корана», «я – Аллах», «я – собеседник высших сил», «Я – корень древа и листвы, смерть и рождение естества», «Два мира я в себе вместил» и т.д. Все это, безусловно, связано с глубиной разума великого Поэта. Пропагандируя суфийские и хуруфитские идеи, Насими в то же время не видит особой разницы между мусульманином, христианином, идолопоклонником и огнепоклонником.

Все это ясно показывает, что творчество Насими отличается оригинальностью, подлинным новаторством, исключительно своеобразным мировидением, философско-религиозной неординарностью. Эти качества проявляются как в форме и содержании, так и в описании отношения автора к окружающей действительности и Всевышнему. Насими своим тюркским диваном (имеется в виду «Иракский Диван» – Н.М.Т.) довел тюркскую поэтико-философскую мысль до совершенства арабо-персидского стиха, имеющего незабываемые традиции на протяжении нескольких столетий [Nāsīmi, 2009, с. 206–251].

Философско-религиозное мировоззрение Насими было прогрессивным явлением для эпохи XIV – XV веков. В центре его внимания всегда находился призыв к духовно-нравственной независимости; он придавал особое значение общечеловеческим ценностям, любви к человеку и миру.

Все имеющиеся исследования о Насими в большинстве случаев представляют этого крупного мыслителя художником оригинальным в своем мироощущении и неповторимым в своем художественном мирозидании.

Известно, что в поэтическом наследии Насими художественно-философская мысль, ее выражение достигают своего безусловного совершенства. Мы вполне солидарны с мыслью, что не будь Насими, хуруфитские идеи очень быстро могли бы потерять свою былую славу и силу. Правы исследователи, отмечавшие, что важную часть художественного наследия поэта составляют стихи, отстаивавшие именно хуруфитские идеи. Эти поэтические образцы исследователи квалифицируют по-разному. По их мнению, если в некоторых стихах поэта в определенной степени затрагиваются те или иные выражения в

какой-то конкретной строке или двустииши, то в других поэтических образцах содержание, символическая семантика, их идейные цели в общем призваны служить трактовке художественно-философского толкования хуруфизма [Вабаяев, 2018, с. 234].

Будучи религиозно-философски мыслящим художником, Насими своими творениями поднял «слово» на новую высоту. Опираясь на толкование, исходящее из Корана, Насими руководствовался формулой «Аллах → слово → человек», что было характерно для суфиев и хуруфитов. «Слово» введено им в контекст мусульманского пантеизма. По идее Насими, слово состоит из шести граней, имеющих свои хронотопы, то есть пристрастно-временные координаты, между которыми есть условия возможной гармонии – увязка во времени скоростях, в ритмах. Выражаясь словами М. Бахтина, в них присутствует существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений. Несмотря на это, слово в толковании Насими в то же время не имеет границ, глубины и длины. В его философском понимании Творец и слово имеют одну и ту же аналогию и суть (ср. понятие «логос»). Творец фактически есть проявление сути в букве, слове, выражении.

Ю.И. Рустамов справедливо отмечает: «Творчество ... Насими посвящено доказательству истинности суфийского учения – религии любви к Истине, служению Аллаху, стремлению к духовному слиянию с Ним, ... обеспечению человеку вечного счастья после его физической смерти» [Рустамов, 2006, с. 115].

Насими, так же как и его наставник, исходил из того, что буквы Корана могут быть одновременно и материальными, и духовно-божественными. Это дает нам право судить о том, что Насими своим мировоззрением намного расширил философско-эстетическое понимание сути хуруфизма, сблизил его с жизнью и духовными запросами человека. Цель хуруфитских взглядов Насими сводится к цели овладения истинными знаниями, с тем, чтобы приблизиться к совершенству. Кто сумеет пойти по этому пути, тот, безусловно, обретет истинную свободу. Такой подход к пониманию дает ему нравственное право на провозглашение формулы «Ана-ал-Хакк», то есть «Я – Истина, я – Аллах». В соответствии со своими хуруфитскими взглядами Насими противопоставил гордый дух – загнивающей догме, свободное инакомыслие – растерянности, обскурантизму:

Все в мире – человек, он – свет и мирозданье,
И солнце в небесах – есть человеческий лик
(Насими, 1973, с. 256).

С. Шихиева, в течение долгого времени последовательно и концептуально изучавшая наследие поэта, отмечает, что «Ана-ал-Хакк» как мистическое слово, предопределившее эстетическую систему Насими, корнями уходит в учение его предшественника Мовланы (имеется в виду Мовлана Джалаледдин Руми – Н.М.Т.). Углубляясь в недра «Ана-ал-Хакк», ученый замечает, что это выражение – не единственный источник, питающий его религиозно-философско-поэтическое мышление. Тут имеются созвучия с концепциями Санаи, Багли, Аттара и др. В своих газелях Насими, как правило, называет себя не суфием, а «əhli-irfan» (т.е. человек, познавший бога) [Şixiueva, 2016, s. 122 – 131].

Философско-эстетическая концепция Насими в части его религиозных воззрений, безусловно, опирается на концепцию предшественников. Именно поэтому он однозначно разделяет их мнение «вахдат аль-вуджуд» («единство бытия»). Для Насими раздвоение души неприемлемо, ибо двойственность может содержать противоположные, взаимоисключающие друг друга гипотезы. Поэт глубоко верит в то, что он всей своей силой стремится постичь истину:

Я истину постиг, пройдя через страданья,
Я истину постиг и жажду с ней слиянья.

...Я постоянно пьян, но пьян не от вина
Я пью вино любви, и пью вино познания
(Насими, 1973, с. 36).

В творчестве Насими, как было сказано выше, важное место занимает идеология хуруфизма. Можно сказать, что в подавляющем большинстве газелей поэта основная идея ориентирована именно на разъяснение семантико-символического содержания, художественно-философского толкования хуруфизма.

Насими как поэт-философ всегда стоял выше своей эпохи. Он не смирялся с законами того общественно-исторического строя, в котором жил. Он – поэт-философ и борец-бунтарь. Именно поэтому в центре внимания Насими стоит призыв к борьбе, обращенный к современникам.

С точки зрения жанрово-формальных особенностей созданные поэтом образцы достаточно разнообразны. Интересно, что многие поэтические образцы Насими («Слово», «В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь...»), «Кто истину постиг», «Я – бог», «И я есть бог», «Я богом сотворен», «Я – божие сияние», «Я истину постиг», «На свете истина одна», «Бог предо мной предстал» и др.)

дают возможность для прояснения идейной системы и концепции мыслителя. Многие образцы нацелены на раскрытие типического и общих положений для формирования собственных взглядов Насими на религиозно-философскую концепцию хуруфизма. Независимо от историко-политической обстановки эпохи, Насими чутко откликается на все явления современной ему действительности, «на религиозно-философские, социально-политические, нравственные и житейские проблемы» [Ибрагимов, 1973, с. 17–20].

По мнению Насими, путь к Истине мучительный и долгий:

И чтобы истину узреть, ее не сторонитесь,
Глядите ввысь или вокруг влюбленными глазами
(Насими, 1973, с. 44),

или:

Кто истину постиг, тот понял без труда:
Любовь для смертных нас воистину – беда
(Насими, 1973, с. 161),

или как в стихотворении «Лишь прозорливым истина видна»:

Кто истину постиг, тот стал кораллом,
Рубином стал, чья гладь отгранена.

Суть всех кругов и разделений ада,
Суть всех стихий лишь мудрецу ясна
(Насими, 1973, с. 221),

Или:

Все тайны разгадал, в суть мира я проник,
Все буквы тридцать две вместил в себя мой лик.

Исток предвечен мой, конец мой бесконечен,
Я в мире всемогущ, всемиловит, велик
(Насими, 1973, с. 249).

Почему Насими всегда в центр внимания ставит Истину? Потому что он ясно представляет себе, что Истина постоянно ускользает перед лицом усилий постичь ее. Ведь с попыткой постичь Истину перед человеком раскрывается еще бóльшая глубина противоречий в предыдущей Истине. Это показывает, что Истина – сущность бесконечная. Несмотря на бесконечность Истины, Насими устремляет свои взоры к возможностям ее постижения. В этом плане Насими кажется, что только любовь к Истине может привести человека к ее постижению. Ему кажется, что если человек поймет вечные истоки

жизни, то тем самым он уже может быть всемогущим – и «божьим раем», и «небосводом», «и его создателем», «аятом» из Корана, «Каабой и кыбла», «ликом Аллаха», «скрытым кладом», «и свечой» и «Судным днем» и т.д. и т.п.:

Я – божий рай и Коусар прохладный,
И та река, которой высыхать.

И небосвод я, и его создатель,
Аят, который надо толковать.

Я и ковчег, я и потоп всемирный.
И Ной, который призван всех спасать.

Кааба и кыбла, я – лик Аллаха,
Молитва я, и вам ее шептать.

... Я – все стихии все шесть измерений
Мне подчиняться и повелевать
(Насими, 1973, с. 34).

Насими хорошо представляет себе, что физический контакт человека с Аллахом немыслим. Человек лишь чувственно может его воспринимать и слиться с ним. Поэтому все усилия великого поэта направлены на то, чтобы чувственно слиться с Аллахом. Он понимает, что богом сотворен, он представляет себе величие бога, а потому и он – божий любимец:

Я дух и тело, суть и оболочка,
Я форма, содержания залог
(Насими, 1973, с. 29).

В то же время он сознает и то, что он – суфий. И огонь любви к Аллаху его сжигает:

Как суфий я Аллаха восхваляю,
Святое имя я себе нарек
(Насими, 1973, с. 30).

Насими хорошо знает особенности миров. Поэтому он считает себя божьим сияньем, райским садом, ангелом, стражем у райских ворот, «каф» и «нуном», началом всей вселенной, сурой Корана, он – жизнь и смерть:

Я – тайна мира, сила и бессилье,
Я тот, кого увидеть все хотят.

...Я наблюдаемый и наблюдатель,
Я свет и темень, я и стар, и млад.

...Я – Насими, во мне виденье бога,
Я – свет небес, восход я и закат
(Насими, 1973, с. 31–33).

Насими представляет себя в таком свете потому, что слияние с Всевышним заключается в незыблемом подобии свойств творения и Творца. Он хорошо знает, что в таком подобии и осуществляется постижение Аллаха. Почему Насими стремится к Истине? Потому что он, имея в виду состояние абсолютного слияния как единого целого с высшей силой, осознает: именно в этом случае Аллах полностью постигается в творении. Он знает и то, что Аллах первооснова, первопричина, а творение вторично.

Пропагандируя свои пантеистические воззрения, Насими в то же время старается вызвать у читателей симпатию к хуруфизму и к его вождю. В произведениях поэта Фазлуллах идеализируется. С точки зрения Насими Фазлуллах познал все божественные тайны, открыл истины, недоступные таким пророкам, как Муса, Иса и Мухаммед. Он характеризуется как личность, которая правильно раскрывает тайные смыслы Корана. И поэтому достиг того, чтобы стать богом... [Араслы, 1972, с. 44–45].

Как мы видим, в формировании мировоззрения Насими важную роль, наряду с идеями предшественников, сыграли его духовные, нравственные взгляды на мир и любовь к Аллаху. Мировоззрение Насими – ядро его сознания, показатель зрелости поэта, формировавшейся через собственные знания, чувства, эмоции, мирозерцание, отношение к добру и злу. Именно эти черты дали возможность Насими найти свое оригинальное место в истории азербайджанской литературно-художественной мысли эпохи XIV – XV веков.

Хотелось бы сказать несколько слов об одном сборнике газелей И. Насими «Иракский Диван», который издавался в разные годы в Азербайджане. Последнее издание подготовлено к печати проф. Газанфаром Пашаевым, редактор и составитель пояснительного словаря – Мамедали Аскеров [Nəsimi, 2018, s. 384]. Заметим, что иракский диван был найден наследником Шаха Исмаила Хагаи Сеидом Гейдаром и подарен керкюкскому ученому Абдул-латифу Бендероглы. В «Диване» представлены более 400 стихов, из которых 398 стихов подписаны псевдонимом Насими [Nəsimi, 2018, s. 3–14].

Итак, влияние хуруфитской философии на мировоззрение Насими привело к тому, что в его поэзии обнаруживается идея отождествления Человека и Аллаха. В большинстве случаев мировоззренческие взгляды Насими выходили за рамки его хуруфитской концепции. Своими газелями, рубаи и четверостишиями он утверждал мир реальный, земной, прославлял красоту и благородство человека, веру в его силы.

Литература

- Аль-Джаноби М.М. Теология и философия ал-Газали. М., 2010.
Араслы Г. Имадеддин Насими (жизнь и творчество). Баку, 1972.
Ахундова Н.Ф. Развитие суфизма в Азербайджане: возвышение Шейха Суфи Ад-Дина Исхака Ардебели в эпоху Ильханата (на основе сведений западной историографии). Баку, 2017.
Ибрагимов М. Насими и его время // Насими. Лирика. М., 1973.
Кули-заде З.А. Насими – философ и поэт Востока. Баку, 1973.
Кули-заде З. Хуруфизм и его представители в Азербайджане. Баку, 1970.
Ошо Р. Люди пути. О суфиях, суфизме и суфийских историях. СПб., 2013.
Рустамов Ю. Поэзия Насими – религия любви к Истине (некоторые размышления о мировоззрении поэта под впечатлением нового прочтения сборника его стихотворений) // *Mütərcim*. 2006. № 3–4.
Ходжсон М. История ислама: Исламская цивилизация от рождения до наших дней. Пер. с англ. А.Н. Гордиенко, И.В. Матвеева, Н.В. Шевченко. М., 2013.
Babayev Y. *Azərbaycan ədəbiyyat tarixi (XIII – XVIII əsrlər)*. Bakı, 2018.
Hodgson M. *The Venture of Islam. Conscience and History in a World Civilization*, Chicago and London, 1977.
Nəsimi İmaddədin. *İraq Divanı*. Bakı, 2018.
Seyid İmadəddin Nəsimi / *Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi*. Bakı, 2009.
Şixiyeva S. Nəsiminin irfani görüşləri // *Sivilizasiya*. 2016. № 4.

Список источников

- Насими И. Лирика. М., 1973.
Насими. Врата Древнего Востока (сборник). Пер. Т. Стрешневой. Баку, 1980.

References

- Al-Janabi M.M. *Teologiya i filosofiya al-Gazali* [Theology and Philosophy of al-Ghazali]. Moskva, 2010.
Arasli G. *Imadeddin Nasimi (zhizn' i tvorchestvo)* [Imadaddin Nasimi (life and work)]. Baku, 1972.
Akhundova N.F. *Razvitie sufizma v Azerbajdzhane: vozvyshenie SHEjha Sufi Ad-Dina Iskhaka Ardebili v epohu Il'hanata (na osnove svedenij zapadnoj istoriografii)* [The Development of Sufism in Azerbaijan: the rise of Sheikh Sufi Ad-Din Ishaq Ardebili in the era of Ilkhanat (based on Western historiography)]. Baku, 2017.
Ibragimov M. *Nasimi i ego vremya* [Nasimi and his Time]. *Nasimi. Lirika* [Nasimi. Lyrics]. Moskva, 1973.

Kuli-Zade Z.A. *Nasimi – filosof i poet Vostoka* [Nasimi – the Philosopher and the Poet of Vostok]. Baku, 1973.

Kuli-Zade Z. *Hurufizm i ego predstaviteli v Azerbajdzhane* [Hurufism and Its Representatives in Azerbaijan]. Baku, 1970.

Osho R. *Lyudi puti. O sufijyah, sufizme i sufijjskih istoriyah* [People of the Way. About Sufis, Sufism and Sufi stories]. Sankt-Peterburg, 2013.

Rustamov Y. *Poeziya Nasimi – religiya lyubvi k Istine (nekotorye razmyshleniya o mirovozzrenii poeta pod vpechatleniem novogo prochteniya sbornika ego stihotvoreniij)* [Nasimi's Poetry is a Religion of Love of Truth (some reflections on the poet's worldview under the influence of a new reading of the collection of his poems)]. *Mutarcim* [Mutarcim]. 2006. No. 3–4.

Hodgson M. *Istoriya islama: Islamskaya civilizaciya ot rozhdeniya do nashih dneij* [History of Islam: Islamic Civilization from Birth to the Present Day]. Translation from English by A.N. Gordienko, I.V. Matveev, N.V. Shevchenko. Moskva, 2013.

Babayev Y. *History of Azerbaijani literature (XIII – XVIII centuries)*. Baku, 2018.

Hodgson M. *The Venture of Islam. Conscience and History in a World Civilization*. Chicago and London, 1977.

Nasimi Imasaddin. *Iraq Divani*. Baku, 2018.

Sayid Imaddin Nasimi. *History of Azerbaijani Literature*. Baku, 2009.

Shikhiyeva S. Nasimi's Irfan Meetings. *Civilization*. 2016. No. 4.

List of sources

Nasimi I. *Lirika* [Lyrics]. Moskva, 1973.

Nasimi I. *Vrata Drevnego Vostoka* [Gates of the Ancient East]. Transl. by T. Streshneva. Baku, 1980.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АЛЕКСАНДРА ЕРЕДЕЕВА

М.С. Дедина

Ключевые слова: алтайская литература, Александр Ередеев, автор, художественное пространство, картина мира, образ, система, топос, мотив.

Keywords: Altaian literature, Alexander Eredeev, author, artistic space, worldview, image, system, topos, motif.

DOI 10.14258/filichel(2019)4-10

В алтайской литературе второй половины XX века Александр Ередеев занял особую нишу, став удивительно тонким писателем с

живописным видением окружающего мира, мастером, который через звукопись, цветоописание, отражение еле уловимых запахов и шорохов создает удивительный и гармоничный мир. Автор стремится передать тончайшие процессы, происходящие как в природе, так и во внутренних мироощущениях человека. А. Ередеева можно назвать мастером детали, который и в поэзии и в прозаических произведениях пытался донести до своего читателя мысль о величии и ранимости окружающего мира, живущего по своим вековым мудрым законам. Об этих специфичных чертах произведений автора писали практически все, кто соприкасался с его творчеством. Г. Кондаков, к примеру, отмечал: «А. Ередеев – тонкий и своеобразный поэт, хорошо чувствующий слово родного языка, стремящийся к созданию образов, отличающихся акварельной прозрачностью. Ему по душе нежная, мягкая палитра красок, отражающая не только главные цвета жизни, но и ее тончайшие переходы из одного качества в другое. Поэт умеет физически ощутимо передавать самые тонкие, едва уловимые движения природы. Иногда кажется, что А. Ередееву недостает страстности, гражданственности, но нельзя не видеть родниковой свежести, неповторимого аромата, живущего в его стихах, нельзя не считаться с природой его поэтического дарования» [История алтайской литературы, 2004, с. 341].

А. Ередеев пришел в литературу в 60-е года XX века, в «период бурной и противоречивой идеологической жизни в стране и в мире в целом, начала борьбы установившегося догматического взгляда на мир и судьбы народов» [История алтайской литературы, 2004, с. 276]. В первом сборнике А. Ередеева «Эзлик» («Завязь») присутствуют все специфические черты алтайской поэзии 60-х годов XX века: в первой части были опубликованы стихотворения, посвященные Ленину, партии, миру во всем мире и людям труда, а вторая – пейзажные зарисовки, воспевание родной земли, посвящения любимой и т.д.

Не случайно название первого сборника поэта связано с одним из основных символов-маркеров Горного Алтая – кедром. *Эзлик* в переводе с алтайского – это «почка кедрового ореха (которая на будущий год будет орехоносной); зародыш кедровой шишки» [Алтайско-русский словарь, 2018, с. 908]. Образ кедра постоянен в алтайской литературе, а в традиционном мировоззрении он связан с такими мифологемами как гора и коновязь. Во-первых, данный образ семантически связан с древнейшей мифологемой мирового дерева, некой оси вселенной, связывающей разрозненные пространственные слои. Во-вторых, в алтайской литературе образ кедра становится

постоянным символом-маркером Алтай, воспринимаемого как территория «своей» земли, обожествляемого и воспеваемого.

Для алтайской лирики XX века характерно присутствие фольклорного мышления, проявленного не только на уровне жанровых форм, но в большей степени в семантическом восприятии и способах отражения окружающего пространства. Еще в начале XX века в известном произведении Г.И. Чорос-Гуркина «Алтай (Плач алтайца на чужбине)» кедр наряду с горой и рекой стал одним из ключевых образов, репрезентирующих мифологический образ Священного Алтая, а в 1960-х годах в своем программном стихотворении «Я горного кедра колючая ветка» лирический герой Б. Укачина позиционирует себя частью своего народа и Алтая. Образ Алтая, который стал центральным в творчестве Г.И. Гуркина, мифологизированный, живой и сакральный, присутствует и в художественном пространстве произведений алтайских писателей второй половины и конца XX века. О программном полотне Г. Гуркина «Хан Алтай», обладающем ярко выраженной национально-специфической символикой, писали: «Восстанавливая многозначную символику образов, можно значительно расширить понимание пейзажного произведения Гуркина, ощутить его национальную специфику. Восприятие очеловеченного кедра, могучего орла и верховного духа идет от визуально-достоверных изображений к своим мифопоэтическим образам. Так, облик Хан-Алтая не имеет явных видимых очертаний и узнается с помощью поэтической метафоры, которая широко известна в народной лирике: «Треуголен ты, Хан-Алтай, когда взглянешь на тебя с высоты» [Куляпин, 2019, с. 46]. Символы-маркеры Алтая присутствуют и в литературных произведениях Г. Гуркина и «в двух очерках Г.И. Чорос-Гуркина “Алтай и Катунь” (1911), “Мой Алтай” (1917)», в которых «река Катунь осмысливается автором как неотъемлемая часть общей мифологической концепции мира, где гора Хан-Алтай задает вертикальную, а великая Катунь – горизонтальную систему координат» [Худенко, 2019, с. 105]. Кроме того, как известно, «гора выступает в качестве наиболее распространенного варианта древа мирового» [Мифы народов мира, 1987, с. 313].

Безусловно, молодой поэт А. Ередеев названием своего первого сборника, связав его с зарождающимся кедром, подчеркивает связь своего творчества и с родной землей, и с народом, и с литературными традициями как алтайской, так и мировой культуры. Его литературная судьба могла сложиться по-разному, и творческая эволюция, признание, литературный успех зависели от многих обстоятельств. Об

этом не мог не думать писатель, дав своему первому сборнику стихов очень символичное название.

Образ кедрового дерева в творчестве А. Ередеева становится сквозным. В стихотворении «Унчукпас мѳшкѳ» («Молчаливому кедровому»), к примеру, он перекликается с образом старого мудрого человека, и кедр здесь становится молчаливым свидетелем уходящего времени. «По представлениям южно-сибирских тюрков, все существа иной (природной) сферы выступали в качестве их старших родственников, предков. Это придавало «отношениям» доверительность и теплоту, делало их прочными и подтверждаемыми. Невидимая пуповина родственных отношений связывала общество и природу, что и позволяет нам говорить о мифоэкологичности древнего мировоззрения. Она, разумеется, несводима только к рациональным приемам природопользования и реализуется много шире и значимей – как ощущение соприродности своего бытия» [Традиционное мировоззрение..., 1998, с. 187].

Олицетворение как художественный прием в сочетании с метафорическими параллелями в авторском тексте дают четкую проекцию на человеческий образ: «Продавив землю, сидящие, / Мхом поросшие, тяжелые / Горы молчат» (Ередеев, 1961, с. 55)¹.

Образ кедрового дерева в лирике поэта связан с чистотой, святостью родной земли. К примеру, у него есть такие строки: «Ару мѳштин бѳринен / Айдын чогы сыксылат / Кату кара чачыма / Кандый јакшы тамын јат!» («С ветвей чистого кедрового дерева / Считается лунный свет. / На мои жесткие черные волосы / Как же хорошо капает!») (Ередеев, 2009, с. 19).

Уже в зрелый период своего творчества А. Ередеев написал стихотворение «Кандый да койу, серѳн мѳшсѳ...» («Как-то густо, прохладно и кедрово...»). Хронотоп летней ночи в тайге постоянно появляется в художественной картине мира алтайских писателей, становится неким философским откровением, когда человек наедине с природой осмысливает свое существование. В стихотворении А. Ередеева эта ночь становится неким идеальным состоянием и лирический герой, наслаждаясь летней ночью в горах, понимает, что это момент наивысшего счастья: он дома, в объятиях родной земли, постелившей ему ложе из густых трав. В какой-то момент он вдруг понимает, что находится в колыбели: «Бир сананзам, кабайда јаткамдый, / Бийик тенериге илип салгандый. / Ол дезе јайканат,

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи; перевод наш – М.Д.

жайканат. / Ойгор сыркынду күү томылат (Вдруг подумаю, лежу в колыбели, / Она подвешена к высокому небу / Качается, качается, / Звучит торжественная мелодия» (Ередеев, 2009, с. 85).

В художественном мире А. Ередеева особое место, наряду с другими природными объектами, принадлежит образам птиц. В лирике поэта данные образы связаны, прежде всего, с мифо-фольклорными представлениями алтайцев. В мировоззрении тюркских народов Южной Сибири одним из неоднозначных является образ кукушки. В. Бурнаков отмечает: «В традиционном сознании хакасов образ кукушки был амбивалентен. Она воспринималась в качестве сакральной фигуры, определяющей природные ритмы, которые в свою очередь способствовали зарождению новой жизни. ... Подобные воззрения были присущи и другим тюркским народам Южной Сибири. Так, например, по представлениям тувинцев, кукушка являлась вестником проснувшейся природы, ее первое кукование означало приход лета» [Бурнаков, 2008, с. 305]. В героическом эпосе алтайцев кукушка также является постоянным образом. «Исследователи отмечают, что кукушка является еще символом процветания страны, символом благодатного Алтая, где нет ни зимы, ни лета, и где живет богатырь. Во многих сказаниях встречается устойчивое выражение: *эдил күүги эдип жадар жайы-кыжы билдирбес, кеен Жараш Алтайда* – “в прекрасном Алтае, где (всегда) кукует кукушка, где нет разницы между зимой и летом”» [Муйтуева, 2018, с. 32].

В упомянутом выше стихотворении А. Ередеева «Молчаливому кедру» «через традиционные символы маркеры национального образа мира поэт по контрасту отражает быстротечность времени и образ кукушки, вплетенный в художественную ткань стихотворения, и отсчитывающей время усиливает эффект тревоги. “*Древние кедры, / Накрывшись снегом, / Погрузились в думу, / Разглядывают землю. / Считая время, / Умоляя, умоляя / Кукушка на вершине / Не унимает голоса*”» [История алтайской литературы, 2019, с. 91].

Образ кукушки в алтайской литературе традиционно связан приходом весны, пробуждением природы, наступлением благодатного времени «большого молока». В стихотворении А. Ередеева «Ясқыда» («Весной») читаем: «*Күүк жынкылдада эдип ле жат, / Күүнимди ыраак жылдарга учурат. / Бастыра бойым чечектеп калдым, / Байла, кўзимди сакыйтан турум... / Бу ла ойдо, ырысту тужымда, / Поэзия та менде, та бу жаста!*» («Кукушка звонко кукует и кукует, / Желания мои уносит в далекие годы. / Весь я расцвел, / Наверно, буду ждать свою осень... / В это время, когда я счастлив, / Поэзия то ли во мне, то ли в этой весне!») (Ередеев, 2009, с. 18).

В стихотворении «Күс ле келзе» («Как только приходит осень») через сопоставление образов домашних и диких гусей поэт размышляет о необходимости разрыва своего знакомого пространства и открытии нового и неизведанного. Образ гусей, элегический тон стихотворения, осенняя грусть настраивают на философскую рефлексию о смысле бытия. Автор сравнивает звезды с вереницей улетающих лебедей, которые медленно плывут в бесконечности вселенной, и выстраивает параллели с человеческой жизнью, когда неизведанное влечет в незнакомые дали. Многоточие создает размеренный ритм стихотворения и одновременно подчеркивает недосказанность: *«Словно стая лебедей, звезды мелькая, / Движутся в глубину вечной вселенной. / Надежда в сердце теплится, / Опять зовет в долгую дорогу...»* (Ередеев, 1961, с. 6).

В 1968 году был издан сборник «Яйлунын лириказы» («Яйлинская лирика»), в котором наблюдается углубление семантической образной системы и философского содержания стихотворений. В стихотворении «Көлдөги көбүктер» («Пена на озере») основной является тема мира на земле, переданная через описание ночного озера, наполненного тишиной и покоем. Образы отдыхающего водоема и мирно дремлющего на волнах лебедя переданы через спокойные и мягкие цветовые и звуковые тона, а особая ритмизация строфы выражена в аллитерационной рифме, повторах, многоточиях и целом ряде метафорических аллюзий, поддерживающих гармоничную и спокойную тональность: *«На этом отдыхающем озере / Тихо-тихо гаснет пена... / На этом подернутом рябью озере, / Лебедь, качаясь, смотрит сны»* (Ередеев, 1968, с. 9).

Образ пенных пузырей на озере в стихотворении А. Ередеева становится антиподом сотрясающих планету ядерных взрывов, а умиротворенная картина ночного озера проецируется на всю планету через метафору кружащегося озера: *«Айланьп жаткан бу көлдө / Араай-Араай көбүктер жарызын! / Анагаи куу бу суда / Амыр-энчү жүзүп жүрзин!»* («На кружащемся озере, / Пусть пузыри бесшумно лопаются! / Белоснежный лебедь на этой воде / Пусть спокойно плавает!») (Ередеев, 1968, с. 9).

Лирический герой все чаще задумывается о быстротечности жизни и необратимости ушедшего времени. Центральным образом в этом сборнике стала осень, которая в авторской рецепции репрезентируется амбивалентно: это, во-первых, пора увядания, но в то же время для него она – и период зрелости, когда наступает этап подведения итогов и переоценки ценностей. Эта двойственность в философской рефлексии бытия часто у поэта проявляется в дуальности

образной составляющей. К примеру, в стихотворении «Кызыл чечек» («Красный цветок») присутствует контрастное изображение противоположных понятий: тепло и холод, север и юг, снег и тропическая жара, противопоставляются свое и другое («чужое») пространство: мороз вздыхает о тепле, а неизбежность и естественность извечного отрицания становится основополагающей философской концепцией автора.

Характерной чертой поздней лирики А. Ередеева становится тревожная экологическая тема. В своей автобиографии в 1996 году он писал: «Сегодня перед нами стоят серьезные и острые вопросы о состоянии природы. Все больше человек теряет с ней связь. Это может нанести огромный вред всей планете. В моем творчестве это особое направление» (Алтайские писатели, 2001, с. 147). Впервые с тотальным губительным отношением к природе А. Ередееву пришлось столкнуться еще в 1960-х годах. Школа, в которой он работал учителем начальных классов с момента основания, работала недолго, наступили новые времена, у колхозников не стало работы и они стали переезжать. Когда-то процветающий Дьайлу остался в запустении, кроме того, в этих местах, прокладывая дорогу, вырубили деревья, что нанесло огромный вред заповедной природе.

В сборнике «Кöзимнин чогы» («Свет мох глаз»), изданном в 1983 году, в стихотворениях «Жериме келеле...» («На родной земле»), «Төрөл суула куучын» («Разговор с родной рекой»), «Jetкердин топчызы» («Кнопка тревоги»), «Эликке туштайла» («Встретив косылу») и др. выражена тревога за судьбу своей родины, за планету как за общий дом. Если в ранних произведениях автора данная тема звучала как возможная угроза всему живому от атомной энергии, от ядерного взрыва, то в поздней лирике лирический герой видит трагические последствия именно от деяний человека, от его бездумного отношения к окружающей его природе.

Стихотворение «Төрөл суула куучын» («Разговор с родной рекой») построено в форме диалога. Лирический герой в своем монологе, озаглавленном «Менинг комьдалым» («Моя жалоба»), обращается к реке, которая ему, в свою очередь, отвечает своим монологом – «Мать-река». В данном произведении, при всей экологической катастрофичности ситуации, нет отчаяния и обреченности: пусть бездумная вырубка лесов поменяла русло матери-реки, однако, автор подчеркивает – еще возможно восстановление былой ее силы, еще вырастут на ее берегах новые деревья. *«Не горюй и не тоскуй, / Будет и новое поколение. / Разве оскудеет земля Алтай? / Найдется и из этого спасение. / Время, время движется / Со мною*

вместе. / Любовь молодых / Придет и на мои берега» (Ередеев, 1983, с. 12).

Одним из самых известных произведений А. Ередеева является сказка для детей «Ажудагы балыктар» («Рыбки на перевале»). Уже в названии произведения заложена основная идея автора, для интерпретации смыслового значения которой важна расшифровка ключевых образов – «рыба» и «перевал». Образ рыбы, как в романе Рут Озеки «Моя рыба будет жить», «амбивалентен, символизирует жизнь и смерть одновременно: рыба живуча в воде, но быстро погибает «на воздухе», поэтому грань между жизнью и смертью рыбы очень тонка» [Ан, Изотова, 2019, с. 129]. Перевал же здесь становится символической чертой, которая «понимается как некий рубеж, середина пути, преодоление самой трудной его части» [Дедина, 2018, с. 220].

Рассказ А. Ередеева представляет собой иносказание, которое, прочитывается как нравственно-философский трактат. В основе сюжета – экологическая тема загрязнения водоема техническими отходами, из-за чего существование рыбы становится невозможным. Здесь описываются и смелость, и надежда на лучшую жизнь, и ответственность перед коллективом. Во-первых, начинается сказка с удивления: непривычно тихо сегодня на озере, а все потому, что все рыбки собрались на дне озера для обсуждения назревавшей давно проблемы (это так напоминает колхозные собрания) и на повестке один единственный важный вопрос – дальнейшее существование рыб в их естественной среде обитания, постоянно загрязняемой двуногими существами (людьми). Во-вторых, в данном произведении через обращение к образам рыб писатель метафорически размышляет о смене человеком привычного образа жизни, о разрыве раз и навсегда проторенного круга и возможности другого существования, о том, что не стоит бояться перемен и двигаться навстречу новому и неизведанному. В-третьих, в произведении, безусловно, затрагивается очень болезненная тема бездумного отношения к окружающей среде и экологическая проблема загрязнения водоемов [История..., 2019, с. 112].

Впервые эта тема у А. Ередеева возникла в стихотворении «Јериме келеле...» («На родной земле»), где возникают две радуги: на воде вдруг лирический герой видит радужные разводы бензиновых пятен, которые уничтожили рыб с радужными плавниками. В отчаянии закликает он человека, напоминает ему, что для будущих поколений нужно сохранить первозданность природы, дать своим детям возможность постоять с удочкой у края чистой воды.

Суунын үстінде жааштын
солонгызы

Сүүнчи жайып жажына турзын!

(Ередеев, 1983, с. 11).

Пусть над водой дождевая
радуга,

Вечно стоит, на радость всем!

В творчестве А. Ередеева постоянным становится герой-писатель, а его произведения часто написаны от первого лица. Особого внимания у А. Ередеева к теме поэта и поэзии не было, однако в его понимании пишущий творческий человек видит, понимает и чувствует немного больше, чем другие. К примеру, в лирическом коротком рассказе «Тогус жаны ай жараш...» («Красива луна на девятый день после новолуния...») автор-рассказчик погружает читателя в удивительный, загадочный мир летней лунной ночи, когда все погружено в спокойную дремоту. «*Лунная ночь. Ее синеватый туман, похожий на молоко, наполнил село. Сверкает натянутая с дерева на дерево паутина. Где-то под зеленым листочком видно, как течет, сияя, ручеек. Сонный комарик стих среди мягкой травы*» (Ередеев, 1966, с. 49).

И в этой завораживающей тишине герой-рассказчик фокусирует свой взгляд то на одной, то на другой фигуре. Вот он видит, что из своего аила выглядывает старая женщина, которая, удивившись столь яркой луне, восклицает, что в такую лунную ночь хорошо валять шерсть. С тем, что ночь чудесная, соглашается старик, вышедший за ней из аила, однако для него в такое время хорошо сидеть в тайге, поджидая зверя. Внимание повествователя переносится на поляну около фермы, где появляются фигуры влюбленных. Вновь все стихает и в этой волшебной тишине вдруг, как это часто у А. Ередеева, возникает песня. Возможно, предполагает рассказчик, это поет молодая чабанка, возвращающаяся домой с работы. Мелодия песни будто бы качается на волнах этого лунного сияния и автор-рассказчик восклицает: «*Это какая волшебная и красивая песня! Слова ее проникают мне в душу, словно серебряные капли проникают мне в сердце. Как же сегодня можно уснуть? Сегодня один человек в глубокой грусти, другой – от счастья поет, третий бесцельно бродит. Я же сегодня пишу стихи. Слова стихов, сверкая, капают и капают на бумагу...*» (Ередеев, 1966, с. 41).

В рассказе «Сыгыннын үни» («Голос марала») из одноименного сборника автора также узнаваем образ поэта, творческого человека. Повествование вновь ведется от первого лица. Перед нами раскрывается картина осеннего леса, погруженного в спокойное самосозерцание, ощущение которого усиливается и усталостью рассказчика, и бесконечным листопадом, и грустью от взгляда на

оголенные ветки берез. Реальное пространство, описанное с романтической патетикой, сменяется хронотопом другого, сказочно-идиллического, и герой погружается в сладкую дремоту. Через множество метафорических сравнений автор рисует удивительную романтически-приподнятую картину, когда голос марала становится воплощением чудесного дара, пробуждающего в человеке глубинные, самые сокровенные тайники души. *«Мне показалось, что этот волшебный голос раскрывает передо мной спокойную красоту родной земли. Почему-то в этот миг я подумал о длинном-длинном пути пусть и немногочисленного своего народа, который ходил по этим полянам, наживал и сохранял свое богатство. В этом шестигранном продолжительном звуке есть нерв мысли и дум. Кто его может почувствовать – быть может прославленный кайчи или великий певец»* (Ередеев, 1966, с. 4).

Внезапно романтическое волшебное наваждение пропадает, лирический герой вдруг понимает, что он охотник, который должен принести мясо своим детям, которые ждут его с добычей дома. Деревянный амыргы¹ героя, при всем старании изобразить похожий на голос марала звук, неожиданно издает неестественный и фальшивый крик: *«Желая повторить пронзительный голос марала, я неожиданно для себя издал какой-то странный звук. Тьфук, на поляне только раздался торпливый стук копыт. Я побежал в сторону этого звука и увидел, как через поляну летит с шестигранными рогами марал. Даже не оглянувшись на то место, откуда раздался отвратительный крик, он скрылся за хребтом»* (Ередеев, 1966, с. 4).

Данное произведение для А. Ередева во многом стало метафорой литературного творчества, философским размышлением о смысле писательского труда. Эта идея писателя раскрывается в финале рассказа. Во-первых, герой расстроен тем, что он упустил добычу, которая, казалось бы, была уже совсем рядом. Во-вторых, он думает: *«Слышал я или нет народную пословицу, которая гласит, что «Люди не поверят твоим словам, которые исходят не из сердца», но сегодня я, попытавшись издать звук, исходящий из сердца, напугал, отогнал таким образом удивительно красивого марала»* (Ередеев, 1966, с. 5). Марал в данном контексте становится символом естественного природного воплощения красоты и величия, в том числе и символом литературного успеха, божественного дарования. Это чувство усиливается образом осеннего леса и листопада, который как бесконечная вереница дней погружает, затягивает в себя. *«Заметенный*

¹ Амыргы – манок (для приманивания маралов).

осенней листвою, скользя по шелестящим листьям, грустный возвращаюсь я домой. Дети, ожидая меня с добычей, прибежали навстречу. Ничего, хоть я и не принес жирных почек, но услышав красивый голос марала, я принес в сердце неувядающую родную поэзию...» (Ередеев, 1966, с. 5).

Для А. Ередеева источником творческого вдохновения становится сама природа, однако изображаемое должно непременно пройти через чувствительное сердце, готовое открыться красоте, понять и воспринять удивительный и чудесный мир, полный неведомых тайн. В произведениях А. Ередеева основным становится лирическое и лиро-философское осмысление человеческого существования, о котором автор размышляет в пейзажных зарисовках. В рассказе-миниатюре «Солоны» («Радуга») присутствует философское раздумье о бытии человека на Земле. *«Через тайгу протянута очень красивая яркая радуга. Один конец свой она опустила прямо в воду. На волне разноцветные ниточки натянувшись, расстепались. Другой конец зацепился за верхушку кедра. / В этот момент, когда я посмотрел на свой Алтай, он словно колыбель на разноцветных шелковых веревочках. Ее словно привязали к небу, и она тихо-тихо раскачивается. / Я же, словно ребенок, который лежит в ней и, гуляя, с удивлением рассматривает небо и землю»* (Ередеев, 1966, с. 47).

В 1998 году А. Ередеев издает очередной сборник своих новых произведений «НЛО по Айлан» («НЛО и Айлан»). Название сборника поражает читателя необычностью и загадочностью, и обращение писателя к фантастическому сюжету становится лишь средством выражения традиционных для него базовых философских ценностей. Основным центральным камертоном произведения является тема человека и природы. Фантастический сюжет является для писателя средством изображения идеального и гармоничного мира единения человека и природы. Автор подчеркивает, что только дети с их чистой душой способны органично сливаться и сосуществовать с природным миром. Айлан идеализирован автором, поэтому, по мысли автора, пришельцы именно его выбирают для взаимодействия с землянами. Он уже не ребенок и еще не взрослый, однако в таких как Айлан автор видит надежду на будущее человечества.

Таким образом, в произведениях А. Ередеева основной составляющей авторской художественной картины является особая образность, основанная на отражении всех тонкостей природного начала и постижение средств и способов взаимодействия с ней человека. Основные лейтмотивные линии, доминантой прозвучавшие в его раннем творчестве, не только не изменились, но были усилены и

углублены в поздних произведениях писателя. Центральным героем произведений А. Ередеева становится ребенок, который познает законы природы и гармонично сливается с ней. Учитывая, что А. Ередеев позиционировал себя как детский писатель, в его произведениях сильно дидактическое начало. Идеальный герой для писателя – это человек, любящий и уважающий себя и окружающий его мир, знающий законы природы и никогда их не нарушающий. Писатель сам бесконечно познавал природный мир, изучал его, восхищался и преклонялся. По мысли автора, именно человек пишущий обладает тонкой и чувствительной натурой, острым зрением и слухом, без которых невозможно понять все загадочное многообразие, величие и красоту окружающей его такой удивительной и многообразной действительности.

Литература

- Ан С.А., Изотова Я.П. О вечном и временном: семантика заглавия романа Рут Озеки «Моя рыба будет жить» // Филология и человек. 2019. № 1. DOI: 10.14258/filichel(2019)1-11
- Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2018.
- Бурнаков В.А. Образ кукушки в мифо-поэтической и ритуальной традиции хакасов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том: 14. 2008.
- Дедина М.С. Актуализация мифологемы «родная земля» в алтайской литературе второй половины XX века // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2017. Вып. 7. История алтайской литературы. Книга 1. Горно-Алтайск, 2004.
- История алтайской литературы. Книга 3. Литературные портреты. Горно-Алтайск, 2019.
- Куляпин А.И. Образ Алтая в рассказе В. Бианки «Она» // Филология и человек. 2019. № 2. DOI: 10.14258/filichel(2019)2-04
- Маточкин Е.П. Визуальные образы фольклора в творчестве художников Горного Алтая // Сибирский филологический журнал. 2009. № 4.
- Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х тт. М., 1987. Т. 1.
- Муйтуева И.Н. Образ птиц в традиционной культуре алтайцев // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. М. 2018. № 1-2.
- Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990.
- Худенко Е.А. Реки Алтая в отечественной литературе XX – XXI вв.: мифопоэтика и символика // Филология и человек. 2018. № 3.

Список источников

- Алтайские писатели. Юбилейные материалы и автобиографии. Горно-Алтайск, 2001.
- Ередеев А.Я. Эзлик (Завязь). Горно-Алтайск, 1961.
- Ередеев А.Я. Сыгынныг уни (Голос марала). Горно-Алтайск, 1966.

- Ередеев А.Я. НЛО ло Айлан (НЛО и Айлан). Горно-Алтайск, 1998.
 Ередеев А.Я. Жайлунын лирикасы (Жайлинская лирика). Горно-Алтайск, 1968.
 Ередеев А.Я. Көзимниң чогы (Свет моих глаз): Стихи и поэмы. Горно-Алтайск, 1983.

References

- An S.A. Izotova Ya.P. *O vechnom i vremennom: semantika zaglaviya romana Rut Ozeki «Moya ryba budet zhit»* [On the Eternal and Temporary: the Semantics of the Title of the Novel by Ruth Ozeka «My fish will live»]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2019. № 1. DOI: 10.14258/filichel(2019)1-11
- Altaysko-russkiy slovar* [Altai-Russian Dictionary]. Gorno-Altaysk, 2018.
- Burnakov V.A. *Obraz kukushki v mifo-poeticheskoy i ritual'noy traditsii khakasov* [The Image of a Cuckoo in the Mythological, Poetic and Ritual Tradition of the Khakass]. *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 14. 2008.
- Dedina M.S. *Aktualizatsiya mifologemy «rodnaya zemlya» v altayskoy literature vtoroy poloviny XX veka* [The Actualization of the Mythology «Native Land» in Altai Literature of the second half of the twentieth century]. *Altayskiy tekst v russkoy kul'ture* [Altai Text in Russian Culture]. Barnaul, 2017. Iss. 7.
- Istoriya altayskoy literatury* [History of Altai literature]. Gorno-Altaysk, 2004.
- Istoriya altayskoy literatury* [History of Altai literature]. Gorno-Altaysk, 2019.
- Matochkin E.P. *Vizual'nye obrazy fol'klora v tvorchestve khudozhnikov Gornogo Altaya* [Visual Images of Folklore in the Works of Artists of the Altai Mountains]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Philological Journal]. 2009. No. 4.
- Mify narodov mira*. [Myths of the Peoples of the World]. In 2 vols. Moskva, 1987. Vol. 1.
- Muytueva I.N. *Obraz ptits v traditsionnoy kul'ture altaytsev* [The Image of Birds in the Traditional Culture of Altai]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice]. Moskva, 2018. No. 1-2.
- Sagalaev A.M., Oktyabr'skaya I.V. *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Znak i ritual* [The Traditional Worldview of the Turks of Southern Siberia. Sign and Ritual]. Novosibirsk, 1990.
- Hudenko E.A. *Reki Altaya v otechestvennoy literature XX – XXI vv.: mifopoetika i simbolika* [Altai Rivers in Russian Literature of the 20th – 21st centuries: Mythopoetics and Symbolism]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2019. No. 2.

List of sources

- Altayskie pisateli. Yubileynye materialy i avtobiografii* [Altai writers. Anniversary Materials and Autobiographies]. Gorno-Altaysk, 2001.
- Eredeev A.Ya. *Ezlik (Zavyaz')* [Ovary]. Gorno-Altaysk, 1961.
- Eredeev A.Ya. *Sygyynyр jini (Golos marala)* [Maral's Voice]. Gorno-Altaysk, 1966.
- Eredeev A.Ya. *NLO lo Aylan* [NLO and Aylan]. Gorno-Altaysk, 1998.
- Eredeev A.Ya. *Jaylunyr lirikazy (Yaylinskaya lirika)* [Lyrics of Yailu]. Gorno-Altaysk, 1968.
- Eredeev A.Ya. *Közimniң chogy (Svet moikh glaz)* [The Light of My Eyes]. Gorno-Altaysk, 1983.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

«ЯЗЫК ВРАЖДЫ» КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА И КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН (теоретическое обоснование перспектив исследования)¹

Е.Н. Василенко

Ключевые слова: «язык вражды», враждебность, вербализация враждебности.

Keywords: hate speech, hostility, verbalization of hostility.

DOI 10.14258/filichel(2019)4-11

Изучение «языка вражды» в мировой гуманитаристике началось в середине XX века одновременно в разных отраслях науки. Так, в своей революционной книге 1954 года «Природа предубеждения» американский психолог Г. Олпорт рассматривает антилокуцию, понимаемую автором как вербальное отвержение и по сути являющуюся тождественной современному понятию «язык вражды», как первый шаг к физическому насилию, вплоть до истребления дискриминируемой группы [Allport, 1966, p. 14–15].

Наиболее широкое освещение в научных исследованиях феномен *hate speech* получил в последние два десятилетия: в настоящее время к исследованию «языка вражды» обращаются политологи, правоведы, лингвисты, культурологи и другие представители гуманитарных наук по всему миру. Очевидно, что сложность самого явления обуславливает необходимость комплексного междисциплинарного подхода к его изучению.

Например, в работе венгерского лингвиста Д. Боромиса-Хабашхи [Boromisza-Habashi, 2013] *hate speech* рассматривается через призму

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г19М–127.

культурного подхода, а в исследовании американского правоведа К.У. Сондерса [Saunders, 2011] прослеживается взаимосвязь между непристойностью и «языком вражды»: автор выстраивает правовую траекторию деградации, путь которой начинается с изображений порнографического характера и ведет к «языку вражды». На пагубные последствия использования «языка вражды» обращается внимание в исследованиях ученых всего мира (см. [Mazid, 2012], [Waldron, 2012], [Aguilera-Carnerero, Azeez, 2016], [Ramdev et al., 2016] и др.). Законодательные меры регулирования «языка вражды» в различных демократических государствах освещаются в трудах европейских и американских исследователей (см. [Gould, 2005], [Hare, Weinstein, 2011], [Janssen, 2015], [Assimakopoulos et al., 2017] и др.). Связь «языка вражды» с теорией речевых актов Дж.Л. Остина подчеркивается во многих лингвистических и правоведческих работах (см. [Haiman, 1993], [Lakoff, 2000], [Gelber, 2002] и др.).

В России закрепление «языка вражды» в качестве самостоятельного объекта научного исследования произошло в начале 2000-х годов, о чем свидетельствует появление кандидатских и докторских диссертационных исследований по социологии, истории, политологии, педагогике, журналистике и языкознанию (см. [Колосов, 2004], [Малькова, 2006], [Белякова, 2007], [Денисова, 2009], [Евстафьева, 2009], [Шур, 2010], [Исаева, 2011], [Суслова, 2012], [Хроменков, 2016] и др.). Отдельно стоит отметить исследования в России «языка вражды» как социального явления. В коллективных публикациях под редакцией А.М. Верховского [Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ, 2002], [Язык вражды против общества, 2007] и других исследователи рассматривают манифестацию враждебности в российских СМИ по признакам этнической, религиозной и другой социальной принадлежности.

Основной интерес для российских ученых представляет вербализация враждебности в отношении отдельных этнических групп населения, что, несомненно, обусловлено многонациональным составом населения России. Однако, как отмечает П.Н. Хроменков, в настоящее время наблюдается «расширение парадигмы толерантности в социально-гуманитарных исследованиях, ее распространение на самые разные сферы жизни общества и социальной коммуникации» [Хроменков, 2016, с. 67], что вызывает интерес к изучению «языка вражды» в различных сферах, например, в сфере гендерных отношений.

Анализ деятельности журналистов находится в фокусе внимания и белорусских исследователей. Например, в статье А.А. Кирдун и А.В. Андреевой на материале медиатекстов на русском и белорусском языках охарактеризованы основные стратегии и тактики, через которые в речи проявляется враждебность [Кирдун, Андреева, 2017]. В рамках кампании, направленной на повышение социальной ответственности белорусских журналистов, изучением текстов, содержащих «язык вражды», занимаются представители правозащитной инициативы «Журналисты за толерантность» [Инициативная группа, 2017].

Не вызывает сомнений, что на сегодняшний день «язык вражды» представляет собой серьезную проблему, что и обуславливает интерес к нему со стороны не только специалистов в области права и лингвистики, но и общества в целом. Дебаты о необходимости запрета форм «языка вражды» не угадают по всему миру: противники такого рода законов провозглашают приоритет свободы слова [Hare, Weinstein, 2011], а сторонники утверждают, что свобода слова – это свобода оскорблять [Padmanabhan, 2016, p. 3]. Однако несмотря на то, что во многих исследованиях данный феномен рассматривается именно с правовой точки зрения, очевидно, что «язык вражды» – это не только юридическое, но и повседневное понятие [Brown, 2017, p. 422].

Как и любой другой общественный феномен, «язык вражды», с одной стороны, имеет определенные предпосылки для возникновения и функционирования, а с другой – сам предопределяет развитие общества. Например, Дж.Б. Гулд отмечает, что сам факт начала регулирования «языка вражды» в ряде образовательных учреждений Америки в 1990-х годах свидетельствовал об определенных правовых, политических и социальных процессах в обществе [Gould, 2005, p. 2]. С. Госх пишет, что в Южной Азии дебаты о правовом регулировании «языка вражды» приобрели заметный характер в течение последних двух десятилетий с появлением правых движений, которые жестоко преследовали отдельные религиозные или этнические сообщества [Ghosh, 2016, p. 55]. Реплика египетского лингвиста Б.-Е.М. Мазиды о том, что некоторые группы населения (в исследовании их называют «мишенями»), подвергающиеся «языку вражды» из-за их сексуальной ориентации, не упоминаются в работе по очень серьезным культурным причинам [Mazid, 2012, p. 2], или замечание М. Падманабхана о запретах в Индии «неудобных» книг и фильмов с отсылкой к разжиганию розни [Padmanabhan, 2016, p. 5] лишь подтверждают важность борьбы с «языком вражды» в современном мире.

«Язык вражды» может быть направлен на совершенно разные группы населения, выделяемые «по признаку расы, происхождения, национальной или этнической принадлежности, возраста, инвалидности, языка, религии или убеждений, пола, гендера, гендерной идентичности, сексуальной ориентации и других личных характеристик или статуса» [Общеполитическая рекомендация, 2016, с. 5]. Приведенный список наглядно демонстрирует, что «язык вражды» всегда базируется на историческом стереотипе о более низком статусе той или иной группы [Lakoff, 2000, p. 101] и тем самым по сути представляет собой «акт, отсылающий к предыдущим актам и требующий повторения в будущем» (здесь и далее перевод наш. – Е.В.) [Butler, 1997, p. 20], «цитату, сила которой определяется ее предыдущим использованием, что делает эмоциональный эффект от языка вражды непрерывным» [Ramdev et al., 2016, p. Xli]. Дж. Уолдрон отмечает, что использование языка вражды не только способствует дискриминации и насилию, но и пробуждает реальные кошмары о том, каким было то или иное общество в прошлом. При этом язык вражды «представляет собой что-то вроде экологической угрозы социальному миру, своего рода медленно действующий яд, накапливающийся здесь и там, слово за словом, так что в конечном итоге даже добросердечным членам общества становится все труднее и менее естественно поддерживать общественное благо» [Waldron, 2012, p. 4].

Для представителей социальной группы, которая подвергается постоянным языковым атакам, использование «языка вражды» равносильно нападению [Saunders, 2011, p. 2], они более чувствительны к разного рода проявлениям враждебности, так как хранят коллективную память [Lakoff, 2000, p. 108]. В связи с этим, несмотря на то что «язык вражды» наносит вред и тому, кто его употребляет [Delgado, Stefancic, 2004, p. 18], представителям атакующей группы сложно оценить его последствия для группы угнетаемой.

Вред, причиняемый «языком вражды» обществу в целом, сложно преувеличить, однако Р. Дельгадо и Дж. Стефансис отмечают, что наиболее опасные последствия характерны для «языка вражды», направленного на одного конкретного человека (адресант может быть при этом индивидуальным или коллективным). В этом случае, помимо психологических и экономических, могут наблюдаться даже физические последствия, вплоть до самоубийства [Delgado, Stefancic, 2004, p. 13].

Из всего вышесказанного следует, что изучение «языка вражды» как социально опасного явления не случайно попадает в сферу

интересов правоождения. Связь между законодательством и речевой деятельностью человека заключается, в первую очередь, в том, что закон не является внешним фактором по отношению к речи, а сама речь не обладает привилегией демонстрации свободы: «закон и речь едины в тот самый момент, когда называют субъект субъектом и вводят его в общество, делая его видимым для других» [Ramdev et al., 2016, p. xl].

Позиция международного сообщества относительно вербализации или иной манифестации враждебности по отношению к представителям той или иной социальной группы подтверждается принятием международных соглашений, направленных на ограничение использования «языка вражды».

Право на свободу слова закреплено в статье 19 «Всеобщей декларации прав человека»: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ» [Всеобщая декларация, URL]; и статье 19 «Международного пакта о гражданских и политических правах», принятого Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в 1966 году: «1. Каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений. 2. Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору» [Международный пакт, URL].

В части 3 той же статьи подчеркивается, что данное право имеет определенные ограничения для уважения прав и репутации других лиц, а также для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения. В ст. 20 предусматривается, что «всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом» [Международный пакт, URL].

Европейское сообщество также приняло меры касательно «языка вражды». В 1997 году Комитет министров Совета Европы, отмечая возрождение расизма, ксенофобии и антисемитизма, но также признавая важность свободы выражения мнений, рекомендовал правительствам государств-членов принять меры по борьбе с «языком

вражды» [Recommendation, 1997]. На современном этапе, по словам профессора права А. Цесиса, введение уголовных законов, запрещающих публичное распространение дискриминационных высказываний, является общей тенденцией демократических государств по всему миру, а в число стран, которые приняли законы о наказании за распространение «языка вражды», входят Австралия, Австрия, Бельгия, Бразилия, Канада, Кипр, Дания, Англия, Франция, Германия, Индия, Израиль, Италия, Швеция, Швейцария, и другие страны [Tsesis, 2009, p. 521]. При этом, по утверждению Э.Х. Янссен, в европейских странах закон, как правило, требует менее строгой связи между речью и последующим поведением, чем американская доктрина [Janssen, 2015, p. 29]. Однако исследовательница отмечает, что различные международные и европейские правовые документы используют разные определения «языка вражды» и имеют различную нормативную силу в национальных правовых системах. Уже по этой причине международный и европейский закон о правах человека едва ли может рассматриваться в качестве последовательной и непротиворечивой основы для установления ограничений в использовании «языка вражды» [Janssen, 2015, p. 166].

Таким образом, одним из ключевых факторов, обуславливающих функционирование «языка вражды» в современном обществе, является недостаток юридических санкций за его использование, что связано не только с незакрепленностью термина в нормативных правовых документах большинства стран, но и с отсутствием его общепринятой дефиниции (подробнее см. [Василенко, 2019]) и единой классификации языковых фактов, попадающих под данное определение. Несомненно, представленный обзор публикаций, затрагивающих проблематику «языка вражды», не является исчерпывающим: их количество возрастает с каждым днем, что демонстрирует глобальность и значимость данного явления в современном мире, а значит и необходимость его всестороннего изучения. В целом можно выделить три основные проблемы, которые исследователи освещают в своих работах: причины возникновения и последствия использования «языка вражды» как социального феномена, правовой статус «языка вражды» в законодательстве на различных уровнях и отсутствие в современной гуманитарной науке единой дефиниции самого термина.

Литература

Белякова Е.А. Конструирование этнической идентичности в современной России: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2007.

Василенко Е.Н. «Язык вражды»: к определению термина // Романовские чтения – 13. Могилев, 2019.

Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 нояб. 1948 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

Денисова А.В. Дискурсивный аспект исследования лингвистической экспертизы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2009.

Доронина С.В. Речевая агрессия как источник правонарушений // Филология и человек. 2016. № 2.

Евстафьева А.В. «Язык вражды» в средствах массовой информации: лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009.

Инициативная группа «Журналисты за толерантность» [Электронный ресурс]. URL: <https://j4t.by>

Исаева З.Ш. Категория толерантности и ее роль в научной и политической коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2011.

Кирдун А.А., Андреева А.В. Язык вражды в современной массовой коммуникации Беларуси // Вестн. Минск. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1. Филология. 2017. № 6 (91).

Колосов С.А. Конструирование социальной ненависти в дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004.

Малькова В.К. Этничность и толерантность в средствах массовой информации: опыт исследования современной российской прессы: автореф. дис. ... док. ист. наук. М., 2006.

Международный пакт о гражданских и политических правах: принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 дек. 1966 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml

Общеполитическая рекомендация № 15 «О борьбе с языком ненависти»: принята Европейской комиссией по борьбе с расизмом и нетерпимостью 8 дек. 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/ecri-general-policy-recommendation-no-15-on-combating-hate-speech-russ/16808b5b07>

Сулова М.Н. Влияние политических условий на динамику ксенофобии в России и США: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2012.

Хроменков П.Н. Лингвопрагматика конфликта: исследование методом количественного контент-анализа: дис. ... док. филол. наук. М., 2016.

Чернышова Т.В. Судебная лингвистическая экспертиза: Аналитико-экспертная деятельность филолога-практика. Примерная программа профессиональной переподготовки педагогических работников общеобразовательных организаций // Филология и человек. 2015. № 2.

Шур А.М. Формирование толерантного коммуникативного поведения у будущих журналистов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2010.

Язык вражды против общества. М., 2007.

Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М., 2002.

Aguilera-Carnerero C., Azeez A.H. 'Islamonausea, not Islamophobia': the Many Faces of Cyber Hate Speech // Journal of Arab & Muslim media research. 2016. Vol. 9. No. 1.

Allport G.W. The Nature of Prejudice. Reading, Massachusetts, 1966.

Assimakopoulos S., Baider F.H., Millar S. Online Hate Speech in the European Union: a Discourse-analytic Perspective. Springer, 2017.

Boromisza-Habashi D. Speaking Hatefully: Culture, Communication, and Political Action in Hungary. Pennsylvania, 2013.

Brown A. What is Hate Speech? Part 1: The Myth of Hate // Law and Philosophy. 2017. № 36 (4).

- Butler J. *Excitable Speech: a Politics of the Performative*. New York, 1997.
- Delgado R., Stefancic J. *Understanding Words that Wound*. New York, 2004.
- Gelber K. *Speaking Back: the Free Speech vs Hate Speech Debate*. Amsterdam; Philadelphia, 2002.
- Ghosh S. *The Alchemy of Hate and Hurt // Sentiment, politics, censorship: the state of hurt*. New Delhi [etc.], 2016.
- Gould J.B. *Speak No Evil: the Triumph of Hate Speech Regulation*. Chicago; London, 2005.
- Haiman F.S. «Speech acts» and the First Amendment. Carbondale, 1993.
- Hare I., Weinstein J. (eds.) *Extreme Speech and Democracy*. Oxford [etc.], 2011.
- Janssen E.H. *Faith in Public Debate: on Freedom of Expression, Hate Speech and Religion in France and the Netherlands*. Cambridge, 2015.
- Lakoff R.T. *The Language War*. Berkeley [etc.], 2000.
- Mazid B.-E.M. *HateSpeak in Contemporary Arabic Discourse*. Newcastle upon Tyne, 2012.
- Padmanabhan M. *How Far Can You Go? // Sentiment, politics, censorship: the state of hurt*. New Delhi [etc.], 2016.
- Ramdev R., Nambiar S.D., Bhattacharya D. *Sentimental Sovereignities: Hurt and the Political Unconscious // Sentiment, politics, censorship: the state of hurt*. New Delhi [etc.], 2016.
- Recommendation no. R (97) 20 of the Committee of Ministers to member states on «hate speech»: adopted by the Committee of Ministers on 30 Oct. 1997. Strasbourg, 1997.
- Saunders K.W. *Degradation: What the History of Obscenity Tells Us about Hate Speech*. New York; London, 2011.
- Tsesis A. *Dignity and Speech: the Regulation of Hate Speech in a Democracy // Wake Forest law review*. 2009. Vol. 44.
- Waldron J. *The Harm in Hate Speech*. Cambridge, MA; London, 2012.

References

- Belyakova E.A. *Konstruirovaniye etnicheskoy identichnosti v sovremennoy Rossii* [The Construction of Ethnic Identity in Modern Russia]. Abstract of Sociol. Cand. Diss. Saratov, 2007.
- Vasilenko E.N. «*Yazyk vrazhdy*»: k opredeleniyu termina [«Hate speech»: To the Definition of the Term]. *Romanovskie chteniya – 13*. [Romanov readings – 13]. Mogilev, 2019.
- Universal Declaration of Human Rights*: adopted on November 10, 1948 by the United Nations General Assembly. (Russ. ed.: *Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka*: prinyata General'noy Assambleey OON 10 noyab. 1948 g. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml).
- Denisova A.V. *Diskursivnyy aspekt issledovaniya lingvisticheskoy ekspertizy* [The Discursive Aspect of the Study of Linguistic Expertise]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Krasnodar, 2009.
- Doronina S.V. *Rechevaya agressiya kak istochnik pravonarusheniy* [Verbal Aggression as a Source of Offences]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2016. No. 2.
- Evstaf'eva A.V. «*Yazyk vrazhdy*» v sredstvakh massovoy informatsii: lingvisticheskie i ekstralingvisticheskie faktory funkcionirovaniya [«Hate Speech» in the Media: Linguistic and Extralinguistic Factors of Functioning]. Cand. of Philol. Diss. Tambov, 2009.
- Iniitsiativnaya gruppa «Zhurnalisty za tolerantnost'»* [Initiative group «Journalists for Tolerance»]. URL: <https://j4t.by>
- Isaeva Z.Sh. *Kategoriya tolerantnosti i ee rol' v nauchnoy i politicheskoy kommunikatsii* [The Category of Tolerance and Its Role in Scientific and Political Communication]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Sankt-Peterburg, 2011.
- Kirdun A.A., Andreeva A.V. *Yazyk vrazhdy v sovremennoy massovoy kommunikatsii Belarusi* [Hate Speech in the Mass Communication of Belarus]. *Vestnik Minskogo*

gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya 1. Filologiya. [Minsk State Linguistic University Bulletin, Series 1. Philology]. 2017. No. 6 (91).

Kolosov S.A. *Konstruirovanie sotsial'noy nenavisti v diskurse* [Construction of Social Hatred in Discourse]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Tver', 2004.

Mal'kova V.K. *Einichnost' i tolerantnost' v sredstvakh massovoy informatsii: opyt issledovaniya sovremennoy rossiyskoy pressy* [Ethnicity and Tolerance in the Media: The Experience of Studying the Contemporary Russian Press]. Abstract of Hist. Doct. Diss. Moskva, 2006.

International Covenant on Civil and Political Rights: adopted on December 16, 1966 by the United Nations General Assembly. (Russ. ed.: *Mezhdunarodnyy pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh*: prinyat General'noy Assambleey OON 16 dek. 1966 g. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml).

ECRI General Policy Recommendation No. 15 «On Combating Hate Speech»: adopted on December 8, 2015. (Russ. ed.: *Obshchepoliticheskaya rekomendatsiya № 15 «O bor'be s yazykom nenavisti»*: prinyata Evropeyskoy komissiey po bor'be s razizmom i neterpimost'yu 8 dek. 2015 g. URL: <https://rm.coe.int/ecri-general-policy-recommendation-no-15-on-combating-hate-speech-russ/16808b5b07>).

Suslova M.N. *Vliyaniye politicheskikh usloviy na dinamiku ksenofobii v Rossii i SShA* [The Influence of Political Conditions on the Dynamics of Xenophobia in Russia and the USA]. Abstract of Polit. Cand. Diss. Moskva, 2012.

Khromenkov P.N. *Lingvopragmatika konflikta: issledovanie metodom kolichestvennogo kontent-analiza* [Linguopragmatics of Conflict: A Study Using Quantitative Content Analysis]. Doct. of Philol. Diss. Moskva, 2016.

Chernyshova T.V. *Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza: Analitiko-ekspertnaya deyatel'nost' filologa-praktika. Primernaya programma professional'noy perepodgotovki pedagogicheskikh rabotnikov obshcheobrazovatel'nykh organizatsiy* [Forensic Linguistic Expertise: Analytical and expert activity of a philologist-practitioner. Sample programme for professional retraining of teachers of general education institutions]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2015. No. 2.

Shur A.M. *Formirovaniye tolerantnogo kommunikativnogo povedeniya u budushchikh zhurnalistov* [Formation of Tolerant Communicative Behavior among Future Journalists]. Abstract of Pedagog. Cand. Diss. Saratov, 2010.

Yazyk vrazhdy protiv obshchestva [Hate Speech against Society]. Moskva, 2007.

Yazyk moy... Problema etnicheskoy i religioznoy neterpimosti v rossiyskikh SMI [My Language... The Problem of Ethnic and Religious Intolerance in the Russian Media]. Moskva, 2002.

Aguilera-Carnerero C., Azeez A.H. 'Islamonausea, not Islamophobia': the Many Faces of Cyber Hate Speech. *Journal of Arab & Muslim media research*. 2016. Vol. 9. No. 1.

Allport G.W. *The Nature of Prejudice*. Reading, Massachusetts, 1966.

Assimakopoulos S., Baider F.H., Millar S. *Online Hate Speech in the European Union: A discourse-analytic perspective*. Springer, 2017.

Boromisza-Habashi, D. *Speaking Hatefully: Culture, Communication, and Political Action in Hungary*. Pennsylvania, 2013.

Brown A. What is Hate Speech? Part 1: The Myth of Hate. *Law and Philosophy*, 2017. No. 36 (4).

Butler J. *Excitable Speech: A Politics of the Performative*. New York, 1997.

Delgado R., Stefancic J. *Understanding Words that Wound*. New York, 2004.

Gelber K. *Speaking Back: the Free Speech versus Hate Speech Debate*. Amsterdam; Philadelphia, 2002.

Ghosh S. The Alchemy of Hate and Hurt. *Sentiment, Politics, Censorship: The State of Hurt*. New Delhi [etc.], 2016.

Gould J.B. *Speak No Evil: The Triumph of Hate Speech Regulation*. Chicago; London, 2005.

- Haiman F.S. «*Speech Acts*» and the First Amendment. Carbondale, 1993.
- Hare I., Weinstein J. (eds.) *Extreme Speech and Democracy*. Oxford [etc.], 2011.
- Janssen E.H. *Faith in Public Debate: On Freedom of Expression, Hate Speech and Religion in France and the Netherlands*. Cambridge, 2015.
- Lakoff R.T. *The Language War*. Berkeley [etc.], 2000.
- Mazid B.-E.M. *HateSpeak in Contemporary Arabic Discourse*. Newcastle upon Tyne, 2012.
- Padmanabhan M. How Far Can You Go? *Sentiment, Politics, Censorship: The State of Hurt*. New Delhi [etc.], 2016.
- Ramdev R., Nambiar S.D., Bhattacharya D. Sentimental Sovereignities: Hurt and the Political Unconscious. *Sentiment, Politics, Censorship: The State of Hurt*. New Delhi [etc.], 2016.
- Recommendation no. R (97) 20 of the Committee of Ministers to member states on «hate speech»: adopted by the Committee of Ministers on 30 Oct. 1997. Strasbourg, 1997.
- Saunders K.W. *Degradation: What the History of Obscenity Tells Us about Hate Speech*. New York; London, 2011.
- Tsesis A. Dignity and Speech: the Regulation of Hate Speech in a Democracy. *Wake Forest Law Review*, 2009. Vol. 44.
- Waldron J. *The Harm in Hate Speech*. Cambridge, MA; London, 2012.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПЕЧАТНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ О ВАКАНСИИ

Н.В. Кожанова

Ключевые слова: этнокультурная специфика, объявления о вакансии, гибридное образование, информативная функция.

Keywords: ethno-cultural specificity, job advertisements, hybrid formation, informative function.

DOI 10.14258/filichel(2019)4-12

Этнокультурные исследования занимают одно из ведущих мест в доминирующей научной парадигме лингвистического знания. Научные представления о сущности и особенностях влияния этнокультурных факторов на жизнь и деятельность людей раскрываются в работах Э.А. Бафамова, К.В. Бромлей, Л.М. Дробижевой, Б.А. Душкова, И.С. Кон, В.Г. Крысько, Б.Ф. Поршнева и др. [Вугман, 2003]. Число работ, авторы которых так или иначе обращаются к феномену этнокультурной специфики языковых знаков, свидетельствует о несомненной актуальности данной проблемы для научного сообщества. При этом в современном обществе нет ни одного аспекта речевой коммуникации, в котором не находил бы своей реализации тот или иной аспект этнокультурной специфики, что позволяет говорить о

том, что перед лингвистами, работающими в данной предметной области, открываются все новые перспективы исследований.

Наш выбор печатных объявлений о вакансии в качестве объекта исследования обусловлен, с одной стороны, регулярной воспроизводимостью этих текстов в речевой практике практически всех носителей языка, а с другой стороны, необходимостью комплексного всестороннего изучения национальной специфики подобных текстов.

Специфика этнического взгляда на мир очевидна при сопоставлении его с аналогичным взглядом другого народа, поэтому в некоторых пунктах предлагаемой работы приводятся кросскультурные сопоставления реалий двух языков: немецкого и русского, что позволяет выявить в деталях их особенности, структуру и функционирование [Будникова, 2009].

В настоящей статье анализируются объявления о вакансии, выбранные путем сплошной выборки из немецкой еженедельной газеты *die ZEIT* за период 2011-2016 годов.

Объявление о вакансии традиционно относится к так называемым побуждающим, или «апеллятивным» текстам («Appelltexte»). С точки зрения функционально-стилистической типологии текста, совмещающей интралингвистические и экстралингвистические параметры, анализируемые тексты представляют собой гибридное образование, в котором проявляются соответственно признаки газетно-публицистического и официально-делового стилей [Неупокоева, 2009]. Феномен гибридизации получает все большее распространение в современной коммуникативной практике, что свидетельствует об определенном размывании границ между существующими функциональными стилями и появлении неких периферийных зон, в пространстве которых существуют тексты, имеющие признаки, позволяющие соотносить их с различными функциональными стилями.

«Газетное объявление» как класс текстов, в который входит объявление о вакансии, характеризуется такими признаками, как: 1) наличие некоего факта, информацию о котором необходимо донести до адресата объявления; 2) наличие в тексте информативной и воздействующей функций; 3) опосредованность газетой, выступающей в качестве институционального средства массовой информации; 4) предельная степень сжатия информации, обеспечивающая высокую эффективность текстов данного типа с точки зрения возможности передачи значительных массивов информации посредством относительно небольшого числа языковых знаков [Достовалова, 2011].

Объявления, относящиеся к сфере трудоустройства, представленные текстами «объявление о вакансии» составляют самостоятельную тематическую рубрику. Согласно функциональной классификации анализируемый текст может быть отнесен к объявлениям-директивам (объявлениям-предложениям). Характерным для них является целевая установка на побуждение к действию, определяющая выбор как глобальных коммуникативных стратегий, так и конкретных языковых единиц, с помощью которых реализуются вышеупомянутые стратегии. В соответствии с более подробной классификацией, учитывающей социальные параметры автора сообщения (частное лицо, коммерческое предприятие или официальное учреждение) и объем объявления, данные тексты могут быть идентифицированы как частные (небольшие по объему), коммерческие и официальные (большие по объему) [Неупокоева, 2009].

Одной из важнейших особенностей коммуникативной ситуации, в которую включен текст «объявление о вакансии», является характер взаимоотношений между участниками коммуникации, в роли которых выступают работодатель, являющийся автором текста, и потенциальный наемный работник, выступающий в качестве реципиента текста. Не менее важной особенностью коммуникативной ситуации является ее зависимость от общественной сферы деятельности, которая очень значима для современного носителя языка и не может недооцениваться.

Выбор вербальных, невербальных и паралингвистических средств обусловлен, в первую очередь, доминирующей в тексте апеллятивной функцией, которая заключается в побуждении адресата к участию в конкурсе для вступления на вакантную должность. Реализации данной целеустановки подчинены и частные коммуникативные функции, находящие свою реализацию в тексте, к числу которых относятся информативная, комиссивная и контактно-устанавливающая.

Следует отметить, что в немецких объявлениях доминирует информативная функция, и в то же время присутствуют и регулятивная, и связанная с ней оценочная функции. Эта функция связана с тем, что путем информирования и убеждения текст побуждает читателя к определенным действиям. Информативная функция выражается посредством описания компании / фирмы в первой части текста, что свидетельствует о том, что содержание немецких объявлений о трудоустройстве напоминает содержание рекламных объявлений. При этом можно говорить о существенном отличии немецких объявлений о вакансии от соответствующих российских объявлений. В российских объявлениях о вакансии

принято прописывать только название фирмы / организации, информация о ней, как правило, отсутствует. В немецких объявлениях о вакансии это отдельный, обширный пункт, занимающий в некоторых текстах треть объема. Так, соискателя информируют о месте нахождения (географическом месте расположения) организации, значимости фирмы, ее структуре и роде деятельности. Рассмотрим примеры из немецких печатных изданий:

1. *INSTAND e. V. ist eine interdisziplinäre, gemeinnützige, wissenschaftlich-medizinische Fachgesellschaft. Das Ziel von INSTAND e. V. ist die Förderung der Forschung in der Qualitätssicherung und die Verbesserung der Patientenversorgung durch die Diagnostik, Therapieüberwachung, Nachsorge, Prävention und Rehabilitation in der Medizin sowie die Früherkennung von Erkrankungen durch Verbesserung der Analysen und deren Bewertung. Die interne und externe Qualitätssicherung und damit Verbesserung der Zuverlässigkeit von Laboranalysen im medizinischen Laboratorium ist der Schwerpunkt der Tätigkeit. Dieses Ziel wird erreicht durch eigene Forschung und durch Mitarbeit in Standardisierungsorganisationen (DIN, ISO, CEN), durch Zusammenarbeit mit verschiedenen wissenschaftlichen medizinischen Fachgesellschaften und durch Zusammenarbeit mit wissenschaftlichen Dachorganisationen (AWMF, WASPaLM), mit der Bundesärztekammer, der Physikalisch-Technischen Bundesanstalt. Als solche unterhält INSTAND e. V. in Düsseldorf eigene Referenzlaboratorien (die ZEIT, 2012).*

2. *Die Stuttgarter Jugendhaus gGmbH ist Träger von 41 Einrichtungen der offenen Kinder- und Jugendarbeit mit 400 Mitarbeitern / -innen. Die Einrichtungen bieten Kindern und Jugendlichen einen Ort zur aktiven Freizeitgestaltung (die ZEIT, 2014).*

3. *Das Alfred-Wegener-Institut (AWI) für Polar- und Meeresforschung in der Helmholtz-Gemeinschaft forscht in der Arktis, Antarktis und den Ozeanen der mittleren und hohen Breiten. Es koordiniert die Polarforschung in Deutschland und stellt wichtige Infrastrukturen wie den Forschungseisbrecher Polarstern und Stationen in der Arktis und Antarktis für die nationale und internationale Wissenschaft zur Verfügung. Neben der Grundlagenforschung im Bereich Erde und Umwelt werden die Bemühungen verstärkt, Ergebnisse angewandter FuE-Aktivitäten einer wirtschaftlichen Verwertung zuzuführen (die ZEIT, 2014).*

Таким образом, в начале внимание фокусируется на предприятии, создается необходимый работодателю имидж. В этом разделе часто имеются имена собственные, указывающие на географические названия Düsseldorf, Stuttgart, что подчеркивает направленность

объявлений о вакансии на соискателей всей территории Германии, а не на один город или федеральную землю.

Тексты объявлений о трудоустройстве достаточно четко структурированы. За презентацией фирмы / организации следуют заголовок, основная информация и справка (информационный блок). Заголовок – это ключевой компонент в структуре объявления. Он является графически выделенной частью, на которую обращает внимание читатель, и вызывает его интерес. Заголовок может выделяться посредством графических средств, к которым относятся знаки естественных и искусственных языков. К числу наиболее распространенных маркеров относятся увеличение кегля, использование жирного шрифта, изменение шрифта и подчеркивание.

Графические средства значительно изменились в последнее время как качественно, так и количественно, с распространением компьютерных технологий. Печатный текст располагает такими средствами, как выбор шрифта и различные виды выделений. Функцией заголовка является привлечение внимания читателя, поэтому авторы допускают подобные броские изменения. Центральное место в композиционной структуре текста занимает название профессии в заголовке объявления. Оно реферирует к адресату сообщения и сигнализирует о главной теме в сообщении.

Особенностью немецких объявлений о вакансии является его ориентированность на соискателей как мужского, так и женского пола. Данное явление стало возможным благодаря широкому распространению феминистического движения в Германии, которое повлияло и на наименования лиц по профессии. И, начиная с 90-х годов, в многочисленных правовых документах, а также в прессе, в частности, в объявлениях о вакансии, все чаще стали употребляться две формы наименований (мужская и женская).

Примеры таких объявлений о вакансии с заголовками, которые имеют две формы:

- *Managerin / Manager Technologiemarketing / Technologietransfer,*
- *Direktorin / Direktor für das Brandenburgische Landesamt für Denkmalpflege und Archäologische Landesmuseum,*
- *Diplom-Psychologin / Diplom-Psychologen,*
- *Veterinärmedizinerin / Veterinärmediziner (die ZEIT, 2014).*

Следует отметить, что это не единственный вариант. Для обозначения обеих форм сложились различные приемы. Это так называемое расщепление (Splitting), передаваемое при помощи косой черты (напр. *Abteilungsleiter / in, Kreisgruppengeschäftsführer / in, Fachinformatiker / in, Redakteur / in*); использование внутренней

заглавной буквы -I (напр. *GeschäftsführerIn*, *LehrerInnen*) и сокращенных адъективных уточнителей m/w (напр. *Leiter Wissens- und Technologietransfer (m/w)*, *Hausleiter (m/w)*, *Online-Verkaufsberater (m/w)*, *Produktentwickler (m/w)*). Также представлены немногочисленные нейтральные формы (напр. *Gymnasiallehrkraft mit den Fächern Englisch/Geografie*, *Klassenlehrperson für die Oberstufe*, *LehrerInnen*) [Кожанова, 2005].

Раздел основной информации в жанре объявления о вакансии представлен ее характеристикой вакансии. Обычно это перечисление должностных обязанностей, профиль, размер заработной платы, местоположение компании, рабочие часы, бонусы, медицинские страховки, пенсионные программы и т.д. В рассмотренных объявлениях о вакансии основополагающими пунктами являются описание должностных обязанностей и профиль соискателя – они представлены практически во всех текстах объявлений, занимая большую часть объявления о вакансии. Можно предположить, что это происходит под влиянием менталитета немцев-соискателей. Принято считать немцев открытыми, предпочитающими деловой язык, любящими прямоту и факты. Немцы известны своим педантизмом, аккуратностью и шепетильностью. Их решения основаны на логике и анализе предоставленной информации, а профессионализм играет решающую роль в немецкой культуре [Молендор, 2008]. Как следствие, немецкие тексты объявлений тщательно структурированы логически и содержат всю необходимую информацию о желаемой вакансии, и, следовательно, занимают немало места на страницах периодических изданий. Следует отметить еще один интересный факт, в отличие от российских объявлений о вакансии, которые уже в начале текста содержат информацию о заработной плате, в немецкой периодике не встретилось ни одного объявления о вакансии, которое бы содержало упомянутый пункт. Вероятно, это происходит от того, что в Германии это вопрос юридический и относится к темам-табу, которые не принято обсуждать в обществе. При этом размер оплаты труда определяется индивидуально на собеседовании с руководителем или соответствующим специалистом.

Рассмотрим примеры раздела основной информации:

1. *(Zum 1. Mai suchen wir eineN GeschäftsführerIn)*

Ihre Aufgaben:

– *Umsetzung der von Vorstand und Mitgliedern beschlossenen Ziele.*

– *Präsentation der Anliegen von ASF bei Politik, Kirchen, Medien und in der Öffentlichkeit.*

– *Verantwortung für die finanzielle Situation von ASF.*

- *Konzeptionelle Weiterentwicklung der Arbeit von ASF.*

Ihr Profil:

- *Ein abgeschlossenes Hochschulstudium.*
- *Gute theologische Kenntnisse und Ausdrucksfähigkeit.*
- *Erfahrung und Kompetenz in Personalführung und Organisationsentwicklung.*

Organisationsentwicklung.

- *Betriebswirtschaftliche Kenntnisse.*
- *Teamfähigkeit und Belastbarkeit.*
- *Sehr gute Kenntnisse in Englisch und möglichst einer weiteren Fremdsprache.*

Fremdsprache.

- *Mitgliedschaft in einer ACK Kirche (die ZEIT, 2014).*

2. (Zur Verstärkung unseres Teams suchen wir einen qualifizierten und engagierten Online- Verkaufsberater (m/w) in Teilzeit für 18 Stunden wöchentlich)

Ihre Aufgabe

Eingebunden in das Hochschulteam der ZEIT bieten wir Ihnen eine anspruchsvolle und vielseitige Tätigkeit, bei der die Beratung von Hochschulen und Bildungsanbietern für unsere Online-Produkte im Fokus steht. Sie führen anforderungsorientierte telefonische Beratungs- und Verkaufsgespräche zu den diversen Produktoptionen im Rahmen unserer Studiengangsuchmaschine durch. Dabei verstehen Sie es, bestehende Kundenbeziehungen durch aktive Betreuung und Bedarfsermittlung weiterzuentwickeln sowie neue Kundenkontakte mit Kompetenz und Markt-Know-how aufzubauen. Nach einer entsprechenden Einarbeitungszeit soll Ihr Produktportfolio auch auf crossmediale Angebote ausgeweitet werden.

Ihr Profil

Sie befinden sich derzeit noch in einem Hochschulstudium – gern im Bereich Medien- oder Wirtschaftswissenschaften – oder haben dieses bereits erfolgreich abgeschlossen. Idealerweise bringen Sie erste Berufserfahrung im telefonischen Verkauf von anspruchsvollen Online-Produkten oder Produkten aus der Bildungsbranche mit. Sie interessieren sich für die Hochschul- und Bildungslandschaft oder würden sich mit Engagement in diesen Bereich einarbeiten. Kommunikationstalent sowie Freude am beratenden Verkaufen ist eine wesentliche Voraussetzung. Ein seriöses und angenehmes Auftreten - auch am Telefon - ist ein weiteres Kriterium, um erfolgreich mit unseren Kunden zu kommunizieren und sie für unsere Angebote zu begeistern. Weiterhin überzeugen Sie durch eine selbstständige Arbeitsweise sowie durch Ihr strukturiertes und konzeptionelles Denken und Handeln (die ZEIT, 2014).

3. (Zur Verstärkung der Stabsstelle Technologietransfer suchen wir im Rahmen eines BMBF-Projektes eine Managerin/einen Manager Technologiemarketing/Technologietransfer)

Das Aufgabenprofil umfasst im Kern:

- Erarbeiten und Umsetzen marktorientierter Verwertungsstrategien für im Institut generierte Inventionen bzw. Innovationen
- Erstellung von aussagefähigen Technologie-Exposés und Marketingunterlagen aus Fachpublikationen und Patentedokumenten, Redaktion von Internetangeboten
- Durchführung von Marktrecherchen und Direktmarketing
- Vorbereitung, Durchführung und Nachbereitung von Messeauftritten

Hierzu erwarten wir von Ihnen:

- ein abgeschlossenes natur- oder ingenieurwissenschaftliches Hochschulstudium in Verbindung mit Zusatzqualifikationen und Berufserfahrung im Bereich Marketing/Vertrieb
- Kompetenzen wie Teamfähigkeit, seriöses, selbstbewusstes Auftreten, zielorientiertes Kommunikationsvermögen, Verhandlungsgeschick, Flexibilität, Bereitschaft zu gelegentlichen Dienstreisen (z.B. Firmenbesuche und Messenauftritte)
- Fähigkeit zur Analyse und Vermittlung komplexer Sachverhalte
- Basiskenntnisse im Innovationsmanagement bzw. im Umgang mit gewerblichen Schutzrechten
- sehr gute Deutsch- und Englischkenntnisse in Wort und Schrift
- Gespür für Marktpotentiale neuer Technologien
- Affinität zu den Forschungsbereichen des AWI (die ZEIT, 2014).

Как видно из примеров, необходимая информация может передаваться разными способами: путем перечисления однородных членов предложения (в первую очередь, существительных) или представлять собой сплошной текст, состоящий из сложных, распространенных предложений. Этот блок содержит также большое количество прилагательных, которые являются одним из способов оценочной квалификации вакансии (напр. *anspruchsvoll, aktiv, seriös, erfolgreich, selbstständig, selbstbewusst, zielorientiert*) [Володченкова, 2016].

Блок «Справочные сведения» носит функцию дальнейшего действия. По оформлению данный блок одинаков во всех вариантах текста объявления. Здесь указываются имя, местонахождение работодателя, а также его контактные данные: телефонный номер, факс, адрес почты. В данном блоке практикуется использование шаблонных предложений:

Ihre Bewerbung senden / schicken/richten Sie ...

Weitere Informationen finden Sie unter

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что немецкие тексты объявлений о вакансии представляют собой специальные тексты со стабильной, четкой композиционной структурой, соответствующие нормам массово-информационного и рекламного дискурсов, выполняющие информационную и воздействующую функцию с привлечением фиксированного набора языковых средств [Квашнева, 2006].

Следует также отметить важную роль данного жанра в жизни общества, так как именно благодаря объявлениям о вакансии многие члены социума находят работу, основное средство для поддержания социального статуса. Более того, рассматривая тексты объявлений о вакансии, можно найти языковое подтверждение изменений в обществе, определить его ценности и приоритеты. И, наконец, в них можно увидеть своеобразные черты, которые характерны именно для немецкого этноса, то есть этнокультурную специфику.

Литература

Будникова Н.Н. Этнокультурный аспект в выражении сравнительных отношений в языке русского, английского, немецкого песенного фольклора. Курск, 2009.

Володченкова О.И. Динамика характеристик жанра «Объявление о приеме на работу» в английской лингвокультуре. Волгоград, 2016.

Вугман А.А. Этнокультурные особенности восприятия рекламных сообщений. М., 2003.

Достовалова Е.К. Объявление о найме как особый жанр текста // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы. Челябинск, 2011.

Квашнева Н.А. Языковые средства оформления дешифровочных лингвистических моделей: на материале немецких объявлений «Предлагаю работу». Саратов, 2006.

Кожанова Н.В. К вопросу о гендерной асимметрии наименований лиц по профессии в немецком языке // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: языковая личность в межкультурной коммуникации. Абакан, 2005.

Молендор О.В. Особенности деловой немецкой культуры // Карьера. 2008. № 30.

Неупокова А.В. Наименования лиц в типе текста «Объявление о приеме на работу» в гендерном аспекте (на материале немецкого языка). М., 2009.

References

Budnikova N.N. *Etnokul'turnyy aspekt v vyrazhenii sravnitel'nykh otnošeniy v yazyke russkogo, angliyskogo, nemetskogo pesennogo fol'klora* [Ethnocultural Aspect in the Expression of Comparative Relations in Russian, English, German Sand Folklore]. Kursk, 2009.

Volodchenkova O.I. *Dinamika kharakteristik zhanra «Ob'yavlenie o prieme na rabotu» v angliyskoy lingvokul'ture* [Dynamics of Characteristics of the «Job Announcement» Genre in English Linguistic Culture]. Volgograd, 2016.

Vugman A.A. *Etnokul'turnye osobennosti vospriyatiya reklamnykh soobshcheniy* [Ethnocultural Features of the Perception of Advertising Messages]. Moskva, 2003.

Dostovalova E.K. *Ob'yavlenie o nayme kak osobyi zhanr teksta* [Hiring Announcement as a Special Text Genre]. *Filologiya i lingvistika: problemy i perspektivy* [Philology and Linguistics: Problems and Prospects]. Chelyabinsk, 2011.

Kvashneva N.A. *Yazykovye sredstva oformleniya deshifrovochnykh lingvisticheskikh modeley: na materiale nemetskikh ob'yavleniy «Predlagayu rabotu»* [Language Tools for Decorating Linguistic Models: Based on German Job Offer Ads]. Saratov, 2006.

Kozhanova N.V. *K voprosu o gendernoy asimmetrii naimenovaniy lits po professii v nemetskom yazyke* [On the Issue of Gender Asymmetry of Names of Persons by Profession in the German Language]. *Aktual'nye problemy izucheniya yazyka i literatury: yazykovaya lichnost' v mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Actual Problems of the Study of Language and Literature: Linguistic Personality in Intercultural Communication]. Abakan, 2005.

Molendor O.V. *Osobennosti delovoy nemetskoj kul'tury* [Features of Business German Culture]. *Kar'era* [Career]. 2008. № 30.

Neupokoeva A.V. *Naimenovaniya lits v tipe teksta «Ob'yavlenie o prieme na rabotu» v gendernom aspekte (na materiale nemetskogo yazyka)* [Names of Persons in the Type of Text «Announcement of employment» in the Gender Aspect (Based on German material)]. Moskva, 2009.

МОДА НА FASHION: СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ FASHION-ЖУРНАЛИСТИКИ В РОССИИ

Е.С. Радионцева

Ключевые слова: российские fashion-СМИ, медиапроекты о моде, СМИ о моде.

Keywords: Russian fashion-media, media projects about fashion, media about fashion.

DOI 10.14258/filichel(2019)4-13

Типологические подходы, которые сегодня распространены по отношению к fashion-СМИ, не исчерпывают их специфику и не раскрывают всего богатства типологического направления медиапроектов о моде.

Fashion-журналистику сегодня определяют по-разному: ее относят как к специализированной, так и к досуговой прессе. Обозначают как lifestyle-журналистику, поскольку понятия *fashion* и *lifestyle* в современном мире взаимодополняют друг друга и выступают

в качестве схожих направлений, тесно связанных с понятиями «глянец», «гламур», «глянцевый журнал».

Одинаковое прочтение близких по значению, синонимичных понятий не случайно. В теории масс-медиа их объединяет общее типологическое направление – тождественные функции, специфика потребностей аудитории и соответствующая тематическая направленность изданий [Типология периодической печати, 2009]. Между тем, применительно к fashion-СМИ необходимо выделить еще один параметр в типологии, позволяющий раскрыть разнообразие медиаресурсов о моде. Речь идет о ценностях, транслируемых изданиями.

Проблема ценности явлений окружающего нас мира, человеческой жизни, ее целей и идеалов является важной составляющей СМИ. Масс-медиа стали одним из значимых компонентов психосоциальной среды обитания человека. Они претендуют – не без основания – на роль мощного фактора формирования мировоззрения личности и ценностной ориентации общества. Чтобы разобраться, какие ценности формируют и транслируют fashion-СМИ, можно опереться на классификацию, созданную самой fashion-индустрией как отраслью экономики.

В моде как направлении искусства принято делить дизайнерские коллекции на три категории: от-кутюр – уникальная авторская одежда, изделия высокого искусства; модели этого уровня создаются, чтобы подчеркнуть художественную ценность моды; прет-а-порте – изделия моды, изготавливаемые в промышленных масштабах и отражающие модные тенденции; масс-маркет – относительно недорогие изделия, выпускающиеся широкими партиями.

Подобно этой классификации все СМИ о моде можно разграничить на три категории: одни из них (например, vogue.ru и L'Officiel) коррелируют с уровнем от-кутюр; вторые (издания в том числе о моде, или потребительские модные СМИ) работают в режиме прет-а-порте; уровень масс-маркета демонстрируют электронные ресурсы, не имеющие печатных аналогов и работающие в режиме порталов.

В основе этой классификации – система ценностей, транслируемых fashion-СМИ. Для «настоящих» или «истинных» изданий о моде, соотносимых с уровнем от-кутюр, характерна эстетическая система ценностей, построенная на создании, выявлении, переживании красоты и гармонии. Эстетические ценности связаны со способностью человека к глубоким, сильным, ярким эмоциональным переживаниям, умением воспринимать множество оттенков

настроений и чувств. Сам термин «эстетика» происходит от греческого слова «эстетисис», означающего чувственное восприятие.

Журналы, пишущие только о моде или преимущественно о моде, строго говоря, и являются журналами мод. В классификации, представленной автором, эти медиапроекты соотносятся с уровнем от-кутюр. Мода, в понимании таких изданий, – не просто отражение внутренней индивидуальности личности, способ ее самовыражения, но и катализатор общественного мнения. Vogue или L'Officiel не ограничиваются стилевой концепцией, в них рассматриваются всевозможные способы подачи образа, начиная от уличного стиля и заканчивая богемным.

Уровень ценностей транслируется через эстетику визуального ряда, где практически каждое фото – произведение искусства; эстетику речи и специфику проработки тем, направленных на констатацию или осмысление процессов, тенденций в мире моды. Отдельное направление в этом сегменте – открытие новых имен и обозначение их достижений.

Практически в каждом издательском доме, в чьем портфолио содержатся гляцевые женские журналы [Свитич, 2007], есть примеры изданий уровня от-кутюр. В Condé Nast это журнал Vogue, в Independent Media – Harper's Bazaar, ACMG выпускает L'Officiel.

Статус и авторитет этой группы изданий завоеван. Немалую толику вложил сюда кинематограф. В 2006 году в свет вышла комедия «Дьявол носит Прада» режиссера Д. Фрэнкела (США, Франция). Прототипом одной из главных героинь стала Анна Винтур, редактор американского Vogue с 1988 года, непререкаемый авторитет в мире моды. Ее журналистскому творчеству посвящен и документальный фильм «Сентябрьский номер» режиссера Р. Дж. Катлера (США). Фильм появился на экранах в 2009 году. Здесь Анна Винтур играет саму себя – бессменного редактора fashion-журнала.

Нет сомнений, что Vogue возглавляет серию изданий уровня от-кутюр. Журнал, как и другие представители этого направления, главный акцент делает на качество выпускаемых материалов. Аудитория видит происходящее в индустрии глазами фотографов, стилистов, редакторов. «Привратники моды», как их иногда называют, создают имена дизайнерам и рекламу брендам, пропагандируют определенный стиль жизни и тем самым оказывают влияние на эстетические идеалы читателей.

Категория СМИ, соотносимая с уровнем прет-а-порте, предполагает более прагматичный подход. Это издания, чья тематика связана с модой только отчасти, или, вернее, с модой в том числе.

Яркий пример – журнал *Cosmopolitan*, чьи ценности связаны не только с эстетическим восприятием мира, но и с формированием других жизненных установок, потребностей и мотиваций. По сути, именно эту категорию СМИ можно обозначить как *lifestyle-журналистику*.

В этой нише работает большая часть издательских домов, выпускающих проекты, так или иначе связанные с модой. Российский издательский дом *Condé Nast* издает *GQ – Gentlemen's Quarterly*: искусство быть мужчиной; *GQ Style* – издание, позиционирующее себя как издание «Только о моде для мужчин»; *Glamour*; *Tatler*. В портфолио издательского дома *Independent Media* ярким примером является уже упомянутый нами *Cosmopolitan*, а также *Grazia*, *Esquire*. В структуре группы компаний *Hearst Shkulev* тоже представлены бренды, соотносимые с уровнем прет-а-порте, – *Woman.ru*, *Elle*, *Marie Claire*.

К нише прет-а-порте можно отнести и телевизионные проекты «Модный приговор» на Первом канале с Александром Васильевым и «Успеть за 24 часа» на СТС с Александром Роговым. Программы на общедоступных телеканалах объединяет интересная сюжетная игра, построенная на преобразении героев. Проекты скорее формируют интерес к миру моды, нежели транслируют ее ценности. С формированием эстетических ценностей более связан *Fashion TV* – телеканал о мире высокой моды, демонстрирующий новейшие тенденции в дизайне одежды, макияже, прическах, аксессуарах. В силу того, что в России телеканал *Fashion TV* не входит в структуру общедоступных мультиплексов и транслируется через операторов кабельного и спутникового телевидения, говорить о приобщении массовой аудитории к сфере моды через ТВ не приходится.

Уровень масс-маркета демонстрируют сегодня электронные СМИ, не имеющие печатных аналогов. Их прагматичные задачи сводятся к простым шагам, которые можно соотносить с базовым уровнем потребностей – быть ухоженной, выглядеть красиво, знать, как создать образ и с чем его сочетать. Этот сегмент начал формироваться относительно недавно и заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее.

Сразу оговоримся, что речь пойдет не об интернет-версиях традиционных СМИ о моде, поскольку зачастую *digital-аналоги* остаются в той же типологической нише, что и их печатные «родители». В интернете активно развиваются самостоятельные проекты о моде, не имеющие печатных аналогов. Яркие примеры – *Fashiontime.ru*, *Arabio.ru*, *Lady.ru*, *Modnica.info*, *Moda.ru*, *Modagid.ru*, *Intermoda.ru*, *Intermoda.ru*.

Fashiontime.ru – главный помощник в мире моды, рассказывающий о fashion и модельном бизнесе и предлагающий на продажу обширный ассортимент изделий. Наряду с блоком разнообразных товаров здесь представлены новости и интервью с перспективными модельерами и дизайнерами, обзор аутфитов знаменитых людей. **Arabio.ru** – женский интернет-журнал с шестью разделами: «Мода», «Стиль жизни», «Знаменитости», «Красота», «Велнес» и «Любовь». Ресурс раскрывает, как видно из рубрикации, разнообразные темы, начиная от эстетического отношения к миру, заканчивая психологией и физиологией, прикладные аспекты которых – диеты и методики похудения. Сайт предназначен для тех дам, которые стремятся быть модными и красивыми. Информационная лента сочетается с легкими тестами, выполняющими рекреативную функцию. **Lady.ru** раскрывает вопросы, связанные с красотой в ее прикладном варианте: через пластическую хирургию, косметологию, диеты, макияж; затрагивает вопросы воспитания, женского здоровья, психологических отношений, питания. Ресурс интересен своей практической направленностью. **Modnica.info** – сайт, который подчеркивает свою прагматическую направленность системой рубрикации, в которой обозначены тематические направления медиаресурса: «Тренды», «Одежда», «Обувь», «Белье», «Аксессуары», «Стиль», «Макияж», «Маникюр и педикюр», «Бренды», «Новости». Здесь можно почерпнуть идеи для создания маникюра и педикюра, узнать о трендах нижнего белья и аксессуаров, стрижек и причесок. Все это вместе с относительно скудной подборкой новостей о моде и тенденциях в fashion-мире. **Moda.ru** позиционирует себя как каталог модной одежды; на сайте всего четыре раздела: «Журнал», «Люди», «Места» и «Каталог одежды». Если все категории наполнены и обновляются регулярно, то каталог – пустой. Видимо, ресурс находится на пути к реализации своих планов и пока не доработан. **Modagid.ru** – это один из наиболее слабых, с информационной точки зрения, ресурсов из всех представленных. При этом ресурс позиционирует себя как социальная сеть, объединяющая разные тематические блоки с интересами аудитории. Из недостатков – дизайн, который не позволяет выделить главное, и слабая система рубрикации: «Статьи», «Коллекции», «Фотоальбомы». Едва ли можно говорить о том, что она мотивирует зайти в раздел и просмотреть информацию. **Intermoda.ru** – это сетевой журнал о моде. На сайте всего 4 раздела: «Новости», «Авторы», «Реклама» и «О нас». Основная концепция – охват новостного пространства.

Новости здесь обновляются практически ежедневно. Это и собственные материалы редакции, и сообщения читателей и партнеров – PR-агентств, представителей брендов, дизайнеров, фотографов, блогеров. При таком подходе говорить о качестве представленных материалов не приходится.

Все обозначенные электронные ресурсы объединяет прикладной пользовательский характер в подаче информации. Иначе говоря, они не приобщают к миру моды, не транслируют ее ценности, не участвуют в формировании эстетической картины мира. Ресурсы носят практический, утилитарный характер: подсказывают, какой макияж в тренде, удивляют новыми прическами, демонстрируют стилистические эксперименты с гардеробом и т.д.

Задача моды как направления в искусстве – сформировать эстетический вкус, погрузить в мир прекрасного, зародить потребность в красивом. Дать конкретные рекомендации – прикладная задача, которая должна быть подкреплена авторитетом медиа или лицом, которое его возглавляет.

Для подобных ресурсов характерна низкая пользовательская активность. Именно об этом свидетельствуют онлайн-сервисы, созданные для анализа сведений о пользовательском трафике. Они показывают, что количество пользователей подобных интернет-ресурсов в сотни раз ниже по сравнению с проектами, которые имеют печатные аналоги, и их ни в коем случае сегодня нельзя считать конкурентами.

Стоит отметить, что ресурсы, соотносимые с уровнем от-кутюр, прет-а-порте и даже отчасти масс-маркетом, сегодня конкурируют с медиаресурсами российских дизайнеров. В качестве примеров можно упомянуть сайт дизайнера Вячеслава Зайцева, на котором представлен целый мир: от биографии и живописи маэстро, описаний его дома моды до каталога изделий (Zaitsev.info), или интернет-ресурс с коллекциями и моделями Валентина Юдашкина (Yudashkin.com), чей проект выполнен в стилистике модельера и является источником не только прагматической информации, но и основой для вдохновения. Не менее интересны ресурсы дизайнера Алены Ахмадуллиной ([Alena Akhmadullina](http://AlenaAkhmadullina.com) и [Akhmadullina Dreams](http://AkhmadullinaDreams.com)), омского дизайнера Александра Богданова (Alexanderbogdanov.com), талантливого создателя моделей Игоря Чапурина (Chapurin.com) и мн.др.

Классификация, предложенная автором, во многом условная, но она позволяет отразить специфику типологии медиапроектов, посвященных моде, и соотнести тот или иной тип fashion-СМИ с определенной шкалой ценностей аудитории.

Литература

- Свитич Л.Г. Издания для женщин // Типология периодической печати. М., 2007.
Типология периодической печати / Под ред. М.В. Шкондина, Л.Л. Реснянской. М., 2009.
Ямпольская Р.М. Тенденции развития типологической структуры женской прессы // Вестник Московского университета. Серия № 10. Журналистика. 1997. № 4.

References

- Svitich L.G. *Izdaniya dlya zhenshhin* [Women's Editions]. *Tipologiya periodicheskoy pechati* [Typology of Periodicals]. Moskva, 2007.
Tipologiya periodicheskoy pechati [Typology of Periodicals]. Pod red. M.V. SHkondina, L.L. Resnyanskoj. Moskva, 2009.
Yampol'skaya R.M. *Tendencii razvitiya tipologicheskoy struktury` zhenskoj pressy`* [Trends in the Development of the Typological Structure of the Women's Press]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. Series № 10. Journalism. 1997. № 4.

«МЫ ВСЕ СОБОРНО ВИНОВАТЫ»: ЭКСПЛУАТАЦИЯ ХРИСТИАНСКОГО ДИСКУРСА В ЭПИСТОЛЯРИИ И ПУБЛИЦИСТИКЕ А.Н. ТОЛСТОГО 1917–1923 ГГ.

В.В. Чекушин

Ключевые слова: А.Н. Толстой, христианский дискурс, революция, эмиграция, Ф.М. Достоевский.

Keywords: A.N. Tolstoy, Christian discourse, revolution, emigration, F.M. Dostoevsky.

DOI 10.14258/filichel(2019)4-14

Обращение к библейской топики является «общ[ей] тенденци[ей] в поэзии и публицистике революционных лет» [Лейдерман, 2012, с. 116]: множество авторов апеллировали к ней при осмыслении событий революций и Гражданской войны. Появление в творчестве А.Н. Толстого элементов христианской образности тоже связано с произошедшими в России глобальными социокультурными переменами.

Наиболее полно Толстой использовал христианские мотивы в парижском издании романа «Сестры», первой части «Хождений по

мукам» [Воронцова, 2014, с. 151]. Причиной обращения к христианской тематике, в числе прочего, послужило знакомство с идеями религиозных философов, в частности С. Булгакова и Н. Бердяева (с кружком последнего Толстой начал сближаться еще в 1915 году) [Толстая, 2006, с. 38]. Роману предшествовала напряженная публицистическая работа. В статье «На костре» (ноябрь 1917 года), Толстой отказывался считать произошедшее в России не революцией (которая должна наступить позднее), а «*военн[ым] и голодн[ым] бунт[ом]*» (Толстой, 2012b, с. 259)¹. Он приводил пример Франции, где изменение общественных формаций началось после революции 1789 года. Для иллюстрации своих взглядов автор использовал библейский сюжет о превращении Савла в Павла: «*Савл, ослепленный по пути в Дамаск, поднялся с земли, приняв имя Павла. Слатолюбивая, изнеженная, грешная Франция не раз выходила из кровавого тумана с искаженным, но суровым и помраченным ликом*» (Толстой, 2012b, с. 257). Жестокость революционного времени Толстой объясняет тем, что ранее в стране были отвергнуты базовые христианские ценности: «*Мы называли <...> добро – пережитком, честность – пресной, благородство – романтизмом. Мы много смеялись над тем, что достойно стыда и отчаяния. Мы обладали всеми пороками, и наш гений слишком часто сходит в подполье, в банную сырость для задушевной беседы с чертом*» (Толстой, 2012b, с. 259). Для усиления аргументации автор контаминирует образы из трех произведений Достоевского: «Записки из подполья», знаменитое предположение Свидригайлова о вечности как банке с пауками и разговор Ивана Карамазова с чертом. Вкупе с упоминанием Раскольникова образы Достоевского используются Толстым для изображения «*адск[ой] бездн[ы]*» (Толстой, 2012b, с. 258) революции.

Другой причиной произошедших перемен Толстой называет «*лень и совсем невысокое благодушие*», из-за которого «*[М]ы как раб лукавый, закопали талант свой в землю*» (Толстой, 2012b, с. 259). Упоминание евангельской притчи позволяло указать на одну из проблем, которая в итоге и привела к революции, – проблему неиспользованных таланта и потенциала. Интересно здесь и использование местоимения множественного числа «мы», позволяющее не указывать прямо виновника случившегося².

¹Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

²В знаменитом письме Чайковскому автор «Петра», снова рассуждая об ответственности за происходящее в стране будет использовать неопределенное «мы» (см. об этом ниже).

Несколькими месяцами ранее писатель в частной переписке формулировал свою позицию более определенно, называя тех, кто имеется в виду под «мы». Так, в письме к своей тетке М.Л. Тургеневой он размышляет: *почему над Россией стряслась такая беда? <...> «В то время, когда европейские страны быстро развивались, <...> мы, интеллигенты, не делали ровно ничего для мощи и счастья России, мы спокойно и лениво жили под властью царской, а народ погибал от водки, невежества и грязи <...>. Помнишь притчу о рабе лукавом – вот она сбылась»* [цит. по: Воронцова, 2014, с. 31]. В частной переписке Толстой не боится называть объект критики, обвиняя интеллигенцию в инертности. Автор предлагает радикальный выход из сложившейся ситуации: *«спокойно ждать смерти, а потом, когда разрешится так или иначе кризис войны, начинать все сначала, т.е. начать заново из остатка России строить новую, честную и благоустроенную страну»* [Воронцова, 2014, с. 31]. Распад страны, по логике Толстого, неизбежен, поэтому необходимо полностью разрушать существующий уклад и переходить к строительству новой государственной системы.

Наиболее полно свое видение революции и будущего страны Толстой изложил в одесских статьях осени 1918 года. В разгар Гражданской войны он выступает за сохранение государственности, основа которой – желание самих народов, населяющих страну, остаться единым целым: *«Иерихон пал от трубного гласа, потому что иерихонские стены были плохо построены. Россия может развалиться только тогда, если ее основание лежит на неверной и зыбкой почве, если народы, входящие в государство, соединены случайно рукой завоевателя, или общим несчастьем, или общей наживой»* (Толстой, 2012d, с. 275). Упоминание библейского Иерихона в следующем предложении усиливается имплицитной отсылкой к притче о доме, построенном на песке (Мф. 7: 24–27).

Исходя из логики истории, как ее видит Толстой, славянские народы всегда будут стремиться к восстановлению государственности: *«Россия слагалась медленно, органически, соединяла племена под единый свод, освоила огромные пространства для новой четвертой культуры. Ее основание – инстинкт славянских племен, объединенных в одну расу. Свод треснул, рухнул. <...> Но народы живы и нет той причины, которая ослабила бы их центростремительную силу»* (Толстой, 2012d, с. 275).

Примечательно, что Толстой использует формулировку «инстинкт народов», благодаря которому происходят исторические события. В другой программной статье «Левиафан» писатель снова

подчеркивает отсутствие логики в *«психологии огромных народных масс»* (Толстой, 2012а, с. 276), под влиянием которых происходят масштабные исторические события, причем *«во время революций этот закон становится настолько очевидным и явно действующим, что целые народы охватываются воображением, как отдельные организмы, как полуразумно-трагически существа – Левиафаны с предопределенной судьбой»* (Толстой, 2012а, с. 276). С одной стороны, народы охвачены безумием, а с другой – выступают едва ли не в роли героев античной трагедии, судьбы которых предreshены заранее. Использование высокой лексики помогает трактовать события в России в провиденциальном ключе.

При описании государства Толстой использует введенную Т. Гоббсом метафору Левиафана: Левиафан России, *«триста лет сидевший на цепях, был страшен»* (Толстой, 2012а, с. 276). Именно из-за долгого ожидания перемены сопровождалась массовой гибелью людей. Далее Толстой пытается понять причины Октябрьской революции: *«[Р]азве сонный, незрячий народ мог быть великим <...>? Да, ему нужно было пройти кровавый, отчаянный, благословенный путь испытаний. Погибнуть или прозреть. <...> Боль и отчаяние должны организовать его хаотическое тело, укрепить в нем добро, волю и порядок»* (Толстой, 2012а, с. 276). Испытанием для страны должен стать большевизм, укорененный *«со времен подавленного бунта Стеньки Разина»*. При описании страны Толстой использует органицистскую метафору – Россия рассматривается как живой, но распадающийся на части организм, который атаковала большевистская *«болезнь, таившаяся в ее недрах»* (Толстой, 2012а, с. 276). Именно она не давала¹ народу *«осознать государственности, заставляла интеллигенцию лгать и бездействовать, вызывала непонятную тоску, больные мечты о какой-то блаженной анархии, о воле в безволии, о государстве без государства. И вот болезнь прорвалась и потекла по всем суставам кровавым гноем, Россия распалась. Но это распадение было инстинктом больного. Отпавшие части начали борьбу с болезнью и победили. Все нездоровое, шаткое, неоформленное сгорело и горит в этой борьбе»* (Толстой, 2012а, с. 277). Таким образом, гражданская война трактуется как избавление от лишних и вредоносных элементов государственного тела. По мысли Толстого, как только этот процесс завершится, государство снова должно

¹ Эта позиция была схожа с позицией философа И.А. Ильина, который описывал атмосферу предреволюционной России как застойную, называя ее атмосферой духовного большевизма [Воронцова, 2014, с. 57].

соединить *«в единый организм – в тело прозревшего Левиафана – все временно отторгнутые части»* (Толстой, 2012а, с. 277).

Критика большевиков не ограничивалась упомянутой выше статьей. Толстой выступал против «красных» почти сразу после их прихода к власти. В декабре 1917 года он выступил в однодневной газете «Слову – свобода!» (ее выпуск был реакцией на декрет, фактически запретивший оппозиционную прессу). В эпиграфе к своей небольшой заметке Толстой цитировал начало Евангелия от Иоанна, а затем проецировал библейский текст на текущую ситуацию: *«Рассуждать о свободе слова – то же, что рассуждать о свободе Бога. И как не в силах человеческих наложить цепи на Бога, – так нельзя сковать и Слово. Слово – свет во тьме, и тьма не может объять его. Те, кто посягают на слово, безумны и прокляты, как посягающие тьмою своею на свет, как слуги тьмы, дьяволы»* [цит. по: Толстая, 2006, с. 99]. Большевики прямо называются дьяволами, которые отрицают слово, а значит и Бога. Толстой заканчивает статью угрозой: ограничение свободы слова может привести к краху большевиков: *«Странно и страшно, что об этом приходится говорить <...> большевикам. И тем хуже для них»* [Толстая, 2006, с. 99]. Тема богоборчества новой власти, как правило, осмыслиется Толстым сквозь призму современной ему религиозной философии, в свою очередь, апеллировавшей к идеям Достоевского.

Так, в статье «Нет!» (август 1919 года) Толстой сформулировал главную претензию к большевистской идеологии: *«Нет, ужас большевизма и невозможность примириться с ним заключается даже и не в этой крови. Великая Французская революция пролила ее не меньше и вырастила гениальный XIX век. Ужас <...> в том, что большевики смотрят на Россию <...> только как на бульон для приготовления коммунистической бациллы. Человек, личность, люди, счастье вот именно этих самых Иванов и Петров их не интересует и не тревожит»* (Толстой, 2012с, с. 286). Затем он упоминал знаменитый отказ Ивана Карамазова пролить слезинку ребенка ради всеобщего счастья. В отличие от персонажа Достоевского, большевики готовы на жертвы. Толстой выступает резко против такой позиции и заключает: *«Даже если бы мы, скажем, были уверены, что они дадут счастье какому-нибудь десятому или пятнадцатому поколению, мы твердо должны сказать:*

– Прочь окровавленные руки от матери моей» (Толстой, 2012, с. 288). Здесь Толстой ориентируется на идеи Бердяева, также считавшего большевизм жестоким экспериментом над Россией [Воронцова, 2014, с. 157].

Парадоксально, что Толстой, объясняя причины своего размежевания с эмиграцией и поворота к большевистской идеологии, также апеллировал к христианским образам и категориям. Яркий пример – письмо к руководителю комитета помощи писателям Николаю Чайковскому. Опубликовано в газете «Накануне» 14 апреля 1922 года, оно вызвало сильный резонанс в эмигрантских кругах.

В начале самого документа Толстой пересказывал основные тезисы сменевеховства, а затем рисовал картину своих злоключений, причиной которых стала советская власть: *«Я представляю из себя натуральный тип русского эмигранта, то есть человека, проделавшего весь скорбный путь хождения по мукам. В эпоху великой борьбы белых и красных я был на стороне белых. Я ненавидел большевиков физически. Я считал их разорителями русского государства, причиной всех бед»* (Толстой, 1922, с. 2). Для убеждения аудитории в искренности тогдашней своей позиции Толстой рисует чудовищные картины смерти своих родственников в пореволюционные годы, достоверность которых ставится биографами под сомнение: *«В эти годы погибли два моих родных брата, – один зарублен, другой умер от ран, расстреляны двое моих дядей, восемь человек моих родных умерло от голода и болезней. Я сам с семьей страдал ужасно. Мне было за что ненавидеть»* (Толстой, 1922, с. 2).

Вместе с тем, Толстой отказывается возложить вину за происходящее на «красных». Меняя фокус, он вводит в свое послание христианскую категорию соборности, которая позволяет прекратить поиск виноватого, разделив вину за произошедшее на «всех» и тем самым, по сути дела, ни на кого: *«все, мы все, скопом, соборно виноваты во всем совершившемся. И совесть меня зовет не лезть в подвал, а ехать в Россию и хоть гвоздик свой собственный, – но вколотить в истрепанный бурями русский корабль»* (Толстой, 1922, с. 2). В письме подключается символика Пасхи [Толстая, 2013, с. 321], кроме того, Толстой и его жена, по свидетельству мемуаристов, объясняли свой отъезд так: *«Едем сораспинаться с Россией»* (Бахрах, 2008, с. 393).

Использование христианской образности как в бытовой речи, так и публицистике помогало придать неоднозначному поступку писателя мессианский окрас. Это логично, так как этот шаг повлиял не только на судьбу Толстого, «вслед за ним целый ряд берлинских литераторов повернул в сторону сменевеховства» [Русский Берлин, 1983, с. 31]. Таким образом, Толстой своим авторитетом, резко возросшим после публикации «Сестер», по сути легитимировал смену идеологической позиции и «левый поворот» части русской эмиграции.

Для усиления аргументации он имплицитно сравнивал свои злоключения с адскими муками с помощью словосочетания «хождения

по мукам», отсылающего одновременно к известному апокрифу «Хождение Богородицы по мукам» и названию собственного романа. Кроме того, во фразе о «сораспятии с Россией» Толстой использует аналогию своей судьбы с крестными муками Христа. Эта параллель усилится в дальнейшем, когда писатель обратится к мотивам смерти и воскрешения.

Данный мотивный комплекс был широко использован в следующем открытом письме, адресованном К.И. Чуковскому. Здесь жизнь в эмиграции изображается Толстым как невыносимая и мучительная: *«в эмиграции была собачья тоска: – как ни задирались, все же жили из милости, в людях, и думалось, – быть может, вернемся домой, и там примут неласково: – без вас обходились, без вас и обойдемся. Эта тоска и это бездомное чувство вам, очевидно, незнакомы. Признаваться в этом тяжело, но нужно. [Н]а чужбине мы ели горький хлеб»* (Толстой, 1989, т. 1, с. 313).

Затем дается описание жизни на Западе, выполненное в духе «Заката Европы» Шпенглера – смерть романской цивилизации описывается через максимально прямые, почти карикатурные образы: *«Европа не живет, а зализывает раны, рычит и скалится на старые обиды, над шелудивым телом вьются, липнут трупные мухи, – неистовая сволочь, паразиты. В городах скука, одурь и безразличие, пьянство»* (Толстой, 1989, т. 1, с. 315).

Толстой снова эксплуатирует тему смерти, на контрасте давая описание России, которая *«уже преодолела смерть. Действительно – смертию смерть поправ. Если есть в истории Разум, а я верю, что он есть, то все происшедшее в России совершено для спасения мира от безумия сознания смерти»* (Толстой, 1989, т. 1, с. 315). Как видно, подчеркивая мотивы временной смерти и воскрешения России, Толстой в конце письма приводит прямую цитату из тропаря Пасхи. Более того, тезису 1918 года о бессознательности народных масс писатель противопоставляет уже «разум истории», в сущности, диаметрально меняя часть своих историософских взглядов. Эти примеры свидетельствуют о том, что Толстой использовал христианскую топику ситуативно, иллюстрируя свою позицию при помощи понятных большинству аудитории образов, и одновременно с этим добиваясь эмоционального воздействия на реципиентов. В целом же она не стала базисом для последовательной историософской концепции.

Итак, состояние атеистического СССР Толстой описывает, эксплуатируя христианские словарь и образную систему. Одновременно с этим писатель старается подготовить общественное мнение на родине, где его появление «могло быть воспринято

неоднозначно по самым разным причинам, например, по такой: хорошо пережить лихолетье в Европе. Отсидеться в Париже и Берлине» [Варламов, 2008, с. 264]. Неслучайно письмо Чуковскому содержало пассаж, который может быть рассмотрен в ряду «подготовительных мер», предусмотрительно предпринятых им перед возвращением: *«Первое и главное это то, что у вас, живущих в России, нет зла на нас, бежавших. Очень важно и радостно, что мы снова становимся одной семьей»* (Толстой, 1989, т. 1, с. 313).

В письмах берлинского периода Толстой следует своей излюбленной стратегии: он использует риторику, ориентированную на конфликтующие между собой полюса аудитории. С оглядкой на читателей в СССР он эксплуатирует предельно тенденциозную метафорику «смерти Европы». Для эмигрантских кругов же – более имплицитную религиозную пасхальную символику. Это позволяет ему начать выстраивать новую идентичность писателя, отказавшегося жить в эмиграции. «Прозревший» и «воскресший» Толстой приезжает в Россию, которая также «оживает» после «смерти», ассоциированной с революцией и гражданской войной.

Идеологическое оправдание перемены собственных взглядов, интерпретированных значительной частью писательского сообщества диаспоры как предательство, строится на «рифмовке» состояния Толстого и новой советской страны. А страдания в эмиграции изображаются как эквивалентные мучениям людей, переживших в России революцию и Гражданскую войну, что дает писателю моральное право считаться в СССР «своим». Толстой описывает тяготы, пережитые вне родины, предельно эксплицитно – с тем, чтобы заранее обеспечить оправдание собственного возвращения в глазах советской аудитории.

Итак, христианские мотивы появляются в толстовском эпистолярии и публицистике в критические моменты: как исторические, так и личные. В 1917–1918 годах Толстой использует указанный мотивный комплекс для осмысления социокультурных изменений в России, а в 1922–1923 годах с его помощью объясняет причины своего поворота к большевистской идеологии.

Литература

- Варламов А.Н. Алексей Толстой. Биография. М., 2009.
 Воронцова Г.Н. Роман А.Н. Толстого «Хождение по мукам» (1919–1921): творческая история и проблемы текстологии. М., 2014.
 Русская литература XX века: 1917–1920-е годы: в 2 кн. Кн. 1 / Под ред. Н.Л. Лейдермана. М., 2012.
 Русский Берлин. 1921–1923. Париж, 1983.

Толстая Е.Д. Деготь или мед: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917–1922). М., 2006.

Толстая Е.Д. Ключи счастья: Алексей Толстой и литературный Петербург. М., 2013.

Список источников

- Бахрах А.В. Бунин в халате. По памяти, по записям. М., 2006.
Толстой А.Н. Левиафан // Хождение по мукам. М., 2012а.
Толстой А.Н. На костре // Хождение по мукам. М., 2012б.
Толстой А.Н. Нет // Хождение по мукам. М., 2012с.
Толстой А.Н. То, что нам надо знать // Хождение по мукам. М., 2012д.
Толстой А.Н. Открытое письмо гр. А. Толстого Н.В. Чайковскому // Накануне. Берлин, 1922. №17.
Толстой А.Н. Переписка А.Н. Толстого: в 2-х тт. М., 1989. Т. 1.

References

- Varlamov A.N. *Aleksej Tolstoj. Biografija* [Alexei Tolstoy. Biography]. Moskva, 2009.
Voroncova G.N. *Roman A.N. Tolstogo «Hozhdenie po mukam» (1919–1921): tvorcheskaja istorija i problemy tekstologii* [A Novel by A.N. Tolstoy «The Ordeal» (1919–1921): History of a Creation and the Problems of Textual Criticism]. Moskva, 2014.
Russkaja literatura XX veka: 1917–1920-e gody: v 2 kn [Russian literature of the XX century: 1917–1920. In 2 vols.]. Red. by N.L. Lejderman. Moskva, 2012. Vol. 1.
Russkij Berlin [Russian Berlin]. 1921–1923. Paris, 1983.
Tolstaja E.D. *Degot' ili med: Aleksej N. Tolstoj kak neizvestnyj pisatel' (1917–1922)* [Tar or Honey: Alexey N. Tolstoy as an Unknown Writer (1917–1922)]. Moskva, 2006.
Tolstaja E.D. *Kljuchi schast'ja: Aleksej Tolstoj i literaturnyj Peterburg* [The Keys to Happiness: Alexey Tolstoy and Literary Petersburg]. Moskva, 2013.

List of sources

- Bahrah A.V. *Bunin v halate. Po pamjati, po zapisjam* [Bunin in Bathrobe. From Memory, According to Records]. Moskva, 2006.
Tolstoj A.N. *Leviafan* [Leviathan]. *Hozhdenie po mukam* [The Road to Calvary]. Moskva, 2012a.
Tolstoj A.N. *Na kostre* [On The Bonfire]. *Hozhdenie po mukam* [The Road to Calvary]. Moskva, 2012b.
Tolstoj A.N. *Net* [No]. *Hozhdenie po mukam* [The Road to Calvary]. Moskva, 2012c.
Tolstoj A.N. *To, chto nam nado znat'* [What We Need To Know]. *Hozhdenie po mukam* [The Road to Calvary]. Moskva, 2012d.
Tolstoj A.N. *Otkrytoe pis'mo gr. A. Tolstogo N.V. Chajkovskomu* [Open Letter from Count Tolstoy to Tchaikovsky]. *Nakanune* [On the Eve]. Berlin, 1922. No. 17.
Tolstoj A.N. *Perepiska A.N. Tolstogo* [Correspondence of A.N. Tolstoy]. In 2 vols. Moskva, 1989. Vol. 1.

ФИЛОЛОГИЯ: ЛЮДИ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ТУЛЬВИНСКИХ БАШКИР: ФОЛЬКЛОР И АРХЕОГРАФИЯ¹ (по материалам комплексной научной экспедиции)

DOI 10.14258/filichel(2019)4-15

«...В давние времена в эти края верхом на оленях пришли два брата. Одного звали Айна, другого – Гайна. На каждого из них по оленю, оба оленя – белые. Пришли, а здесь – ни души...» – так начинается башкирская народная этногенетическая легенда «Тулвинцы» [Башкирское народное творчество, 1997, с. 114-115]. Она была записана известным башкирским ученым-фольклористом Киреем Мэргэном (Ахнаф Киреев) во время фольклорной экспедиции 1963 года. Информантом выступил житель деревни Удик (Елпичиха) Осинского района (ныне Бардымского района) Пермского края Хайдархан Ибрагимов. Вместе с Киреем Мэргэном в этой экспедиции также принимали участие ученые Института истории, языка и литературы БФАН СССР (ныне – УФИЦ РАН): М. Сагитов, Ф. Надршина, С. Галин, А. Вахитов, Н. Шункаров.

Надо сказать, что экспедиция, организованная башкирскими учеными, пришлась на период расцвета и живого бытования устного народного творчества. Тогда им удалось записать еще два варианта этногенетической легенды о происхождении племени гайна «Племя гайна», «Айна и Гайна», а также множество песен, образцов обрядового фольклора, пословиц и поговорок, загадок и мн.др.

Согласно идейно-художественным особенностям этногенетических легенд, некоторые племена свое начало берут от потомков чингизидов, а также от мифических существ – шурале (леший – хозяин леса), шайтана, ярымтык – пэри или шурале (Муйтен-бий, Чингиз-хан, легенды «Шайтаново племя», «Ара² бире», «Чертов ара» и т.д). Если племя, восходящее своими корнями к известным историческим личностям, призвано представлять его силу и мощь,

¹ Статья печатается при финансовой поддержке гранта РФФИ 2019 г. 18-412-020006 «Межрегиональные контакты и диалог культур в материалах фольклорно-археографических экспедиций в регионах РФ».

² Здесь: ара – родовое подразделение у башкир, бире – пэри, оборотень.

то мифические персонажи, животные являлись тотемными, священными существами. Как считает Ф.А.Надршина, «<...> возникновение озера, впадины на месте тебеневки священных животных (тулпар, олень, бык...) является широко распространенным мотивом в мировом фольклоре» [Башкирское народное творчество, 1997, с. 373]. Олени или маралы являются священными животными у киргизов. Таковыми они, видимо, являлись и у гайнинских башкир, потому что именно оленей седлали два брата Айна и Гайна в вышеупомянутой легенде. Именно на оленьих рогах они вынесли украденное аром солнце. Известное в финно-угорской мифологии существо Ар в данном случае является прообразом ведьмы или бире (ярымтык): безобразное, совершенно нагое существо с телом, покрытым шерстью, с обвислыми грудями, одну из которых оно закинуло за шею, а вторую обернуло вокруг талии. Однако, когда Гайна за совершенное этим существом зло (похищение солнца) стал его лупить, оно превратилось в прекрасную девицу и взмолилось о пощаде. Тогда Гайна женился на ней, и в результате их союза появилось башкирское племя гайна [Башкирское народное творчество, 1997, с. 114-115, 372-373]. Легенду о происхождении деревни Удик-Елпачиха также связывают с этим мифическим существом ар, а точнее, с людьми ар: «Удик – означает один. Здесь жил народ ар»¹ («Удик – беренше дигэнде аңлата. Ар дигэн халык йәшәгән мында»), «Ар – означает первое. Название Удик тоже означает первого человека» («Ар – беренше дигәнне аңлата. Удик дигән сүз дә беренше кешене аңлата» һ.б.) [Фольклор гайнинских башкир, 2012, с. 6]. Так мифическое существо стало выполнять функцию первопредка, прародителя, что является традиционным явлением в фольклоре. В башкирском языке «ар» означает удмуртскую женщину или удмуртский народ. Следовательно, когда говорят, что «Удик – означает один. Здесь жил народ ар», это значит, что деревню Удик zaloжили удмурты. В башкирском языке «ар» также обозначает «позор, стыд» (как было сказано в легенде, ар был совершенно нагим). Также есть слова «ар+бау» – «заколдовывать», «ар+баусы» – «ворожья, гадалка», «арыу» – «уствовать» и др., которые, возможно, являются производными от «ар». Это слово примерно в таком же значении бытовало в древнетюркском языке [Древнетюркский словарь, 1969, с. 53].

Однако, как пишет Р. Султангареева, нельзя сводить сохранившееся в генетической памяти гайнинцев наименование «ар» лишь к финно-уграм, возможно, оно своими корнями восходит к древним арийцам. Эти мысли подводят итог исследований этнолога Р.М. Юсупова [Султангареева, 2012, с. 8; Юсупов, 2008, с. 11]. Как отмечают исследователи, мифологический сюжет о спасении солнца восходит к древнесанскритской мифологии народов Древнего Ирана и Древней Индии [Султангареева, 2012, с. 8-9]. Жители деревни Удик утверждают, что название их деревни произошло от удмуртского слова «одӱг» – «удик» – «один или первый». Но этот народ, видимо, давно ассимилировался, оставив свои языковые особенности в речи тульвинских башкир. Когда говорят, что деревни «<...> Барда, Арамаул, Тауауыл, Искер, Удик – все (они)

¹ Здесь и далее перевод наш.

ары <...>», то имеют ввиду родоплеменное подразделение (ара) «ар» – «удмурты» или мифическое существо «ар» также, как и выделение хорьков (көзән) среди усярган Хайбуллинского района или шурале-ярмтык среди племени кыпчак Бурзянского района республики Башкортостан.

Обратимся к истории вхождения башкирских народов в состав Русского государства. Как известно из шежере гайнинских башкир Осинской дороги (шежере хранится в Институте восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге), в 1554-1555 годах Урак-бий ездил в город Чердынь для принятия русского подданства [А.З. и К.М. Асфандияровы, 1999, с. 223; История башкирского народа, 2011, с. 46]. Наличие шежере говорит о принадлежности гайнинцев к башкирам-вотчинникам.

И этногенетическая легенда о происхождении племени гайна, и шежере гайнинцев говорят о том, что они исконно являются башкирами. Об этом свидетельствуют также результаты полевых работ этнографов и фольклористов как прошлых лет, так и настоящего времени, когда местное население до сих открыто признается, что они издревле являются башкирами («без электән ғәйнә башкортлары, кый»).

Кроме того, подтверждением данной теории являются результаты фольклорной экспедиции 2010 года, осуществленной под руководством Р.А. Султангареевой. Как верно отмечает исследовательница, «Гайнинцы, являющиеся одним из древних родов северных башкир, отличаются историей происхождения, особенностями языка и культуры <...> Однако их язык, к сожалению, претерпел изменения в силу различных исторических причин и сегодня находится на грани исчезновения» [Фольклор гайнинских башкир, 2012, с. 3]. Сегодня лишь малая доля старожилов (1926-1928 годов рождения), не сумевших получить хотя бы начального образования в годы войны, сохранили диалект гайнинцев, который близок к диалекту северо-западных башкир Республики Башкортостан [Миржанова, 2006, с. 210]. Изучение татарского языка в школах во многом оставило отпечаток в речи гайнинцев, и потому многие из них считают своим родным языком именно татарский, считая себя при этом башкирами.

Нынешняя экспедиция в Бардымский и Уинский районы Пермского края была организована при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований и правительства Республики Башкортостан силами сотрудников Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН Н.А. Хуббитдиновой, Г.В. Юлдыбаевой, А.Г. Салихова. Выбор именно этих районов Пермского края был обусловлен остротой стоящих на сегодняшний день вопросов о родном языке и духовной культуре наших соотечественников, гайнинских башкир. Почти в каждой деревне вновь и вновь приходилось слышать сетования людей о родном языке. Как и во время фольклорных экспедиций предыдущих лет нам говорили: «...мы испокон веков башкирами были, только язык испортился из-за обучения в школе на татарском...». Это, как говорит Р.А. Султангареева, пробуждает у людей двойственное чувство и неуверенность в своем этническом происхождении и родном языке: «Не знаем как оказались в такой ситуации, кый, нас называют татарами, так как казанцы ближе. Почему мы должны быть татарами?» (М. Юсупова, 1925 г.р., дер.

Удик). «Сейчас вы – гайнинские татары, говорят. И во время переписи не позволили нас назвать как башкир!» (Г. Сайдашева, 1926 г.р.) и т.д.

Вопрос возникает и в связи с переписью населения, проводимой в Бардымском районе Пермского края. Как утверждает А.В. Черных, «при многообразии этнических языков [в Пермском крае – Н.Х.] отмечается высокая степень их сохранности. Однако государственные переписи не дают реальной картины, и в управленческой среде распространено мнение о низкой потребности в родных языках. Компенсировать дефицит сведений позволяют методы полевой этностатистики, включающие анализ мнений экспертов в сочетании с этнологическими наблюдениями и динамическими показателями массовых опросов» [Черных, Каменских, 2019, с. 496]. Результаты последней экспедиции как раз подтвердили это в случае с башкирским населением. Местной власти и первичной организации Исполкома Всемирного курултая башкир в Пермском крае есть над чем подумать и присмотреться к реальной ситуации в крае в преддверии Всероссийской переписи населения, которая будет проведена в 2020 году.

Фольклор же гайнинских башкир разнообразен. Среди прочего, в особенности можно выделить жанр песни. Нами были обнаружены целые тетради, исписанные песнями и такмаками (частушками), а также социально-бытовыми байтами и религиозными мунаджатами. Отрадно отметить, что встречается известный мифологический байт «Сак и Сук», полный текст которого удалось зафиксировать. Также было выявлено распространение байта «Марямкай».

Посчастливилось встретить большой пласт обрядового фольклора, в котором можно выделить свадебные ритуалы, ритуалы по вызову дождя в засушливое лето, традиции по сбору полезных трав, молодежных забав и гуляний и различных суеверных запретов, примет. Интерес представляют традиции, связанные с брачным ритуалом. Издревле в этих краях была распространена традиция похищения невесты. Потенциальный жених приводит к мулле своей деревни понравившуюся невесту. Мулла, спросив о согласии сторон вступить в брак, дает свое благословение, читает молитву – дога. Затем юноша ведет невесту в дом родителей, где знакомит ее с ними. На следующее утро жених вместе с родителями идет в дом своего тестя, где происходит сватовство и сговор о скором бракосочетании – никах.

В зависимости от материального положения родителей никах могли проводить позже, даже через год. Чаще само бракосочетание – никах – могло выступать в роли свадьбы, когда породнившиеся стороны ходили друг к другу в гости.

Ритуал возвращения «души» – «кот», разрезание пут у ребенка, который сразу не начал шагать, молодежная забава зимнего гадания (тын тынлау) – также достаточно распространенные среди гайнинцев обычаи. Также отрадно отметить сохранность детского фольклора; старожилы до сих пор помнят, в какие игры они играли в детстве: «Возвращение домой гусей», «Медведева яма», «Лап-лоп», «Под обрывом медведь есть», «Липовый (глухой) телефон», «Колечко» и др.

Интерес также вызывает вера гайнинцев в наличие хозяев различных предметов, домашних птиц и животных: хозяйка большой воды – Халыужан, хозяйка малой воды – Хусни Хакима, хозяин железа – пророк Давид, хозяин гусей – пророк Иса, хозяин лошади – Ахмет Ясави, хозяин ели – пророк Чыма, хозяин березы – пророк Лут, хозяин коровы – Зэнки-бабай, хозяин овцы – Сулпан-апа, хозяйка глаз – Тутия-эби и т.д. (зур һыу хужаһы – Ылыуыйән, кес кенә һыу хужаһы – Хөсни Хәкимә, тимер хужаһы – Дауыт пәйғәмбәр, қаз хужаһы – Ғайса пәйғәмбәр, аттығы – Өхмәт Ясәви, быуаның, қайын ағасының – Лут пәйғәмбәр, шыршы ағасының – Чыма пәйғәмбәр, һыйырзгығы – Зәнқи бабай, һарықтығы – Сулпан апа, күззекә – Тутия әбей, юл хужаһы – Баһауитдин, қан алдырыу – хужа Ғилфан, кеүәт өсөн – Ғәли хәзрәт, сихәт өсөн – Өхмәт Жәми). Пожилые люди в своих молитвах всегда упоминают их имена.

Во время экспедиции наряду с фольклорными произведениями было уделено большое внимание изучению рукописей и книг на арабском, персидском и тюркских языках. Во всех без исключения населенных пунктах в достаточном количестве встречались полные и неполные письменные памятники, переписанные и изданные более 100-200 лет назад. Многие из них представляют большой интерес для исследователей книжной культуры Урало-Поволжья. Например, большую ценность имеет рукопись с сочинением известного среднеазиатского мыслителя-поэта средневековья Ходжи Ахмеда Ясави «Диуан-и хикмәт» («Сборник мудростей»), приобретенная у жительницы села Барда З. Бухаровой (1949 г.р.). До настоящего времени сохранилось не так уж много рукописных хикматов, поэтому обнаруженный пятистраничный манускрипт со стихотворным произведением Ясави, относящимся к первой половине XIX века, является одним из интересных находок состоявшейся экспедиции. У Захибы Бухаровой на руках хранились 9-10, 13-14 страницы небольшого блокнота, в котором зафиксированы байты, мунажаты. Из сохранившегося отрывка становится понятно, что автором байта является новобранец по имени Загидулла. Предположительно, данное произведение создано во второй половине XIX столетия. В нем имеются такие строфы:

Исем бәнем Загидулла,	Меня зовут Загидулла,
Кичем бәнем сирай тула...	Сильно скучаю вечерами...
Өфе қаласындин киткәч,	После убытия из Уфы
Кан сауыд илә эчмә.	Сильно не горюю.
Өфе юлы олуг юл,	Дороги Уфы длинные,
Олуг чак узадыр....	Длится долго дорога.

Еще одним не менее важным приобретением является хранившийся у З. Бухаровой фрагмент рукописного Корана, состоящего из 39 листов. Этот экземпляр Корана, написанный в самом начале XIX века коричневыми чернилами на синей толстой бумаге, содержит различные суры, в том числе «Йусуф» и другие.

Л.Ш Зимасова (1942 г.р., д.Ишим (Тубян)), являющаяся внучкой известного в свое время ишана Булатова (1834–1916), также передала на хранение в Фонд рукописей Института истории, языка и литературы УФИЦ

РАН некоторые книги своего деда. По сведениям, записанным от Л.Ш. Зимасовой, Гимадетдин-хазрет был шакирдом влиятельного в округе имам-хатиба Арманша Мансурова из деревни Султанай. Среди его книг имеется «Ибтидаинең беренче синиф тәләбәләренә махсус гилм-и хәл. Беренче жез. Казан: Матбағай Кәримиә. 1908. 8 с.» («Основы веры для учеников первого класса начальной школы. Первая часть. 1908. 8 с.»). Она написана учителем уфимского медресе «Хасания» Зуфаром, сыном муллы Ахмедшакира Аль-Касими. На обложке имеются сведения о владельце: «Фи милк Магира бинти Гиләжетдин Шәмсетдинова» (Собственность Магиры Гилязетдиновны Шамсутдиновой). В другой книге «Китаб-и мохтасар әл-викайә фи масаил әл-һидайә лил-имам әл-һумам садри әш-шәриғә Ғабидуллаһ бин мәсғүд бин таж-әш-шәриғә рахмуһум Аллаһ Тәғәлә. Казан: типография Б.Л. Домбровского, 1907. 232 б.», которая была найдена в деревне Ишим, также имеется запись о ее владельце: «Малик улдым (Китаптың хужаһы булдым) бән (мин) Ғабдулла бин мулла Фәхрислам Жәғәфәров. Кәрийә-и Түбән», «Алдым остазымыз ахунд вә мәдрис мулла Әхмәдғәли бин мулла Әхмәдһади хәзрәтемездән. Баһасы 1 сум» («Я, Габдулла бин мулла Фахрислам Ягафаров стал владельцем [этой книги]. Деревня Тубян», «Взял у устада ахуна и мударриса муллы Ахмедгали бин мулла Ахмедһади хазрета. Стоит 1 рубль»).

Также большую ценность имеют письменные памятники, переданные в фонд рукописей имам-хатибами Бардымской старой мечети Артуром-хазретом и Илшатам-хазретом. Среди печатных книг имеется учебник по математике «Хисаб мәсьәләләре. Икенче жез. Казань: Типо-литография императорского университета, 1910. 88 б.» («Задачи по математике. Вторая часть. Казань: Типо-литография императорского университета, 1910. 88 с.»).

Было также установлено, что в Бардымском районе Пермского края распространены различные религиозные книги, в том числе издания Корана («Көрһән шәриф»), «История пророков» («Тарих-и әнбиә»), «Мухаммадия» («Мөхәммедиә») и другая учебно-просветительская литература. Жительница деревни Батырбай Н. Мавлютова передала одно из подобных изданий – «Тарих-и әнбиә. Адәм ғәләйһиссәләмдин хәлифәнең тарихы тәмам улғанча. Янадан бастырыу мөрәттибенең рөхсәтенә мәүкуфтыр. Мөрәттибе Мөхәмдрәхим Әл-Хәнәфи. Нәшере: “Мәғариф” китабханасы. Казан: Ермолаева матбағасы (типо-литография И.В. Ермолаевой, преемн. Ключникова), 1907. 62 б.» («История пророков. От Адама да благословит его Аллах и приветствует до окончания истории халифы. Новое издание принадлежит составителю. Составитель Мухамедрахим Аль-Ханафи. Издатель: библиотека “Маариф”. Казань: типо-литография И.В. Ермолаевой (преемн. Ключникова), 1907. 62 с»). Данное издание принадлежало покойному мужу Н. Мавлютовой.

Среди приобретенных рукописей имеется еще несколько находок, достойных внимания научных исследователей. Нельзя не упомянуть и рукопись с анекдотами о Ходже Насреддине, которая была выполнена в 1850 году с первого казанского издания 1845 года.

Таким образом, исследование духовного наследия наших соотечественников, проживающих за пределами Республики Башкортостан,

проблемы родного языка, выявление степени сохранности народной традиционной и старопечатной книжной культуры, применение к ним аналитического подхода в наших изысканиях позволят успешно вводить их в научный оборот, всесторонне анализировать и популяризировать, что является важнейшей задачей башкирской науки. Возрождение и подъем национального самосознания, самобытного традиционного культурного наследия гайнинских башкир во многом будут помогать решать эти задачи. Необходима совместная работа как научно-образовательных, так и культурно-просветительских учреждений, министерств и ведомств Республики Башкортостан. Все это будет способствовать успеху в этом важном деле и оправдает надежды тульвинских башкир-соотечественников.

Информанты

Масиева Гузель Закиевна, 1953 г.р., д. Тундук Бардымского района, образование среднеспециальное, работник в сфере культуры.

Сардыкова Бибиана Шаймагасумова, 1936 г.р., мать 2 детей, среднее образование, работала поваром, дер. Брюзлы Бардымского района.

Литература

Асфандияров А.З., Асфандияров К.М. История башкирских сел Пермской и Свердловской областей. Уфа, 1999. Кн. 8.

Башкирское народное творчество: легенды и предания. Уфа, 1997. Т. 2.

Древнетюркский словарь. Л., 1969.

История башкирского народа. Уфа, 2011. Т. 3.

Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние). Уфа, 2006.

Султангареева Р.А. Духовный мир башкир рода гайна // Фольклор гайнинских башкир. Уфа, 2012.

Фольклор гайнинских башкир. Уфа, 2012.

Черных А.В., Каменских М.С. Языковое многообразие в Пермском крае и этнокультурное образование: полевая статистика // XIII Конгресс антропологов и этнологов России. Москва-Казань, 2019.

Юсупов Р.М. Гайнинские башкиры // Башкиры-гайнинцы Пермского края. Уфа, 2008.

References

Asfandiyarov A.Z., Asfandiyarov K.M. *Istoriya bashkirskih sel Permskoj i Sverdlovskoj oblasti* [History of Bashkir Villages of Perm and Sverdlovsk Regions]. Ufa, 1999. Vol. 8.

Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo: legendy i predaniya [Bashkir Folk Art: Legends and Traditions]. Ufa, 1997. Vol. 2.

Drevnetyrkskij slovar' [Ancient Turkic Dictionary]. Leningrad, 1969.

Istoriya bashkirskogo naroda [History of the Bashkir People]. Ufa, 2011. Vol. 3.

Mirzhanova S.F. *Severo-zapadnyj dialekt bashkirskogo yazyka (formirovanie i sovremennoe sostoyanie)* [North-Western Dialect of the Bashkir Language (formation and current status)]. Ufa, 2006.

Sultangareeva R.A. *Duhovnyj mir bashkir roda ganja*. [The Spiritual World of the Bashkirs of the Genus Guyna]. *Fol'klor gajninskih Bashkir* [Folklore of the Gayna Bashkirs]. Ufa, 2012.

Fol'klor gajninskih Bashkir [Folklore of the Gayna Bashkirs]. Ufa, 2012.

Chernyh A.V., Kamenskih M.S. *Yazykovo mnogoobrazie v Permskom krae i etnokul'turnoe obrazovanie: polevaya statistika* [Linguistic Diversity in the Perm Region and Ethnocultural Education: Field Statistics]. *XIII Kongress antropologov i etnologov Rossii* [XIII Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia]. Moskva-Kazan', 2019.

Yusupov R.M. *Gajninskie bashkiry* [Gayna Bashkirs]. *Bashkiry-gajnincy Permskogo kraja* [Bashkirs-Gainins of the Perm Territory]. Ufa, 2008.

Н.А. Хуббитдинова, Г.В. Юлдыбаева, А.Г. Салихов

СОВРЕМЕННАЯ ОНОМАСТИКА: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

DOI 10.14258/filichel(2019)4-16

17–20 сентября 2019 года на базе Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого при поддержке РФФИ прошла XVII Международная научная конференция «Ономастика Поволжья».

Это единственная отечественная профильная конференция, история которой охватывает более полувека. Начиная с первой конференции, организованной в 1967 году В.А. Никоновым на его родине в Ульяновске, она проводится в городах на берегах Волги. Сам В.А. Никонов руководил пятью конференциями, которые состоялись, помимо Ульяновска, в Горьком (1969), Уфе (1971), Саранске (1973) и Пензе (1974). Затем в течение 13 лет конференция не проводилась, поскольку, как иронично и вместе с тем точно заметил председатель постоянно действующего оргкомитета профессор В.И. Супрун, «не могла найти пристанища в каком-нибудь волжском городе» [Супрун, 2017, с. 10]. Шестая Поволжская конференция состоялась в 1989 году в Волгограде, начавшись с минуты молчания в память о ее создателе: В.А. Никонова не стало на этапе подготовки... Затем волгоградское ономастическое сообщество еще трижды принимало у себя участников «Ономастики Поволжья»: в 1995, 1998 и 2002 годах. А с 2006 года совместными усилиями российских ономатологов была возрождена никоновская традиция проведения конференции раз в два года в разных городах на Волге: 2006 – Уфа, 2008 – Йошкар-Ола, 2010 – Казань, 2012 – Ярославль, 2014 – Тверь, 2016 – Арзамас...

2017 год нарушил двухгодичный временной интервал: в Ульяновске состоялась XVI Международная научная конференция «Ономастика Поволжья», посвященная 50-летию юбилею первой Поволжской конференции и памяти ее организатора – одного из основателей советской ономастической науки В.А. Никонова.

В 2019 году, вновь с выдержанным двухгодовым интервалом, участников конференции принял Великий Новгород. Изначально участников волновал вопрос о связи Поволжья и Великого Новгорода. В ответ оргкомитет отметил, что Новгородский край не только примыкает к Поволжью, но и отчасти принадлежит Волжскому бассейну, и начало самой Волги находится в глухой местности на пограничье Тверской и Новгородской областей [Супрун, Васильев, 2019, с. 10–11].

2019 год, как и 2017, является памятным для ономастической науки. В 2019 году исполнилось 90 лет со дня рождения признанного классика отечественной ономастики А.В. Суперанской. В память о выдающемся ученом главный научный сотрудник института языкознания РАН Н.В. Васильевна представила вызвавший особый интерес и отклик у аудитории мемориальный доклад «Александра Васильевна Суперанская (1929–2013): страницы жизни и творчества». Н.В. Васильева отметила: «Ушла из жизни “главная по именам” – языковед Александра Васильевна Суперанская» – под таким заголовком вышел один из некрологов в марте 2013 года. Это почетное звание – “главная по именам” – свидетельствует о признании неутомимой деятельности профессора А.В. Суперанской по ономастическому просвещению населения России и других стран» [Васильева, 2019, с. 25].

В работе конференции приняли участие 122 ономотолога: доктора и кандидаты наук, преподаватели вузов и научных центров. Географические границы «Ономастики Поволжья» в Великом Новгороде охватывают 11 зарубежных стран и 33 российских региона.

Участники XVII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 года)

В рамках конференции было проведено 2 пленарных и 7 секционных заседаний.

На пленарных заседаниях были заслушаны и обсуждены доклады, рассматривающие различные направления ономастических исследований: «Функциональная и ассоциативная ономастика» (В.И. Супрун); «Эмотивность как составляющая номинации внутриселенческих линейных объектов»

(А.М. Мезенко); «Православный ономастикон в сербском языке и сербской лингвистике (пути дальнейших исследований)» (Р. Левушкина); «Коннотативная эргонимия» (И.В. Крюкова); «Именование городских топографических объектов и проблемы экспертизы новых названий» (М.В. Голомидова); «Большие дворы – новгородское наследие в ойконимии Карелии» (И.И. Муллонен) «Формирование топонимических микросистем (на материале гидронимии исторических новгородско-псковских земель)» (В.Л. Васильев); «Микротопонимия в аспекте семантического проецирования» (Л.А. Климкова).

На заседаниях секций были представлены доклады, рассматривающие различные аспекты изучения и разделы ономастики: «Историко-этимологические аспекты региональной топонимии»; «Источники и методы изучения топонимии и микротопонимии»; «Городское ономастическое пространство»; «Проблемы антропонимии»; «Теория и методы ономастических исследований»; «Аспекты ономастической периферии»; «Литературная и фольклорная ономастика».

На заключительном заседании были подведены итоги работы конференции и принята ее резолюция. Все участники отметили высокий уровень подготовки как организаторов, так и докладчиков, при этом профессор Г.Ф. Ковалев (г. Воронеж) обратил внимание ономастического сообщества на необходимость более глубокого осмысления и систематизации теоретического материала. В связи с этим у участников возникло коллективное предложение о проведении на следующей конференции Круглого стола по проблемам ономастической терминологии с целью обмена мнениями, обобщения подходов к исследованиям и преодоления научной разобщенности.

Культурная программа конференции отличалась богатством и разнообразием. Помимо экскурсии по центральной части Великого Новгорода (Крепостная стена, Софийский собор, памятник «Тысячелетие России»), участникам были предложены автобусные экскурсии по окрестностям города (Рюриково Городище, Свято-Юрьев и Варлаамово-Хутынский Спасо-Преображенский монастыри, Ильменское Поозерье) и в город Старая Русса с посещением Дома-музея Ф.М. Достоевского, музея романа «Братья Карамазовы» и курорта «Старая Русса».

Как известно, исследование не закончено, если не обозначены его перспективы. Так и конференция не окончена, если не определено место и время следующей встречи. На заключительном заседании XVII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» были названы место и время проведения XVIII съезда ономастологов – поволжский город Кострома, 2020 год. Двухгодовой интервал сокращен, а верность никоновской традиции проведения конференции в местах, связанных с Волгой, сохранена. В XXI веке ономастика – наука о человеке и для человека – закономерно набирает обороты, и «Ономастика Поволжья» по географии участников и широте рассматриваемых проблем постепенно перерастает в «Ономастику России».

Литература

Васильева Н.В. Александра Васильевна Суперанская (1929–2013): страницы жизни и творчества // Ономастика Поволжья. Великий Новгород, 2019.

Супрун В.И. Завещание Владимира Андреевича Никонова // Ономастика Поволжья: из истории конференции. Ульяновск, 2017.

Супрун В.И., Васильев В.Л. Предисловие // Ономастика Поволжья. Великий Новгород, 2019.

References

Vasil'eva N.V. *Aleksandra Vasil'evna Superanskaya (1929–2013): stranicy zhizni i tvorchestva* [Alexandra Superanskaya (1929–2013): Pages of Life and Creativity]. *Onomastika Povolzh'ya* [Onomastics of Volga Region]. Velikii Novgorod, 2019.

Suprun V.I. *Zaveshchanie Vladimira Andreevicha Nikonova* [Will of Vladimir Nikonov]. *Onomastika Povolzh'ya: iz istorii konferencii* [Onomastics of Volga Region: from the History of the Conference]. Ulyanovsk, 2017.

Suprun V.I., Vasil'ev V.L. *Predislovie* [Foreword]. *Onomastika Povolzh'ya* [Onomastics of Volga Region]. Velikii Novgorod, 2019.

Н.А. Максимчук, Н.В. Бубнова

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ЛИНГВОАКУСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ КАК ОСНОВНОЙ КОМПОНЕНТ КОМПЬЮТЕРНЫХ ОБУЧАЮЩИХ ЯЗЫКОВЫХ ПРОГРАММ: НОВОЕ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Ю.А. Здоронок

DOI 10.14258/filichel(2019)4-17

Данный материал посвящен описанию возможностей использования платформы Moodle в обучении иностранному языку на основе экспериментального курса, проведенного в группе студентов 1-го курса факультета маркетинга, менеджмента и предпринимательства в БНТУ г. Минска в 2018–2019 гг.

Лингвоакустические ресурсы – составляющие лингвоакустики, рассчитаны на практическое применение и их изучение происходит путем непосредственного взаимодействия пользователя с компьютером, на интерфейс которого одновременно передается информация в текстовой, аудиальной, графической и визуальной форме. В руках опытного специалиста в области проектирования, создания компьютерных программ и преподавания иностранных языков, то есть прикладного лингвиста, лингвоакустические ресурсы становятся важным компонентом обучающих языковых программ.

Компьютерные обучающие языковые программы создаются целенаправленно для поддержки работы преподавателя по внедрению в процесс обучения разнообразных **методик** преподавания, требующих и / или основывающихся на использовании прикладных программ или приложений. Их цель – в короткие сроки обучения достичь максимально возможного обучающего эффекта – умения **разговаривать** на другом языке.

Для эффективного освоения иностранного языка необходимы лингвоакустические ресурсы, то есть «речевые обороты, которые органически объединяют в себе различные аспекты языка – грамматический, лексический, фонетический (в устной речи) или графический (в письменной) в готовое для употребления (или восприятия) речевое целое, а именно: *предложение*, построенное в соответствии с нормами иностранного языка» [Речевой образец, URL]. Так складывается речевик (разговорник), который строится на самых необходимых для общения фразеологических единицах на темы: «Я хочу», «Я

имею», «Я путешествую», «Я иду в кино», «Я иду в магазин», «Я собираюсь в гости», «Я ищу работу», «Я собираюсь в командировку», «Я бронирую номер в отеле», «Я знаю, как урегулировать конфликтную ситуацию на работе», «Я выступаю с докладом на конференции» и т.д. Такие темы показывают на другом языке желания, бытовые и профессиональные потребности, поэтому они запоминаются легко и свободно.

Созданный речевик (разговорник) – это не словарь-разговорник, с которым путешествующие и туристы отправляются за рубеж, в командировку или на отдых. «Новый словарь методических терминов и понятий» [Азимов, 2009] дает такое определение: «**разговорник** – это *средство обучения* языку, предусматривающее преимущественное развитие *устной речи* в пределах тем и ситуаций общения, характерных для той или иной сферы общения (главным образом бытовой и профессионально-деловой). Включает набор *моделей предложений* с лексическим наполнением и *речевые образцы* (часто с переводом на родной язык учащегося), типичные для разных тем и ситуаций общения, упражнения на их *активизацию*, а также тексты, иллюстрирующие употребление речевого материала. Разговорник считается эффективным средством овладения языком в *сжатые* сроки в конкретном виде *речевой деятельности* и преимущественно при значительном объеме *самостоятельной работы*».

В реалиях современной модели высшего образования «Университет 3.0» рождаются новые формы взаимоотношений между преподавателем и обучаемым, местом встречи которых помимо учебной аудитории становится электронный класс на платформе Moodle. Динамическая объектно-ориентированная среда Moodle, как одна из самых гибких образовательных платформ, представляет собой совокупность условий, способствующих организации активного и целенаправленного взаимодействия в системе: «преподаватель – компьютер – обучаемый».

Апробация компьютерного обучающего комплекса «Профессиональная лексика (на английском языке)» на платформе Moodle была проведена в течение двух учебных семестров (двух циклов обучения 2018–2019 гг.) для обучения студентов 1-го курса факультета маркетинга, менеджмента и предпринимательства в БНТУ г. Минска. Всего в эксперименте приняли участие 60 студентов со следующими уровнями владения языком: начальный, ниже среднего и средний. Студенты были распределены в три экспериментальных (смешанное обучение) и три контрольных (традиционное обучение) подгруппы согласно уровню языковой подготовки, определенному на основе входного теста.

В целом экспериментальное обучение показало, что освоение иностранного языка студентами в первой группе (высокий уровень первоначальной подготовки) в объектно-ориентированной среде Moodle давалось легко. Во второй группе с высоким и средним уровнем первоначальной подготовки на первом этапе обучения показатели были ниже, однако на втором этапе было достигнуто сокращение сроков освоения материала. Третья экспериментальная группа студентов (низкий уровень

первоначальной подготовки) выявила тенденцию по изменению привычного стереотипа поведения в учебном процессе на более активный.

Проведенный эксперимент показал, что важнейшим компонентом компьютерных обучающих языковых (прикладных) программ являются систематизированные в виде учебного речевика (разговорника) лингвоакустические ресурсы, которые удовлетворяют потребности в сжатые сроки достичь максимально возможного обучающего эффекта в процессе овладения иностранным языком.

Литература

Азимов Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий: теория и практика обучения языкам. М., 2009.

Речевой образец. [Электронный ресурс]. URL: <http://helpiks.org/6-14505.html>

References

Azimov E.G. *Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponyatij: teoriya i praktika obucheniya yazykam* [A New Dictionary of Methodological Terms and Concepts: Theory and Practice of Language Teaching]. Moskva, 2009.

Rechevoj obrazec [A Speech Sample]. URL: <http://helpiks.org/6-14505.html>

Ю.А. Здоронок

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

И.В. Тресорукова Семантика символического компонента *νερό* ‘вода’ в новогреческой фразеологической картине мира. Одним из средств выражения этнокультурного сознания являются символы, которые воплощают основные категории и смыслы культуры и формируют различные культурные коды в составе языковой картины мира (ЯКМ). Одним из культурных кодов ЯКМ является пищевой код, где вода входит в число базовых метафор и символических компонентов. Вода также является распространенным образом во фразеологической картине мира. В данной статье проводится анализ функционирования символического компонента *νερό* ‘вода’ в структуре фразеологических единиц (ФЕ) новогреческого языка в свете полевой устроенности его семантики. В результате проведенного исследования выявляется, что многообразие осмысления символического компонента вода в составе ФЕ новогреческого языка выражено посредством конструкций, занимающих все сектора ЛСП и описывающих весь спектр образного моделирования жизни человека, событий и явлений, происходящих в ней, что делает этот символический компонент неотъемлемой частью фразеологической картины мира носителя новогреческого языка.

I.V. Tresorukova. Semantics of a Symbolic Component *Water* in the Modern Greek Phraseological World View. The article deals with the analysis of food code in Greek phraseology, based on the study of one of its basic symbolic components – *water*. The food code is one of the components of the cultural code as a whole which forms images and figurative systems, expressed by the combination of linguistic means. Thus, it is regularly reproduced in speech. Phraseological units (PUs) are used as a material for research as they play an important role in cultural linguistics, they create a particular symbolism of the surrounding world. Among other meanings of figurative nomination (e.g. various tropic meanings, such as metaphors, comparisons, etc.) PUs take on the functions of imaging and expressing the material, spiritual and linguistic view of the world of man and the nation as a whole, while they form various cultural codes as a part of

the linguistic view of the world (LVW). As a result of the analysis, it is possible to state that the diversity of understanding the symbolic component *water* in the Modern Greek PUs is expressed through constructions from all sectors of the LVW. They describe the whole variety of figurative modeling of human life, its events and phenomena, which makes this symbolic component an integral part of the phraseological view of the world of a native Greek speaker.

С.Г. Буданова, А.Г. Рябинина. Стереотипизация понятия «Новый год» в русской языковой картине мира (на материале вторичных текстов современной рекламы). В статье проанализировано стереотипизированное понятие «Новый год», функционирующее в текстах современной рекламы. Выделены следующие средства его реализации: прецедентные тексты, типичные образы и объекты действительности, стандартные ситуации. Прецедентные тексты, входящие во вторичный рекламный материал, предполагают апелляцию к широко известным, узнаваемым источникам, которые в сознании усредненного носителя русского языка ассоциируются с Новым годом. Включение в видеоматериал типичных образов и объектов действительности сопровождается сохранением присущих речевых характеристик и узнаваемых деталей. Стандартная ситуация представляет собой аллюзию на новогоднюю традицию и / или жизненный опыт, заложенный в сознании носителей русского языка и культуры. Приведены примеры конкретных рекламных текстов с их подробным анализом. Выявлены наиболее частотные источники, которые используются для создания вторичного рекламного текста, отсылающего к рассматриваемому стереотипизированному понятию. Проведена аналогия с русским ассоциативным словарем, что позволило выявить новые реакции на стимул «Новый год».

S.G. Budanova, A.G. Ryabinina. Stereotypification of the Notion *New Year* in the Russian Linguistic View of the World (Based on Secondary Texts of Modern Advertising). In the article the stereotyped concept *New Year* functioning in the texts of modern advertising is analyzed. The following means of its implementation are defined: precedent texts, typical images and objects of the real world, common situations. Precedent texts, entering the secondary advertising material, assume the appeal to widely known, recognized sources which associate with a happy New Year in the consciousness of any native speaker of Russian. Introduction of typical images and objects of the reality into the video data is accompanied by preservation of inherent speech characteristics and

recognizable details. The standard situation represents a hint to New Year's tradition and / or the life experience present in the consciousness of native speakers of the Russian language and their culture. Examples of advertising texts with their detailed analysis are provided. The most frequent sources used for creation of secondary advertising texts which refer to the considered stereotyped concept under consideration are revealed. The analogy to the Russian associative vocabulary that allows to reveal new reactions to the stimulus *New Year* is found.

О.Г. Твердохлеб. Способы наивного толкования концептов «рай» и «ад» в афористических определениях. Настоящая статья посвящена рассмотрению такого явления, как способы истолкования в афористических определениях двух лексем, номинирующих наиболее известные библейские пространственные объекты. На основании анализа языкового материала показано, что в афоризмах с четко выраженной двучленной формой в качестве заголовочных единиц активно используются лексемы *ад* (чаще) и *рай* (реже), что свидетельствует о большем интересе создателей афоризмов к понятию *ада*. Устанавливается, что в афористических дефинициях при истолковании лексем *рай* и *ад* употребляются традиционные в лексикографии способы (обычно гиперонимический и описательный; единично перечислительный, отрицательный и синонимический). Выявлены и описаны специфические черты (наличие детализирующих оценочных определений, редуцированных описательных операторов), свойственные только афористическим определениям и обусловленные широкими коннотационными возможностями лексем, номинирующих наиболее известные библейские пространственные объекты. Результаты проведенного исследования могут представлять интерес для специалистов, занимающихся проблемами афористики и лексикографии.

O.G. Tverdokhle. Ways of Naive Interpretation of Concepts *Paradise* and *Hades* in Aphoristic Definitions. This article is devoted to the consideration of such phenomenon as ways of interpretation in aphoristic definitions of two lexemes, nominating the most famous biblical spatial objects. Based on the analysis of linguistic material, it is shown that in the aphorisms of distinct binomial form lexemes of *hades* (often) and *paradise* (rarely) are widely used as header units, which indicates a greater interest of aphorisms creators to the concept of *hell*. Aphoristic definitions in the interpretation of lexemes *paradise* and *hades* are used in traditional lexicography methods (usually in a hypernym and descriptive ways; individual enumeration, negative and synonymous ones). Some specific

features, such as availability of details in the evaluation of definitions, as well as descriptive reducible operators, are identified and described in the article. These features are characteristic only of aphoristic definitions and connotation due to the wide possibilities of lexemes nominating the most famous biblical objects. The results of the study may be of interest to specialists dealing with the problems of aphoristics and lexicography.

А.В. Уржа. Классификация эгоцентрических средств языка сквозь призму анализа переводного нарратива. Функциональное взаимодействие эгоцентриков. В фокусе исследования, результаты которого положены в основу статьи, – функциональное взаимодействие разнообразных эгоцентриков в нарративе. С опорой на существующие типы таксономий эгоцентрических смыслов и выражающих их средств разработана классификация, объединяющая изофункциональные эгоцентрики, «поддерживающие» друг друга в фокализированных фрагментах повествования, при апелляциях к читателю и т.п. Каждая из четырех сфер эгоцентрии охарактеризована в семантическом и прагматическом плане, представлены списки реализующих ее языковых средств. Показательные контексты для изучения взаимодействия эгоцентриков представляют варианты русских переводов англоязычных нарративов. Сопоставляя переводческие решения, можно наблюдать, как варьирование одного типа эгоцентриков затрагивает другие, определять, какой прагматический эффект наблюдается при аккумуляции эгоцентрических средств. В качестве иллюстративного материала в статье привлечены русские переводы романа Марка Твена «Приключения Тома Сойера».

A.V. Urzha. Classification of Egocentric Language Units Based on the Analysis of Translated Narratives. Functional Interaction of Egocentrics. The article focuses on the interaction of egocentric language means in a narrative. Based on the analysis of modern taxonomies of egocentric meanings and units, a new classification is offered. It combines various egocentric language means that perform the same function in particular extracts of narrative, in the parts, addressing the reader, etc. Four egocentric spheres are distinguished; their typical language means are presented. Semantic properties and pragmatic effects of the four types of egocentrics are described. The contexts for studying the interaction of egocentrics can be found in Russian translations of English narratives. Comparing the translators' strategies, we can see that any change of one type of egocentrics affects the other types. Accumulating egocentric words in translation also has some pragmatic effect, foregrounding the part of the

narrative. Russian translations of *The Adventures of Tom Sawyer* by Mark Twain are used as source texts of the research.

Г.Ф. Лутфуллина. Анализ функционирования глагола информирования для выражения категории пересказывательности в русском языке. Косвенная эвиденциальность предполагает опосредованное получение информации от третьих лиц. Диахронность ситуации информирования и сообщаемой ситуации является условием реализации категории пересказывательности. Семантическая структура высказываний с реализацией категории пересказывательности предполагает наличие информирующей части – ситуации информирования. Объектом сообщения является динамическая, глагольно выраженная ситуация. Она соответствует сообщаемой части высказывания, которая представлена, как правило, придаточным предложением. Сложные предложения с заявленной семантической структурой не отличаются высокой частотностью. Глагол информирования часто встречается в словах автора, вводящих или следующих за прямой речью, а также в сочетании с косвенным дополнением – процессным существительным или существительным на глубинном уровне представляющим ситуацию, а также прямым дополнением – представляющим адресата или получателя информации. Настоящее исследование показало, что в русском языке дистрибуция временных форм предполагает доминирование форм прошедшего времени, а также формы настоящего времени.

G.F. Lutfullina. The Analysis of Information Verb Functioning: Expression of Reportative Category in Russian. Indirect evidentiality implies indirect reception of information from third parties. The diachronicity of the situation of informing and the reported situation is a main condition to implement reportative category. The semantic structure of statements implementing reportative category words comprises informing part - the informing situation. The object of the message is a dynamic verbalized situation. It corresponds to the reported part of the statement, which is usually presented by subordinate clause. Complex sentences with the declared semantic structure do not have high frequency. The informing verb is often included in the authors' words, introducing or following the direct speech, as well as in combination with indirect object – process noun or noun at a deep level representing the situation, as well as direct object – representing the addressee or recipient of information. The present study shows that in the Russian language the distribution of tenses presupposes the dominance of past tenses, as well as present tense.

О.Б. Солдатова. Аксиологический потенциал разговорных слов *mum, kid, dad*. В статье представлен анализ реализации аксиологического потенциала разговорных лексем *mum, kid, dad* в контексте. Предпринята попытка выявить влияние фамильярной разговорной маркированности данных лексических единиц, а также содержания концептуально-когнитивных фреймов «*mother*», «*child*», «*father*» на способность слов создавать и интенсифицировать оценку в контексте. В структуре каждого концептуально-когнитивного фрейма выделены кластеры, детерминирующие создание и / или интенсификацию оценки в тексте британской газеты *The Guardian*. Выделены следующие случаи создания контекстуальной оценки: положительной оценки при реализации мелиоративного аксиологического потенциала лексемы, отрицательной оценки при пейоративной оценке номинанта автором и отрицательной оценки при реализации мелиоративного потенциала слова. Случаи последнего типа актуализации оценочных смыслов представляют особый интерес, поскольку демонстрирует реализацию таких функций средств массовой информации, как формирование отношения читателя к описываемым событиям, влияние на оценку и эмпатическое восприятие происходящего реципиентом.

O.B. Soldatova. Axiological Potential of the Colloquial Words *Mum, Kid, Dad*. The article presents the analysis of the axiological potential realization of colloquial lexemes *mum, kid, dad*. The author studies the influence of colloquial markedness of these words, as well as the content of conceptual-cognitive frames *mother, child, father*, on the capability of words to create and intensify the contextual evaluation. In the structure of each conceptual-cognitive frame some clusters are defined that determine creation and / or intensification of the evaluation in the texts of the British newspaper *The Guardian*. The following cases of contextual assessment are recognized: positive evaluation due to the implementation of the lexeme's ameliorative axiological potential, negative evaluation due to the author's pejorative attitude towards the nominee and negative evaluation due to the realization of the word's ameliorative potential. Cases of the latter type of evaluation meanings are of particular interest, since it demonstrates the implementation of such media functions as the formation of audience's attitude towards the events described, the impact on the recipient's evaluation and empathic perception of the situation.

Н.А. Грищенко, Е.О. Ершова, М.А. Старшева. Из истории знакомства англоязычной аудитории с поэмой Н.В. Гоголя «Мертвые души». Данная статья является вкладом в исследование

процесса распространения знаний о творчестве Н.В. Гоголя в англоязычном мире. Цель статьи состоит в рассмотрении первого этапа процесса ознакомления англоязычной аудитории с поэмой Н.В. Гоголя «Мертвые души». Материалом данного исследования послужили статьи и заметки из англоязычных журналов исследуемого периода, а также дневниковые записи и предисловия к переводным изданиям. Статья освещает несколько этапов дискуссии об авторстве книги «Жизнь в России» (*Home Life in Russia*), вышедшей в 1854 году, которая являлась «пиратским переводом» гоголевского произведения, а также предлагает обзор англоязычных источников (до 1886 года), в которых присутствуют упоминания о поэме «Мертвые души». Данная статья также обращает внимание на восприятие поэмы Н.В. Гоголя англоязычной публикой и предлагает некоторые отзывы о данном произведении переводчиков, литературных критиков, писателей, ученых того времени, предметом исследования которых являлась Россия и ее литература.

N.A. Grishchenko, E.O. Ershova, M.A. Starsheva. On the History of Acquaintance of English-Speaking Readers with N. Gogol's Poem *Dead Souls*. The article deals with the research of the English-speaking world awareness of N. Gogol's works. The purpose of the article is to consider the process of the first acquaintance of English-speaking readers with the novel *Dead Souls*. The material under analysis includes articles from English-language journals of the period under study, as well as diary notes and some introductions to translations. The author describes several stages of the discussion about the authorship of the book *Home Life in Russia*, published in 1854, which was an illegal translation of the novel *Dead Souls*. The article contains a review of English-language sources (before the year of 1886), in which references to the poem *Dead Souls* were found. The author of the article draws attention to the perception of Gogol's works by English-speaking audience and offers some reviews of it, given by translators, critics, writers, scientists – members of the English-speaking society who were interested in Russia and the Russian literature at that time.

М. Яхьяпур, Т.А. Кошемчук. Диалоги в лирике иранской и русской поэтесс: Парвин Этесами и Анны Ахматовой. В статье исследуется использование диалогических форм в лирике двух поэтесс – Парвин Этесами и Анны Ахматовой. В творчестве персидской поэтессы показывается связь древней традиции и новых идей, воплощенных в ее моназере, диалогические формы которых служат утверждению нравственно-философских идеалов и отрицанию личных страстей перед лицом судьбы. Парвин – поэт высокой проповеди,

общественных идеалов и аскетической безупречной нравственности и самоотрешенности. В стихах русской поэтессы воплощается именно отрицаемый Парвин опыт индивидуальных чувств и страстей, взаимодействия двух душ, не слышащих друг друга, и та мудрость, которая никогда не звучит моралистически, но интимно и лично. И диалоги двух душ в ахматовских стихах обостренно выявляют трагизм любви, не дающей гармонии. Сущность диалогов у Парвин – это рождение истины из сопоставления двух позиций, у Ахматовой обмен репликами есть диалог непонимания. В итоге исследование диалога как поэтического приема подчеркивает глубину различий между двумя поэтическими системами, двумя типами творчества и духовного мира поэтесс-современниц, которые, тем не менее, поверх времен и культур перекликаются друг с другом в противостоянии своей трагической эпохе и утверждении своих ценностей.

M. Yahyapour, T.A. Koshemchuk. Dialogues in the Lyrics of Iranian and Russian Poetesses: Parvin E'tesami and Anna Akhmatova. The article explores the use of dialogical forms in the lyrics of two poetesses – Parvin E'tesami and Anna Akhmatova. The work of the Persian poetess shows the connection between ancient tradition and new ideas embodied in her monazara, whose dialogical form serves to proclaim moral and philosophical ideals and denies personal passions in the face of fate. Parvin is a poetess of high preaching, social ideals and ascetic impeccable morality and selflessness. The poems of the Russian poetess embody the experience of individual feelings and passions denied by Parvin, the interaction of two souls which do not hear each other, and the wisdom that never sounds moralistic, but intimate and personal. And the dialogues of two souls in Akhmatova's poems intensively reveal the tragedy of love, which does not give harmony. The essence of Parvin's dialogues is the birth of truth from the comparison of two positions, while Akhmatova's exchange of utterances is a dialogue of misunderstanding. As a result, the study of dialogue as a poetic technique emphasizes the depth of differences between the two poetic systems, two types of creativity and spiritual world of contemporary poetesses, who regardless of time and culture, echo each other in confronting their tragic era and proclaiming their values.

Н. Мамедов-Тагисой. Отражение суфийско-хуруфитского мировоззрения в творчестве Насими. В средневековой азербайджанской литературе творчество Сейида Имадеддина Насими занимает исключительно важное место. Эпоха, в которой жил и творил поэт, была одним из сложных периодов в жизни народа. Мировоззрение Насими складывалось в трудных условиях

антифеодалного, антиминольского ига под влиянием основателя учения хуруфизма Фазлуллаха Наими. Хуруфитские идеи в тот период отвечали настроениям широких народных масс. Однако до знакомства с хуруфитским учением на Востоке довольно широко было распространено учение суфизма, оказавшего значительное влияние на творчество Насими раннего этапа. Оба эти течения неотделимы от исторической судьбы Востока. Насими был знаком с суфийскими воззрениями Ал-Газали и Мансура Халладжа (казненного за утверждение «Ана-аль-хакк», то есть «Я есть бог»), и суфизм Мансура Халладжа неудержимо влек поэта.

В суфизме Аллах и человек двуедины. Именно суфийская философия вывела Насими на арену борьбы за духовно-нравственную независимость. Хуруфизм же привлекал внимание Насими своим вмешательством в социально-политическую жизнь общества и своим отношением к разуму. Формула «Человек и есть Аллах» была в хуруфизме достаточно завершенной. Если в суфизме в тождестве человека и Аллаха ядром является любовь, то в хуруфизме доминирующим является разум. Вот почему следует считать, что творчество Насими оформилось именно под влиянием двух религиозно-философских течений. Через все творчество Насими красной нитью проходит мысль об Истине, она пронизывает фактически все его произведения. Истина для Насими превыше всего. По его воззрениям Человек всемогущ. Он – творческое начало и имеет фактически все атрибуты божественности. Сравнивая человека с Аллахом, Насими стремится не человека поднимать в небеса, а Аллаха спускать на землю. Поэтому в лице человека он видит единого Аллаха. Лицо человека поэт сравнивает со светом Аллаха, считает человека божьей Истиной. Для Насими человеческая сила и познание безграничны. Истина и Правда – его жизненные спутники. Именно они являются мерилami его достоинства, ибо самопознание возвеличивает человека, что в конечном итоге приводит к познанию бога в человеке.

Будучи религиозно-философски мыслящим художником, Насими своими творениями поднял слово на новую высоту. Опираясь на толкование Корана, поэт руководствовался формулой «Аллах → слово → человек». В его толковании у слова есть шесть граней, имеющих свои хронотопы. В его понимании Аллах и слово имеют одну и ту же аналогию и суть. Творец фактически есть проявление сути в букве, слове и выражении. Исходя из религиозно-философских взглядов поэта, мы стремились отразить особенности творчества Имадеддина Насими, оставившего значительный след в истории азербайджанской поэзии XIV – XV веков. Исследуя данную проблему, мы пришли к

выводу о том, что последовательное изучение всего наследия Насими будет всемерно способствовать глубокому постижению его тем, идей, образов и художественного мира.

N. Mammadov-Talisoy. Reflection of the Sufi-Hurufi Worldview in the Works of Nasimi. The works of Seyid Imadeddin Nasimi occupy an extremely important place in medieval Azerbaijani literature. The era in which the poet lived and worked was one of the difficult periods in the life of the people. Nasimi's worldview was formed in severe conditions of the anti-feudal, anti-Mongol yoke movement, and under the influence of the founder of the doctrine of Hurufism, Fazlullah Naimi. That time Hurufi ideas answered the sentiments of the masses. However, before the introduction of the Hurufi doctrine in the East, the doctrine of Sufism had been widely spread, which had a significant impact on the early works of Nasimi. Both these trends are inseparable from the history of the East. Nasimi was familiar with the Sufi views of al-Ghazali and Mansur Hallaj (executed for stating «Ana-al-Haqq», i.e. «I am God»), and the Sufism of Mansur Hallaj irresistibly attracted the poet.

In Sufism Allah and man are dual. It was Sufi philosophy that brought Nasimi into the arena of the struggle for spiritual and moral independence. Hurufism also attracted attention of Nasimi with its involvement in the socio-political life of society and its attitude to the mind. The formula «Man is Allah» was quite complete in Hurufism. While in Sufism love is the core identity of man and Allah, in Hurufism reason is dominant. That is why it should be considered that Nasimi's works were formed precisely under the influence of two religious and philosophical trends. All works of Nasimi are permeated with the thought of the Truth; it dominates virtually in all of his works. For Nasimi truth is above all. According to his views, the Man is almighty. He has a creative element and virtually all the attributes of divinity. Comparing man with Allah, Nasimi doesn't seek to raise the man to the heaven, but rather lower Allah to the earth. Therefore, the Man symbolises the one Allah. The poet compares the man's face with the light of Allah, considers the man to be the God's Truth. For Nasimi, human power and knowledge are endless. Verity and Truth are his life companions. They are the measures of his dignity, for self-knowledge exalts the man, which ultimately leads to the perceiving of God in man.

As a religious and philosophically -minded artist, Nasimi raised the word to a new height with his works. Based on the interpretation of the Qur'an, the poet was guided by the formula «Allah → word → man». In his interpretation, the word has six faces, each having a chronotope. In his understanding Allah and the word have the same analogy and point. The Creator is actually the manifestation of the essence in a letter, a word and an

expression. Based on the religious and philosophical views of the poet, we sought to describe the features of the works by Imadeddin Nasimi, who marked a place for himself in the history of Azerbaijani poetry of the XIV-XV centuries. Exploring this problem, we have come to the conclusion that a consistent study of the entire heritage of Nasimi will contribute to a deep understanding of his themes, ideas, images and the artistic world.

М.С. Дедина. Художественная картина мира в произведениях Александра Ередеева. В статье рассматриваются особенности авторского художественного мира в произведениях известного алтайского писателя Александра Янгановича Ередеева. Цель исследования – изучение структурной организации художественной модели мира, основных признаков и художественных функций авторского мироотражения. Основное внимание в работе уделено выявлению и анализу как типичных черт влияния историко-литературной ситуации, традиционных народных мировоззренческих концептов на художественный мир писателя, так и особенностей проявления персонального уникального авторского стиля. Доказано, что в центре авторской художественной картины мира находится природный континуум, который, согласно мифологическому мировоззрению (базовая основа традиционного миропонимания алтайцев), воспринимается как идеальное совершенное пространство, в котором может органично существовать, по А. Ередееву, только чувствительная натура, такая как ребенок или творческая личность (поэт).

M.S. Dedina. Artistic World View in the Works of Alexander Eredeev. The article discusses the features of the author's artistic world in the works of the famous Altaian writer Alexander Yanganovich Eredeev. The aim of the research is to study the structural organization of the artistic model of the world, the main features and artistic functions of the author's world view. The main attention is paid to the identification and analysis of both typical features of the influence of the historical and literary situation, traditional folk worldview concepts on the artistic world of the writer, and the features of the manifestation of the unique author's style. It has been proved that in the centre of the author's artistic picture of the world there is a natural continuum, which according to the mythological world view (the basis of the traditional world view of the Altaians) is perceived as an ideal perfect space in which, according to A. Eredev, only a sensitive nature, such as of a child or a creative person (poet) can exist harmoniously.

Е.Н. Василенко. «Язык вражды» как предмет научного анализа и как социальный феномен (теоретическое обоснование

перспектив исследования). Возросший интерес исследователей всего мира к феномену *hate speech* обусловлен тем, что использование элементов вербализации коммуникативно-прагматической категории враждебности несет в себе значительную социальную опасность, так как может быть формой проявления того или иного вида дискриминации или нетерпимости. В статье представлен краткий обзор работ, посвященных изучению «языка вражды» в мировой гуманитаристике. Обуславливается необходимость комплексного междисциплинарного подхода к изучению рассматриваемого явления. Очерчиваются основные направления исследований в данной области: причины возникновения и последствия использования «языка вражды» как социального феномена, правовой статус «языка вражды» в законодательстве разных стран на различных уровнях и поиск единой дефиниции самого термина в современной гуманитарной науке. Обозначена позиция международного сообщества относительно вербализации или другой манифестации враждебности по отношению к представителям той или иной социальной группы.

E.N. Vasilenko. Hate Speech as an Object of Research and as a Social Phenomenon (Theoretical Grounding of Research Prospects).

The increasing interest of researchers all over the world for the phenomenon of hate speech is due to the fact that verbalization of the communicative-pragmatic category of hostility carries a significant social danger, since it can be a form of manifestation of one or another kind of discrimination or intolerance. The article provides a brief overview of the works devoted to the study of hate speech in modern humanities. The necessity of a comprehensive interdisciplinary approach to the study of the phenomenon under consideration is determined. The main directions of research in this area are outlined: the causes and consequences of the use of hate speech as a social phenomenon, the legal status of hate speech in the legislation of different countries at various levels, and the search for a single agreed definition of the term in modern humanitarian science. The position of the international community regarding verbalization or other manifestation of hostility towards representatives of a particular social group is indicated.

Н.В. Кожанова. Этнокультурная специфика немецкоязычных печатных объявлений о вакансиях. В статье объявления о вакансиях, размещенные в печатных периодических изданиях, рассматриваются с точки зрения наличия в них этнокультурной специфики. Анализируемые тексты характеризуются наличием признаков разных стилей и относятся к объявлениям-директивам. Особое внимание уделяется информативной функции, которая проявляется прежде всего

в подробном описании фирмы-работодателя. В статье представлен структурный анализ текстов объявлений о вакансии. Указывается такая особенность немецких объявлений о вакансии, как ориентированность на соискателей как мужского, так и женского пола. Основополагающими пунктами немецких объявлений являются описание должностных обязанностей и профиля соискателя. В качестве выводов отмечается важная роль данного жанра в жизни общества, благодаря ему можно найти работу, основное средство для поддержания социального статуса. Также в текстах объявлений о вакансии можно найти языковое подтверждение изменений в обществе, определить его ценности и приоритеты, и, наконец, можно увидеть черты, которые характерны именно для немецкого этноса, то есть этнокультурную специфику.

N.V. Kozhanova. Ethno-cultural Specificity of Printed Job Advertisements in German. Job advertisements placed in printed periodicals are considered in the article from the point of view of the presence of ethno-cultural specificity in them. The analyzed texts are characterized by the presence of features belonging to different styles and referring to prescription advertisements. Special attention is paid to the informative function, which is manifested primarily in a detailed description of the employer firm. The article presents a structural analysis of the texts of job advertisements. The author points out such a peculiar feature of the job advertisement in German as targeting at both male and female applicants. The fundamental points of German ads are the job description and the profile of the applicant. In conclusion, the author draws attention to the important role of this genre in social life, it makes possible finding a job, it is the main means to maintain social status. In the texts of job advertisements, you can find linguistic proofs of changes in society, as well as, determine its values and priorities, and finally, you can see the features characteristic of the German society, that is ethno-cultural specifics

Е.С. Радионцева. Мода на fashion: специфика развития fashion-журналистики в России. В статье исследуются типологические особенности одного из самых устойчивых сегментов российской медиаиндустрии – fashion-СМИ. Анализ проводится на основе эмпирических данных – открытой информации о fashion-СМИ и издательских домах, которые их выпускают. В качестве методологической основы применяется общепризнанное типологическое деление СМИ на печатные, аудиовизуальные и электронные ресурсы, а также признание таких типологических доминант, как аудитория и цели изданий. По отношению к fashion-

СМИ автор предлагает ввести в типологию еще один критерий, который позволит обозначить типологическое многообразие СМИ о моде, – это ценности, транслируемые и формируемые изданиями. В статье представлена новая структура fashion-СМИ, соотносимая с устойчивой классификацией в fashion-индустрии: издания уровня от-кутюр, прет-а-порте и масс-маркета. Автор упоминает о наиболее ярких ТВ-проектах о моде на общедоступных и специализированных телеканалах. Материал может быть полезен не только журналистам, но и практикам fashion-индустрии.

E.S. Radionseva. The Vogue of Fashion: Specifics of Development of Fashion-journalism in Russia. The article examines the typological features of one of the most stable segments of the Russian media industry – fashion-media. The analysis is based on empirical data-open information about fashion-media and publishing houses that produce them. The generally recognized typological division of the media into printed, audiovisual and electronic resources is applied as methodological basis, as well as such typological dominants as the audience and goals of publications are recognised. The author proposes to introduce another criterion into the typology in relation to public media, which will allow to designate the typological diversity of the media about fashion-these are the values broadcast and formed by publications. The article presents a new structure of fashion media, correlating with a stable classification in the fashion industry: publications on of Haute couture, pret-a-porter and mass market. The author mentions the most striking TV projects about fashion on public and specialized TV channels. The material can be useful not only for journalists, but also for practitioners of the fashion industry.

В.В. Чекушин. «Мы все соборно виноваты»: эксплуатация христианского дискурса в эпистолярной и публицистике А.Н. Толстого 1917–1923 гг. В статье исследуются прагматический и идеологический аспекты использования А.Н. Толстым христианской топики. Этот процесс предельно интенсифицировался в пореволюционное время, а затем непосредственно перед возвращением писателя в СССР. Данный мотивный комплекс эксплуатировался писателем с целью выражения его историософских взглядов: он использовал образ государства-Левиафана, которое во время революции распалось на составные части и, обновленное после Гражданской войны, должно соединиться в единое «тело». Большевики же прямо сравнивались с бесами, а их критика ориентируется на философские построения Достоевского. Позднее, незадолго до отъезда в СССР Толстой с помощью христианской образности обосновывал

перемену идеологической позиции: тогда он обращался к категории соборности и метафорам «смерти» и «воскрешения». Для усиления аргументации Толстой имплицитно сравнивал свои злоключения в эмиграции с крестными муками Христа. Использование христианской образности как в бытовой речи, так и в публицистике помогало придать неоднозначному поступку мессианский окрас.

V.V. Chekushin. «We are all guilty»: the Exploitation of Christian Discourse in the Epistolary and Publicistic Writing of A.N. Tolstoy 1917-1923. The article explores the pragmatic and ideological aspects of employment of Christian topics by A.N. Tolstoy. This process was extremely intensified in the post-revolutionary period, and then just before the return of the writer to the USSR. This motif complex was exploited by the writer in order to express his historiosophical views: he used the image of the state-Leviathan, which during the revolution disintegrated into its component parts and, renewed after the Civil war, must unite into a single «body». The Bolsheviks were directly compared to demons, and the criticism of them is guided by Dostoevsky's philosophical views. Later, shortly before leaving for the USSR, Tolstoy, with the help of Christian imagery, explained the change of ideological position: he turned to the category of conciliarism and metaphors of «death» and «resurrection». To strengthen the support Tolstoy implicitly compared his misadventures in emigration with the agonies of Christ on the cross. The use of Christian imagery both in everyday speech and in journalism helped to give an ambiguous act a messianic tint.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2019 ГОД

Статьи

Е.И. Абрамова. Лингвокультурный потенциал дендронима <i>oak</i> и англо-кельтский символизм дуба.....	3
И.П. Амзаракова. Преувеличение и преуменьшение как маркеры речевого развития ребенка: акмеологический подход	2
С.А. Ан, Я.П. Изотова. О вечном и временном: семантика заглавия романа Рут Озеки «Моя рыба будет жить»	1
Т.А. Богумил. Образ Барнаула в поэзии барнаульцев	3
О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина. Актуализация материнского языка в речи современного сельского жителя	3
С.Г. Буданова, А.Г. Рябинина. Стереотипизация понятия «Новый год» в русской языковой картине мира (на материале вторичных текстов современной рекламы)	4
Г.И. Варламова. Образы людоедов <i>девупки</i> и <i>чулуды</i> в фольклоре эвенков.....	2
Е.А. Вдовиченко, Г.И. Лушникова. Дискурс любви в художественной литературе (на материале романа Эрика Шмитта «Попугай с площади Ареццо»)	3
Д.М. Герасимчук, Н.В. Мельник. Образ Кемеровской области в обыденном языковом сознании жителей страны как результат политического позиционирования региона.....	2
В.А. Голянская, Н.В. Мельник. Стратегии и тактики политической манипуляции в СМИ.....	3
Н.А. Грищенко, Е.О. Ершова, М.А. Старшева. Из истории знакомства англоязычной аудитории с поэмой Н.В. Гоголя «Мертвые души»	4
М.С. Дедина. Мотив сиротства в повести Кюгея Телесова «Кайда ол јол?» («Где та дорога?»).....	2
М.С. Дедина. Художественная картина мира в произведениях Александра Ередеева.....	4
В.М. Егодурова. Лексика восточного календарного времяисчисления в русскоязычном романе М.И. Жигжитова «Год белой курицы»	3
В.Я. Иванова. Структура художественного времени и пространства в пьесе А. Вампилова «Дом окнами в поле»	1
Е.Ю. Иванова. Подчинительный союз <i>da / da</i> в южнославянских языках	1
О.А. Коба. Парадигматика и синтагматика инженерного дискурса: лингводидактический подход	1
А.Ф. Корякина. Аналогии в сюжетных мотивах якутского олонхо и хакасского алыптых ныхмах	3

А.В. Кремнева. Интертекстуальные включения как один из барьеров на пути интерпретации смысла текста.....	1
Д.В. Кротова. Суждения о поэзии в мемуарном и эпистолярном наследии В. Шаламова	2
А.И. Куляпин. Образ Алтая в рассказе В. Бианки «Она»	2
О.М. Литвишко. Дискурсивные маркеры в государственных политико-правовых документах (на материале Ежегодного послания Президента Федеральному собранию РФ и Ежегодного послания Президента США Конгрессу)	1
Г.Ф. Лутфуллина. Анализ функционирования глагола информирования для выражения категории пересказываемости в русском языке	4
Н. Мамедов-Тагисой. Отражение суфийско-хуруфитского мировоззрения в творчестве Насими	4
Д.С. Мухортов. Об особенностях исследования языковой личности политика на современном этапе	1
Г.М. Набиуллина. Мусульманские святыне в творчестве Лиры Якшибаевой сквозь призму религии и фольклора	2
С.А. Осокина. Языковые особенности оформления договоров купли-продажи автомобиля на русском и английском языках: перевод и локализация	1
Е.Г. Романова. Аккультурация как объект художественного исследования в ранней прозе Г. Гребенщикова	1
Е.Ю. Сафронова. «Дядюшкин сон»: проблема жанра произведения Ф.М. Достоевского.....	3
И.В. Сергодеев. Интертекстуальность как генеральный смыслообразующий текстовый признак (на примере стихотворения Э. Дикинсон «Parting»).....	3
О.Б. Солдатова. Аксиологический потенциал разговорных слов <i>tum, kid, dad</i>	4
О.Г. Твердохлеб. Способы наивного толкования концептов «рай» и «ад» в афористических определениях	4
И.В. Тресорукова. Семантика символического компонента <i>veró</i> ‘вода’ в новогреческой фразеологической картине мира.....	4
Ю.В. Трубникова. Проблемы реализации жанра делового письма в современной деловой коммуникации: коммуникативно-прагматический, структурный и нормативный аспекты	2
Е.В. Тырышкина. ««Морожено!» Солнце...» О.Э. Мандельштам: опыт анализа акмеистического текста	2
А.В. Уржа. Классификация эгоцентрических средств языка сквозь призму анализа переводного нарратива. Функциональное взаимодействие эгоцентриков	4
И.Б. Ушакова. О <i>настоящем</i> и « <i>настоящности</i> »	1
Т.В. Федосова, М.И. Абдыжапарова. Метафоры, которыми жили теории Эрика Берна (на материале книг Э. Берна «Games People Play» и «What Do You Say after You Say “Hello?”»).....	1

М.С. Черепенникова. Итальянские путешествия Гёте и Гоголя. Интертекстуальные параллели. (К юбилейным датам: 270-летию Гёте и 210-летию Гоголя).....	2
Д.А. Шляховой. Коммуникативные стратегии и способы выражения языковой личности блогера (на материале немецкой военной блогосферы)	3
Н.Н. Шпильная. Деривационно-интерпретационный процесс и его следствия при объяснении языковых явлений в системе русского языка	3
А.А. Шунейко, О.В. Чибисова. Буддистские реминисценции в поэзии И.Ф. Анненского	2
М. Хьяяпур, Т.А. Кошемчук. Диалоги в лирике иранской и русской поэтесс: Парвин Этесами и Анны Ахматовой	4

Научные сообщения

М.И. Абдыжапарова, Т.В. Федосова. Образность в научном дискурсе Эрика Берна (на материале книг Э. Берна «Games People Play» и «What Do You Say after You Say “Hello?”»)	3
Е.Н. Василенко. «Язык вражды» как предмет научного анализа и как социальный феномен (теоретическое обоснование перспектив исследования)	4
М.А. Васильченко. Стиль и «личность бренда» (на примере российской версии журнала «Форбс»)	3
М.А. Головцова, А.А. Шунейко. «Восхищение» в разных культурных традициях	1
А.И. Дреер, О.А. Скубач. Гетеротопия лагерного Севера в «Кольмских рассказах» В. Шаламова	3
Э.В. Емельянова. Эпизодическое в историческом фоне родовых саг: на примере сведений о воспитании по договору	2
Е.М. Караваява. В поисках «Земли Обетованной»: герои Гиш Джен как представители гибридного поколения	1
Д.А. Кожанов. Когнитивно-экспрессивный потенциал знаков языка науки в художественном тексте	2
Н.В. Кожанова. Этнокультурная специфика немецкоязычных печатных объявлений о вакансии.....	4
М.Э. Мосесова. Текст международной конвенции как жанр юридического дискурса: особенности структуры (на материале английского языка)	2
И.С. Пахомова. Специфика медицинского дискурса на материале аутентичных текстов по нейрохирургии	3
Е.С. Радионцева. Мода на fashion: специфика развития fashion-журналистики в России.....	4
К.В. Смирнов. Одиночество молчания, если его можно так назвать (образ Оленьки в романе С.Д. Хвоцинской «Городские и деревенские»).....	3
О.А. Теуш. Лексическое воплощение идеограммы ‘просека’	

в диалектах Европейского севера России.....	1
В.В. Чекушин. «Мы все соборно виноваты»: эксплуатация христианского дискурса в эпистолярной и публицистике А.Н. Толстого 1917–1923 гг.....	4
Чжао Сюе. Л. Улицкая в китайской русистике: причины популярности, аспекты изучения.....	1

Проблемы филологического образования

Ю.А. Здоронок. Лингвоакустические ресурсы как основной компонент компьютерных обучающих языковых программ: новое в обучении иностранному языку	4
---	---

Филология: люди, факты, события

Н.А. Максимчук, Н.В. Бубнова. Современная ономастика: достижения и перспективы.....	4
Н.А. Хуббитдинова, Г.В. Юлдыбаева, Л.Х. Мухаметзянова. Общность эпических памятников в духовном наследии башкирского и татарского народов Курганской области как репрезентация диалога культур	2
Н.А. Хуббитдинова, Г.В. Юлдыбаева, А.Г. Салихов. Духовное наследие тульвинских башкир: фольклор и археография (по материалам комплексной научной экспедиции).....	4
Т.В. Чернышова. Алтайский текст в русской культуре: об итогах работы Восьмой международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения В.М. Шукшина (13–15 июня 2019 года, Алтайский государственный университет, г. Барнаул).....	3

Критика и библиография

М.А. Бредис, О.В. Ломакина. Лингвокультурология как учебный предмет XXI века (Рецензия на учебно-методический комплекс Е.И. Зиновьевой «Лингвокультурология: от теории к практике». СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2016).....	2
Е.Ю. Сафронова. Раздвигая границы: литература – культура – туризм (Рецензия на словарь «Литературно-туристический Алтай: топосы – мифы – имена». / под общ. ред. Е.А. Худенко. Барнаул: АлтГПУ, 2018).....	2

НАШИ АВТОРЫ

БУБНОВА,
Нина
Викторовна

– кандидат филологических наук, доцент
Военной академии войсковой противовоздушной
обороны Вооруженных Сил Российской
Федерации имени Маршала Советского Союза
А.М. Василевского (Смоленск).
E-mail: 85ninochka67@mail.ru

БУДАНОВА,
Светлана
Геннадьевна

– кандидат филологических наук, доцент
Кубанского государственного университета
(Краснодар).
E-mail: lanastar@bk.ru.

ВАСИЛЕНКО,
Екатерина
Николаевна

– кандидат филологических наук, доцент
Могилевского государственного университета
имени А.А. Кулешова.
E-mail: e.n.vasilenko@gmail.com

ГРИЩЕНКО,
Наталья
Анатольевна

– кандидат филологических наук, доцент
Сибирского федерального университета
(Красноярск).
E-mail: ashatanatal@mail.ru

ДЕДИНА,
Маргарита
Сергеевна

– кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник Научно-
исследовательского института алтаистики
им. С.С. Суразакова (Горно-Алтайск).
E-mail: dedina76@yandex.ru

**ЕРШОВА,
Евгения
Олеговна**

– кандидат филологических наук, доцент
Сибирского федерального университета
(Красноярск).
E-mail: genja777@mail.ru

**ЗДОРОНОК,
Юлия
Александровна**

– преподаватель Белорусского национального
технического университета (Минск).
E-mail: yuliyazdaranok@gmail.com

**КОЖАНОВА,
Наталья
Викторовна**

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: dsf46k@yandex.ru

**КОШЕМЧУК,
Татьяна
Александровна**

– доктор филологических наук, профессор Санкт-
Петербургского государственного аграрного
университета.
E-mail: koshemchukt@mail.ru

**ЛУТФУЛЛИНА,
Гюльнара
Фирдавиевна**

– доктор филологических наук, профессор
Казанского государственного энергетического
университета.
E-mail: gflutfullina@mail.ru

**МАКСИМЧУК,
Нина
Алексеевна**

– доктор филологических наук, профессор
Смоленского государственного университета.
E-mail: nmaximchuk@yandex.ru

- МАМЕДОВ-ТАГИСОЙ,
Низами** – доктор филологических наук, профессор
Бакинского славянского университета.
E-mail: nizami.mamedov@mail.ru
- РАДИОНЦЕВА,
Екатерина
Сергеевна** – кандидат филологических наук, доцент
Омского государственного университета им.
Ф.М. Достоевского.
E-mail: rakaty@yandex.ru
- РЯБИНИНА,
Алевтина
Геннадьевна** – ассистент Кубанского государственного
университета (Краснодар).
E-mail: alyar2015@yandex.ru
- САЛИХОВ,
Ахат
Губаевич** – кандидат исторических наук, заведующий
отделом Восточных рукописей Института
истории, языка и литературы Уфимского
федерального исследовательского центра РАН.
E-mail: ahatsalihov@mail.ru
- СОЛДАТОВА,
Олеся
Борисовна** – кандидат филологических наук, доцент
Барнаульского юридического института МВД
России.
E-mail: bugaeva82@mail.ru
- СТАРШЕВА,
Мария
Анатольевна** – кандидат филологических наук, доцент
Сибирского федерального университета
(Красноярск).
E-mail: froehlich@yandex.ru

**ТВЕРДОХЛЕБ,
Ольга
Геннадьевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Оренбургского государственного
педагогического университета.
E-mail: ogtwr@gmail.com

**ТРЕСОРИКОВА,
Ирина
Витальевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова.
E-mail: itresir@mail.ru

**УРЖА,
Анастасия
Викторовна**

– кандидат филологических наук, доцент
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова.
E-mail: aourja@gmail.com

**ХУББИТДИНОВА,
Нэркэс
Ахметовна**

– доктор филологических наук, ведущий научный
сотрудник Института истории, языка и
литературы Уфимского федерального
исследовательского центра РАН.
E-mail: narkas08@mail.ru

**ЧЕКУШИН,
Викентий
Владимирович**

– аспирант Красноярского государственного
педагогического университета им. В.П.
Астафьева.
E-mail: vikesha@bk.ru

**ЮЛДЫБАЕВА,
Гульнар
Вильдановна**

– кандидат филологических наук, старший
научный сотрудник Института истории, языка и
литературы Уфимского федерального
исследовательского центра РАН.
E-mail: nargul1976@list.ru

**ЯХЬЯПУР,
Марзие**

– кандидат филологических наук, профессор
Тегеранского университета.
E-mail: myahya@ut.ac.ir

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс П5843
в каталоге Почты России

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77–30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 03.12.2019. Подписано в печать 05.12.2019. Дата выхода издания в свет 09.12.2019. Формат 60×84/16. Гарнитура TimesNewRoman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № хх.

Издательство и типография Алтайского государственного университета.
Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 204.

© Издательство Алтайского государственного университета, 2019

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 35 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения – до 20 тыс. знаков с пробелами, другие материалы – до 10 тыс. знаков с пробелами). Для аспирантов – объем не более 20 тыс. знаков с пробелами.
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание научных изданий оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания – учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Издания на иностранных языках располагаются после изданий на русском языке. Ненаучные издания (нормативные документы, архивные и др. материалы) указываются в отдельной рубрике «Список источников» в конце списка литературы
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка. При цитировании изданий на иностранных языках цитата дается на языке оригинала (при необходимости – с переводом автора статьи). Если цитата дана на русском языке в неавторском переводе, то в библиографическом списке указывается не иноязычный оригинал, а источник, в котором был опубликован перевод. Интернет-источники с изменчивым контентом без указания конкретного материала (кроме электронных изданий, поддающихся библиографическому описанию), блоги, форумы и т.п., а также авторские комментарии помещаются в подстрочных примечаниях (сносках). Ссылка на источник приводимого в качестве иллюстративного материала фрагмента чужого текста дается после примера в круглых скобках: *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Независимая газета. 01.02.2016).
7. Статьи следует отправлять в редакцию через электронный портал «Научные журналы АлтГУ» по адресу: <http://journal.asu.ru/pm/information/authors>. К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.
9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы References.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола

заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте. 2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).** 3. Все материалы публикуются в журнале бесплатно.